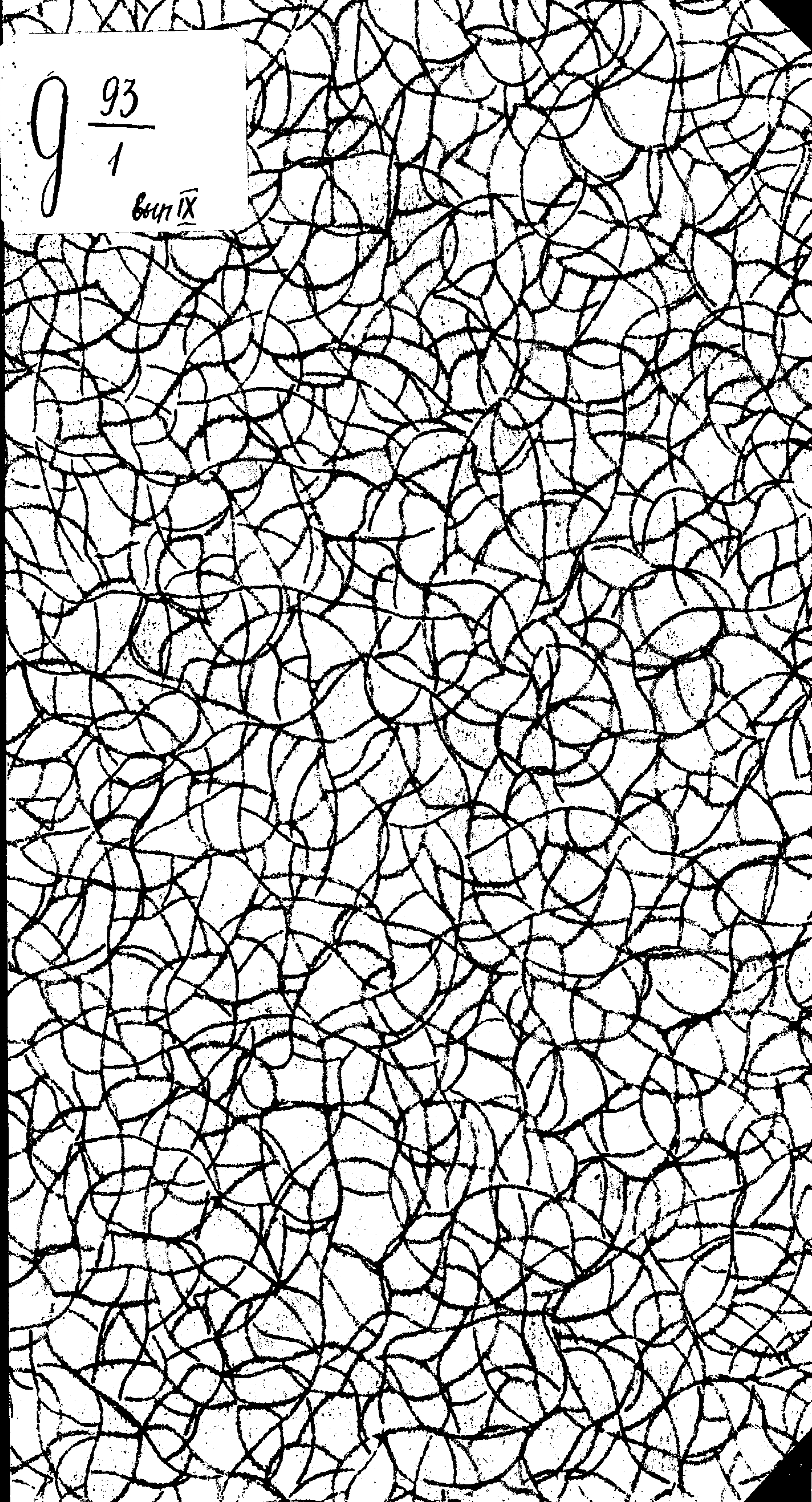

9 $\frac{93}{1}$

ВУНІХ

93

в. 9.

МИССИОНЕРСКИЙ ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКИЙ СБОРНИКЪ.

ТРУДЫ СТУДЕНТОВЪ

МИССИОНЕРСКАГО ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ПРИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Выпускъ IX.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1875.

МИССИОНЕРСКІЙ ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ТРУДЫ СТУДЕНТОВЪ

МИССИОНЕРСКАГО ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ПРИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ВЪНУСЪ. Б. К.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1885.

ЭБ

99
Т
60

ПРИЗНАКИ

ИСТИННОСТИ ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНСТВА

И

ЛЖИВОСТИ МУХАММЕДАНСТВА.

Сочинение

СТУДЕНТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ IV УЧЕБНАГО КУРСА (1848-1852 г.)

ПАВЛА РАЕВА.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1875.

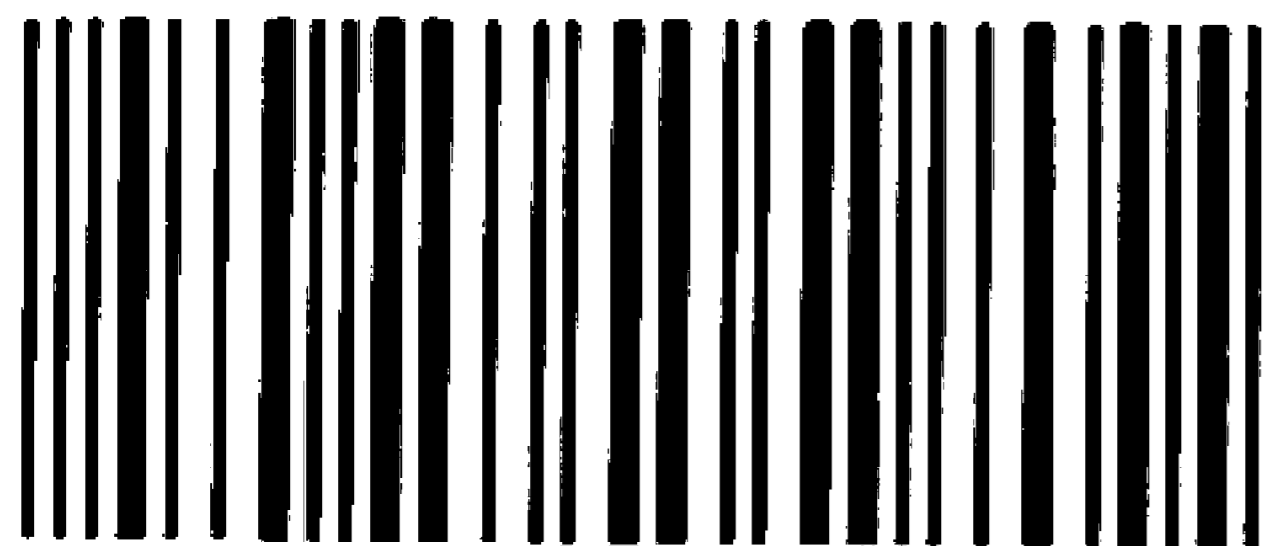
КАЗАНЬ

ВЪ КАЗАНСКОМЪ ДУХОВНОМЪ ЦЕНЗОРНОМЪ КОМПЕТЕГѢ

КАЗАНСКОМУ ДУХОВНОМУ ЦЕНЗОРНОМУ КОМПЕТЕГѢ

Отъ Казанскаго Комптега духовной цензуры печатать дозволяется. 28
Юля 1875 г.

Цензоръ, экстраординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи
священникъ Евонмій Маловъ.

2007096193

Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Иисусъ Христа. (Іоан. 17, 3).

Возлюбленнии, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть. (1 Іоан. 4, 1).

Православно-христіанская вѣра есть единое, истинно-божественное откровеніе и слѣдовательно единая истинно-божественная вѣра, спасительная для людей въ настоящемъ поврежденномъ ихъ состояніи. Всѣ же прочія вѣрованія, существующія въ человѣческомъ родѣ, суть вѣрованія или нечисто истинныя, или совершенно ложныя, святоотечественно усвоющія себѣ названіе откровенныхъ, божественныхъ. Къ числу послѣдняго рода вѣрованій должно отнести и мухаммеданство. Хотя сами мухаммедане отъ всей души убѣждены въ высочайшемъ достоинствѣ своей вѣры, по ихъ мнѣнію, заключающей въ себѣ тайны неба и земли, гордятся своимъ пророкомъ и только себя однихъ величаютъ истинными читателями единого Бога, а всѣхъ прочихъ называютъ поноснѣйшими именами невѣрныхъ, идолопоклонниковъ и безбожниковъ; но на самомъ дѣлѣ вѣра ихъ далеко не такова, какъ они думаютъ о ней. Это—вѣра ложная, самодѣльная, составляющая произведеніе естественнаго человѣческаго разума, и то омраченнаго низкими страстями... Чтобы съ одной стороны быть готовымъ дать отвѣтъ иновѣдникамъ мухаммеданства, пререкающимъ истинѣ нашей вѣры, а съ другой—дабы ихъ самихъ обличить въ самопрельщеніи, покажемъ основанія непреложной истинности вѣры хри-

стіанской—православной, равно какъ раскроемъ и лжебожественность мұхаммеданской, и притомъ такъ, чтобы безпристрастія и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой убѣдительности нашего изслѣдованія не могъ не возчувствовать и сколько нибудь мыслящій мұхаммеданинъ⁽¹⁾.

Какой же для сего употребимъ *методъ* разсмотрѣнія? Методъ этотъ указывается намъ самимъ предложеніемъ.

Для того, чтобы доказать, что истинно—божественная вѣра дѣйствительно есть вѣра православно—христіанская, а не мұхаммеданская, надлежитъ предварительно опредѣлить какія-либо общія начала или истины, которыя бы имѣли силу и значеніе для каждаго и преимущественно для христіанъ и мұхаммеданъ, и потомъ, на основанія оныхъ, раскрыть и утвердить истинность и божественность первой и ложность послѣдней. А такими началами или истинами (т. е. которыя бы могли служить основаніемъ и повѣркою всѣхъ мнѣній и разсужденій христіанъ и мұхаммеданъ относительно вѣры) и могутъ быть здѣсь всего естественнѣе признаки истинно-божественной вѣры. Ибо установивъ вѣрный, сообразный съ существомъ дѣла и вполне удобоприложимый взглядъ на нихъ, намъ останется послѣ сего только сдѣлать приложеніе сихъ признаковъ къ вѣрѣ православно-христіанской и мұхаммеданской. Прилагая ихъ къ первой, мы увидимъ, что всѣ они вполне и всецѣло приличествуютъ ей, а потому она, по всей справедливости, вѣра истинно-божественная, благій даръ, ниспосланный роду человѣческому отъ источника всѣхъ совершенствъ, *Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17). На-

(1) Имѣемъ въ виду болѣе или менѣе ученыхъ мұхаммеданъ, которые не исключаютъ вовсе разумнаго взгляда на вѣру и въ которыхъ еще не совсѣмъ подавлено стремленіе къ повѣркѣ ея, а не простыхъ мусульманъ, которые избѣгаютъ всякаго разсужденія о вѣрѣ, помня касательно сего строгую заповѣдь своего пророка, и которые въ глубинѣ своего невѣдѣнія умѣютъ только восклицать: «нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Мұхаммедъ пророкъ Его».

противъ, послѣдней совершенно неприличны свойства истинно-божественной вѣры, а это значитъ, что она—вѣрованіе ложное.

Отсюда уже сами собою вытекаютъ и главныя части нашего разсужденія, именно: изслѣдованіе *о признакахъ истинно-божественной вѣры* составитъ часть первую, *о истинности и божественности вѣры православно-христіанской* — вторую, *о ложности и мнимобожественности мухаммеданскаго вѣрованія* — третью.

О ПРИЗНАКАХЪ ИСТИННО-БОЖЕСТВЕННОЙ ВѢРЫ.

Господь Богъ, благоволивши даровать людямъ Свою божественную вѣру, *не несвидѣтельствована себѣ остави* (Дѣян. 14, 17) въ ней. Истинно—божественная вѣра имѣетъ свои отличительные признаки посредствомъ которыхъ она можетъ быть отличена отъ всѣхъ другихъ не истинныхъ и ложныхъ вѣрованій.

Признаки истинно—божественной вѣры можно раздѣлить, какъ обыкновенно и раздѣляютъ, на два вида: А) на признаки *внутренніе* и Б) на признаки *внѣшніе*.

А.

О ВНУТРЕННИХЪ ПРИЗНАКАХЪ ИСТИННО-БОЖЕСТВЕННОЙ ВѢРЫ.

Внутренніе признаки истинно—божественной вѣры заимствуются изъ самаго содержанія ея. Посему представимъ напередъ понятіе о существѣ истинно — божественной вѣры. Истинная, откровенная вѣра есть Богомъ дарованная вѣра, содержащая въ себѣ совокупность истинъ, опредѣляющихъ наше отношеніе къ Богу, обучающихъ насъ истинному познанію о Богѣ, истинной любви къ Нему и истинной надеждѣ на Него, — дарованная благостію и премудростію Божіею съ тою цѣлію, чтобы человекъ, руководствуясь ею, неуклонно шествовалъ по пути совершенства до совершенства высочайшаго и прославляя Творца и Господа своего, вступалъ въ тѣснѣйшее и внутреннѣйшее единеніе съ Нимъ.

Такое опредѣленіе существа истинно—божественной вѣры хотя снято съ христіанства, однакожь въ общихъ чертахъ оно имѣетъ и должно имѣть значеніе для всѣхъ; его не могутъ совершенно отвергнуть, не противорѣча самимъ себѣ, ни неупорный іудей, ни мыслящій мухаммеданинъ, ни ученый язычникъ. Теперь, когда извѣстно существо предмета, значительно уже облегчается и сужденіе о внутреннихъ существенныхъ признакахъ его. Въ составленномъ нами опредѣленіи сущности истинно—божественной вѣры указывается а) на виновника ея—Бога; б) на человека, приѣмлющаго эту вѣру; в) на предметъ свыше-откровенной вѣры и г) на цѣль ея. Выведемъ изъ этихъ частныхъ понятій внутренніе существенные признаки истинно—божественной, свыше—откровенной вѣры, и

а) *Изъ понятія о Богѣ.*

Отсюда прежде всего вытекаетъ то свойство богооткровенной вѣры, что она должна содержать въ себѣ истины совершеннѣйшія. Это на томъ основаніи, что Богъ, первоисточное начало ея, есть полнота всѣхъ совершенствъ, источникъ всякой истины и святости. Слѣдов. быть не можетъ, чтобы истинная, свыше-откровенная вѣра заключала въ себѣ что—либо несовершенное въ какомъ бы то ни было отношеніи. Такъ, въ ней нельзя предполагать ничего ложнаго, поелику Богъ всегда неизмѣнно истиненъ во всѣхъ глаголахъ Своихъ; никакихъ нелѣпыхъ и безразсудныхъ мыслей: такихъ понятій Богъ не можетъ сообщить, не переставая быть Богомъ; ничего противорѣчащаго: отъ единого истиннаго Бога ничего не можетъ происходить, кромѣ истины. а истина всегда и сама себѣ равна. и съ другими истинами согласна.

Сверхъ сего, богооткровенная вѣра, какъ произведеніе безконечнаго ума божественнаго, должна еще имѣть несравненное превосходство предъ всѣми системами вѣроученія, составленными по началамъ естествен-

наго разума человѣческаго. Это—важное отличительное ея свойство, потому что оно прямо указываетъ на ея высшее происхожденіе.

б) *Изъ понятія о человѣкѣ.*

Истинная, богооткровенная вѣра даруется людямъ: слѣдов. она необходимо должна имѣть полное и всецѣлое приложеніе къ нимъ, иначе, по справедливости, можно усумниться: для человѣка ли она назначена?... Человѣкъ по самой своей природѣ сознаетъ нѣкоторыя коренныя истины, которыя не изобрѣтены имъ, но насаждены въ немъ Творцемъ. Таковы напр. истины: вѣра въ бытіе Божіе, въ безсмертіе души, въ провидѣніе и пр... Совокупность этихъ коренныхъ истинъ составляетъ сущность естественной вѣры. Сущность же естественной вѣры неизмѣняема и непреходяща. Есть степени развитія, на которыхъ недоступны для человѣка ни науки, ни искусства, ни законы, ни порядки общественной жизни; но врожденное чувство вѣры въ Бога всегда присуще человѣку; оно не подлежитъ никакимъ условіямъ, видоизмѣняющимъ бытіе его. Сущность естественной вѣры не можетъ быть и ложною, иначе потерялось бы самое основаніе для благочестиваго союза съ Богомъ; но основаніе для этого союза не можетъ уничтожиться въ человѣкѣ безъ уничтоженія его внутренней духовной природы. Притомъ, смѣемъ сказать, если бы основныя понятія естественной вѣры были не неизмѣняемы и ложны, или что то же, если бы въ человѣкѣ не было основанія для религіознаго союза съ Богомъ,—тогда ни люди, ни ангелы, ни самъ Богъ не научили бы насъ вѣрѣ. Итакъ въ душѣ человѣка всегда, неистребимо остается нѣсколько коренныхъ истинъ, составляющихъ сущность естественной вѣры. Если же такъ; то сверхъестественная, свыше-откровенная вѣра не должна и не можетъ возвѣщать ничего такого, что бы противорѣчило симъ истинамъ, низвращало и ниспровергало ихъ. Иначе, она неизбежно поставляла бы че-

ловѣка въ противорѣчіе съ самимъ собою въ дѣлѣ вѣры. Тогда какъ, напротивъ, ученіе откровенное должно имѣть основаніе свое въ общей природѣ людей, такъ чтобы душа наша, когда опытно узнаетъ сіе ученіе, убѣдилась и возчувствовала, что оно есть именно ученіе ума и сердца нашего.

Далѣе, разсматривая свойства богооткровенной вѣры въ отношеніи къ человѣку, естественно ожидать отъ нея, что она будетъ высшимъ освященіемъ благороднѣйшихъ способностей и силъ человѣка, удовлетворитъ всѣмъ высшимъ духовнымъ потребностямъ разумной природы нашей. Человѣкъ чувствуетъ въ себѣ тройственную потребность, или, по крайней мѣрѣ, можетъ чувствовать: потребность истины, поелику онъ, коль скоро начинаетъ развиваться его разумъ, имѣетъ сильное, непреодолимое стремленіе къ изысканію ея, — потребность святости, ибо человѣкъ отъ природы предназначенъ къ добру и ясно сознаетъ это въ свои лучшія минуты, — потребность блаженства, которое соотвѣтствуетъ основному побужденію человѣческой природы. Посему истинно-божественная, свѣше-откровенная вѣра должна указать и высочайшую истину, и высочайшее добро, и высочайшее блаженство. Этого очень свойственно отъ нея ожидать духу человѣческому: иногда никто и ничто въ мірѣ бываетъ не въ состояніи удовлетворить его стремленіямъ; откуда же тогда чаять ему успокоенія себѣ, какъ не съ неба?.... Одинъ только Богъ вполнѣ вѣдаетъ всѣ нужды человѣческія и можетъ совершеннѣйшимъ образомъ удовлетворить ихъ.

в) *Изъ предмета богооткровенной вѣры.*

Предметъ сей вѣры извѣстенъ: это вообще — совокупность истинъ, опредѣляющихъ наше отношеніе къ Богу, или истинное богопознаніе и истинное богопочтеніе. Въ частности, разсматривая истинно-божественную вѣру по отношенію къ предмету ея, мы можемъ надѣяться, что она сообщитъ намъ вѣрное, возможно полное по-

знаніе о Богѣ, какъ въ Его существѣ, такъ и въ Его дѣлахъ;—о человѣкѣ, его положеніи въ ряду другихъ созданій Божіихъ и о цѣли его бытія;—о мірѣ, происхожденіи въ немъ зла нравственнаго и физическаго и т. п. Богооткровенная вѣра должна также проникнуть и въ непроницаемую для взора человѣческаго глубь будущаго, должна нѣсколько проторгнуть завѣсу, которою отдѣлено отъ насъ грядущее, освѣтитъ мракъ, которымъ покрыто все, что ожидаетъ насъ на пути жизни; но касаться сихъ предметовъ она должна на столько, на сколько требуетъ того самая необходимость, а не пустое любопытство, и отнюдь не съ тѣмъ, чтобы питать праздное умозрѣніе. Кратко сказать: богооткровенная вѣра должна возвѣстить намъ все то, что особенно близко нашему уму и дорого для нашего сердца, что въ какомъ-либо отношеніи важно для насъ въ дѣлѣ спасенія, отъ чего зависитъ достиженіе нашего назначенія. А сообщая намъ вѣрныя и высокія понятія о предметахъ вѣры, богооткровенная вѣра съ одной стороны пояснитъ то, что въ естественной вѣрѣ темно, утвердитъ и усовершитъ то, что въ послѣдней шатко и недостаточно; съ другой стороны—откроетъ намъ и нѣчто новое, такія истины, которыхъ разумъ самъ изъ себя развитъ не можетъ. А такія истины дѣйствительно есть: ибо разумъ, по своей ограниченности и вслѣдствіе своего несовершенства, не въ состояніи исчерпать всей совокупности истинъ вѣры; но Богъ, по Своему всевѣдѣнію, знаетъ ихъ и, по Своей благодати, не можетъ не сообщить намъ оныя. Это новое—двоякаго рода: или такое, что человѣкъ тотчасъ пойметъ, какъ ему будетъ открыто, или такое, чего онъ не постигаетъ. Это непостижимое опять можетъ быть двоякаго рода: или такое, что хотя сначала непостижимо человѣку, но въслѣдствіи можетъ быть понято имъ, или такое, что если не въ вѣчности, то по крайней мѣрѣ въ настоящей жизни человѣкъ никогда не постигнетъ. Непостижимое послѣдняго рода составляютъ тайны.

Говоря о тайнахъ, входящихъ въ предметъ богооткровенной вѣры, мы считаемъ здѣсь не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о возможности ихъ, вопреки мнѣнію тѣхъ лжемудрователей, которые не хотятъ допустить въ вѣрѣ ничего таинственнаго. Тайны возможны въ богооткровенной вѣрѣ: разумъ нашъ всюду, почти на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ тайны и въ природѣ внѣшней, и въ естественной вѣрѣ; тѣмъ болѣе тайны могутъ быть въ откровенной. Богооткровенная вѣра предлагаетъ намъ истины, касающіяся Бога съ Его высочайшими свойствами, съ Его безконечными совершенствами; истины, касающіяся человѣка съ его судьбою—настоящею, прошедшею и будущею; истины относительно судебъ міра и коренныхъ вопросовъ о немъ... Все это, очевидно, предметы сверхъ-опытные и слѣдовательно въ настоящемъ нашемъ состояніи непосредственно недоступные уму нашему. Кто же можетъ сказать, чтобы во всемъ этомъ не могло быть для насъ многого и очень многого совершенно не постижимаго? Мало сказать, что тайны возможны въ откровенной вѣрѣ: онѣ даже необходимы въ ней. Здѣсь является Самъ Богъ—безконечный Умъ—говорящимъ къ человѣку. Положимъ, что мудрый учитъ дитя; сколько бы первый ни приспособлялся къ понятію послѣдняго, все однакоже нельзя думать, чтобы дитя вполне поняло все то, о чемъ говорится ему: но что значитъ это сравненіе въ отношеніи къ Богу, обучающему людей? Недостигаема высота, неизмѣрима долгота, безпредѣльна широта, неисчерпаема и непроницаема глубина мудрости Божіей;—а потому *кто*, не говоримъ изъ людей, но и изъ ангеловъ, *уразумѣть умъ Господень?* Ис. 40, 13. Далѣе, откровеніе дается человѣку изъ другаго міра, дается во времени, но какъ существу по концу бытія своего вѣчному, которое безконечно имѣетъ усовершеншаться. Слѣдовательно богооткровенная вѣра должна имѣть въ виду существованіе человѣка, простирающееся чрезъ всю вѣчность; слѣдовательно должна знакомить его съ истинами вѣчными, непостижимыми, ко-

которыя необходимо выше тѣхъ понятій, которыя человекъ имѣетъ теперь на высшей степени своего развитія.

Ясно, тайны не только возможны, но и необходимы въ свыше-откровенной вѣрѣ: онѣ служатъ, также и очевиднѣйшимъ признакомъ ея божественнаго происхожденія. Если откровеніе заключаетъ въ себѣ истины, непостижимыя сами въ себѣ, но имѣющія глубокой смыслъ и значеніе, отличающіяся спасительностію и животворностію и сверхъ сего находящіяся въ тѣсной, неразрывной связи между собою и со всеми уже познанными истинами, — такое откровеніе, очевидно, свыше. Ложныя, лжебожественныя откровенія не могутъ содержать въ себѣ такихъ истинъ: потому что человекъ не въ состояніи выдумки своей фантазіи совокупить въ одно цѣлое, связать внутреннимъ союзомъ и соединить съ святѣйшими правилами нравственности. Очевиднѣйшимъ доказательствомъ тому могутъ служить языческія вѣрованія, которыя хотя также представляютъ таинства своего рода, но ихъ таинства состоятъ въ пустыхъ нѣкоторыхъ словахъ, безъ всякаго смысла и значенія, изучаемыхъ и затверживаемыхъ одною памятію, безъ всякаго участія высшей познавательной способности. Говорятъ: „какъ же тайны могутъ быть признакомъ божественности откровенной вѣры, когда онѣ, по самому понятію о нихъ, суть истины непостижимыя“? Но непостижимость истинно-божественныхъ тайнъ состоитъ совершенно не въ томъ, что будто нельзя уже имѣть никакого опредѣленнаго понятія о нихъ, но въ томъ, что мы не постигаемъ только внутренней ихъ возможности, хотя всегда въ состояніи составить о нихъ полное и точное логическое понятіе. Вообще, нельзя представить ни одной причины, почему бы истинныя тайны не могли быть признакомъ истинно-божественной вѣры. Напротивъ, онѣ составляютъ важный отличительный ея признакъ, такъ что если бы откровенная вѣра не имѣла тайнъ, то можно было бы подумать, что она — произведеніе естественнаго ума человеческого: ничто тогда не свидѣтельствовало бы,

что она и по содержанию своему божественнаго происхождения...

Касательно *нравственности*, мы имѣемъ основаніе ожидать, что богооткровенная вѣра предложитъ намъ нравственность чистѣйшую и возвышеннѣйшую. Она обязана научить человѣка достодожнымъ образомъ чтить Бога, поклоняться Ему въ духѣ и истинѣ; равно какъ на ней лежитъ долгъ указать намъ обязанности въ отношеніи къ ближнимъ и самимъ себѣ. И при этомъ, быть не можетъ, чтобы богооткровенная вѣра проповѣдывала какія-либо правила дѣятельности, пагубныя для нравственности, предписывала постановленія или внушала чувства, которыя бы вели человѣка къ развращенію. По одному уже этому признаку нельзя было бы приписать ей божественнаго происхождения.

Излагая же правила для нашей дѣятельности, богооткровенная вѣра должна раскрыть и уяснить законъ нравственный въполнѣ и совершеннѣйшимъ образомъ. Мы видѣли, что въ отношеніи къ истинамъ вѣры откровеніе заключаетъ въ себѣ болѣе, нежели сколько вѣра естественная: теперь можно ли ожидать, чтобы оно и въ отношеніи къ ученію нравственному было обширнѣе послѣдней? Съ перваго взгляда это какъ будто представляется невозможнымъ. Главные, коренные законы нравственности всегда одни и нисколько неизмѣняемы; но углубляясь болѣе въ существо дѣла, находимъ и нужду и возможность того, что нравственное ученіе откровенной вѣры по содержанию своему можетъ и должно быть обширнѣе, чѣмъ нравственное ученіе естественной вѣры. Такъ, богооткровенная вѣра должна предложить (что будетъ доказано въ своемъ мѣстѣ) способъ примиренія человѣка съ Богомъ: отсюда по необходимости слѣдуетъ, что многія изъ прежнихъ обязанностей естественныхъ примутъ другой видъ. Сравните поведеніе человѣка больного съ поведеніемъ здороваго: отношенія перваго къ закону во многомъ не таковы, каковы отношенія послѣдняго. Далѣе, поелику откровеніе сообщаетъ намъ много истинъ вѣры

новыхъ, то вмѣстѣ съ этимъ необходимо уже дается мѣсто и обязанностямъ новымъ. Возьмемъ примѣръ изъ христіанства. Здѣсь вводится новое лице въ отношеніи къ роду человѣческому—Искупитель міра—Иисусъ Христосъ. Люди поставляются въ новыя отношенія къ Нему, которыхъ нѣтъ и быть не можетъ въ вѣрѣ естественной, именно—какъ къ примирителю, какъ ходатаю и искупительной жертвѣ за спасеніе рода человѣческаго. Съ введеніемъ такого лица необходимо многія обязанности измѣняются, а многія даже вновь входятъ... Такимъ образомъ богооткровенная вѣра и въ отношеніи къ нравственной сторонѣ своей должна содержать въ себѣ нѣчто новое въ сравненіи съ нравственностію вѣры естественной.

Истинная, божественная вѣра должна положить какъ основанія нравственности самыя твердыя, такъ и побужденія къ исполненію закона такого рода, которыя бы могли отвлекать человѣка отъ пороковъ и располагать къ добродѣтели. Эти побужденія въ богооткровенной вѣрѣ должны быть вообще сколько сильны и дѣйствительны, столько же чисты и возвышенны. Впрочемъ, она можетъ и обѣтованіемъ какихъ-либо наградъ заставить любить добро; только бы блага земныя, низшія, не были въ ней главными, а тѣмъ болѣе единственными побужденіями къ нравственности: ибо она обязана всегда преимущественно обращать вниманіе на существенное, чѣмъ на временное-преходящее и имѣть въ виду не одну только внѣшнюю и земную жизнь нашу, но особенно духовную и небесную. Въ истинной, богооткровенной вѣрѣ могутъ также быть допущены и побужденія страха, но какъ частное условіе, посредствомъ котораго подавляются чувства и дѣйствія, несообразныя съ нравственнымъ закономъ. Кратко: низшія побужденія хотя и могутъ имѣть мѣсто въ богооткровенной вѣрѣ,—они не порочатъ ее; но кромѣ этихъ низшихъ необходимо она должна содержать еще высшія, чистѣйшія, такъ чтобы первыя служили не болѣе какъ приготовленіемъ къ послѣднимъ,

а всѣ вмѣстѣ—возводили человѣка отъ земнаго къ небесному....

Для осуществленія истинъ вѣры и нравственности во внѣ—въ дѣйствіяхъ и во всей жизни весьма много содѣйствуютъ намъ разные видимые знаки благочестія; посему можно полагать, что истинно-божественная вѣра не ограничится изложеніемъ только истинъ вѣры и нравственности, служащихъ основаніемъ для внутренняго богопочтенія,—она предпишетъ и установитъ и *Богослуженіе внѣшнее*, вполне сообразное съ ея внутреннимъ достоинствомъ или совершенствомъ.—На какой бы высокой степени духовнаго просвѣщенія человѣкъ ни стоялъ, всегда онъ имѣетъ нужду во внѣшнихъ образахъ для выраженія внутренней, духовной жизни своей, доколѣ не перейдетъ изъ міра образовъ въ премірную область; въ противномъ случаѣ, легко сдѣлаться опаснымъ мечтателемъ до самопрельщенія⁽¹⁾. Уже и отсюда можно видѣть, что одно чисто внутреннее служеніе Богу безъ внѣшняго, образнаго недостаточно для человѣка, и даже можетъ быть крайне вреднымъ; такое богопочтеніе свойственно только безплотнымъ духамъ, а человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла, долженъ обѣими сторонами своей природы, и духовною и тѣлесною, служить Богу. Потому-то мы и видимъ, что у всѣхъ народовъ, какую бы кто изъ нихъ ни исповѣдывалъ вѣру, существовали различные религиозные обряды. Но разумъ человѣческій, руководствуясь одними своими началами, не въ состояніи предписать и установить внѣшнее богослуженіе, такое, которое бы для всѣхъ было годно и для всѣхъ священо. Ибо не говоря уже о томъ, что предписанія и установленія самаго человѣка касательно сего не могутъ имѣть обязательной силы, онъ если въ чемъ, то

(1) Живымъ примѣромъ сему служатъ квакеры, совершенно отвергающіе внѣшній образъ богослуженія, и вообще всѣ тѣ, которые признаютъ только одно мнимо-истинное, внутреннее—духовное богопочтеніе.

Особенно здѣсь заблуждается и всегда можетъ заблуждаться. Долговременный опытъ показалъ, что коль скоро люди сами учреждали обряды, относящіеся къ богопочтенію, то обряды эти были или пустые и бессмысленные, или безстудные и суетѣрные, или жестокіе и безчеловѣчные. Несомнѣннымъ свидѣтельствомъ тому служатъ вѣрованія народовъ языческаго міра, которые, по выраженію Апостола, *разумѣше Бога, но не яко Бога прославиша или благодариша* (Рим. 1. 21). Только истинно-откровенная вѣра можетъ предписать и установить внѣшнее богопочтеніе, вполне достойное Бога—Существа достойнаго покланяемаго и человѣка—существа покланяющагося. Только богопочтеніе, учрежденное откровенною вѣрою, можетъ представить намъ средства для выраженія всѣхъ тѣхъ мыслей и чувствованій, какія мы обязаны имѣть по отношенію къ Богу, и только оно одно можетъ надлежащимъ образомъ питать и возгрѣвать нашу вѣру, воспламенять и возвышать нашу любовь, окрылять нашу надежду.

г.) *изъ цѣли истинно-божественной вѣры.*

Все, что происходитъ отъ Бога, имѣетъ благія и премудрыя цѣли: потому и дарованная Имъ вѣра должна имѣть свою цѣль—высочайшую, животворную, спасительную. Ибо если и дѣло человѣка благоразумнаго всегда предполагаетъ собою какую-либо цѣль: то тѣмъ болѣе дѣло Божіе не можетъ быть безъ собственной ему цѣли. Какіе же могутъ быть признаки или свойства истинно-божественной вѣры, разсматриваемой въ отношеніи къ ся цѣли?

Первая и ближайшая цѣль истинно-богооткровенной вѣры—вести людей по пути истины и добродѣтели. Для этого прежде всего она должна извлечь родъ человѣческій изъ тьмы невѣдѣнія и заблужденій и просвѣтить его свѣтомъ истиннаго религіознаго ученія. Ибо мудрость человѣческая, руководствуясь одними естественными средствами, не въ состояніи привести чело-

вѣка къ чистой и совершенной истинѣ (¹). Это показали опыты многихъ вѣковъ; тоже ясно—до несомнѣнности подтверждаетъ и исторія философіи, изъ которой видимъ, до какой степени люди, *глаголющеся быти мудры обзюродѣши* (Рим. 1, 22) и какъ они, осуетившись *помысленіи своими* (—21), *претѣниша истину Божию во лжу* (—25).—Затѣмъ, истинно-божественная вѣра, разсматриваемая въ отношеніи къ ея цѣли, должна внутренно преобразовывать и нравственно усовершенять человѣка, такъ чтобы онъ въ самой дѣятельности выражалъ свое богоподобіе. Это также одно изъ важнѣйшихъ, отличительнѣйшихъ ея свойствъ, ибо сколько она сама въ себѣ чиста и свята, столько же должна быть направлена къ очищенію и освященію существа человѣческаго. Наконецъ, истинная, богооткровенная вѣра должна несомнѣнно приводить человѣка и къ послѣдней, высочайшей цѣли—къ истинному блаженству, которое главнымъ образомъ состоитъ въ ближайшемъ нравственномъ общеніи съ Богомъ, въ удаленіи отъ Котораго для человѣка не можетъ быть ни истинной жизни, ни счастья, ни спасенія...

(¹) Лучшіе изъ древнихъ философовъ открыто признавали бессиліе человѣческаго разума въ дѣлѣ богопознанія, и въ слѣдствіе того чувствовали потребность въ сверхъестественной помощи. Сократъ говорилъ: «люди дотолѣ пребудутъ въ невѣдѣніи, пока небо необъяснится внятѣе, доколѣ Богъ, сжалившись надъ ними, не пошлетъ къ нимъ кого—либо съ Своимъ словомъ и съ откровеніемъ Своей воли» См. крат. изложеніе главъ доводовъ о бож. происхожденіи христіан. откровенія — Портыуса. Предложен. 1-е. Почти также выражался и Платонъ: «ежели есть какая истина въ настоящемъ бѣдственномъ состояніи сего міра, и какая ни есть она: то и та не могла здѣсь быть иначе, какъ только по особенному посредству Божию.» (См. въ томъ же сочиненіи). «Academici novam induxerunt sententiam, nihil scire,» dixit Seneca in Epist. 88. conf. Lactant. Instit. Divin. lib. IV. c. 5 И Цицеронъ свидѣтельствовалъ: ex philosophis nonne optimus et gravissimus quisque confitetur, multa se ignorare (Quaest. Tuscul. Lib. III). Подобное читаемъ и у Ямвлиха: quae Deo grata sunt, scire difficile est, nisi quis vel Deum ipsum, vel eum, qui Deum audit, audiverit. In vita Piphagorae c. 28.

Изъ понятія о цѣли истинно-божественной вѣры вытекаютъ и *средства*, которыя она должна предложить для достиженія указанныхъ ею цѣлей.

Такъ какъ главнѣйшая изъ всѣхъ, конечная цѣль свыше-откровенной вѣры—привести человѣка къ единенію съ Богомъ, а между тѣмъ человѣкъ находится въ удаленіи отъ Него, во враждѣ съ Нимъ: то истинно-божественная вѣра имѣетъ непремѣнный долгъ предложить самыя дѣйствительныя средства для примиренія человѣка съ Богомъ и для возстановленія союза между ними (¹).

Дѣйствительно, родъ человѣческой находится въ состояніи паденія, и мы не можемъ не ощущать въ себѣ и внѣ себя множества гибельныхъ слѣдствій сего паденія. Въ насъ происходитъ настоящая борьба между духомъ и плотію, разумомъ и страстями, стремленіями къ добру и влеченіями ко злу,—и въ этой борьбѣ побѣда чаще остается на сторонѣ послѣднихъ: плоть преобладаетъ въ насъ надъ духомъ, страсти господствуютъ надъ разумомъ, влеченія ко злу пересиливаютъ стремленія къ добру. Разумъ и сердце говорятъ намъ, что мы созданы для добродѣтели: и въ самомъ дѣлѣ, мы любимъ добро по своей природѣ, желаемъ его, соуслаждаемся ему, но чтобы творить его, не находимъ силъ въ себѣ. Напротивъ, зла мы не любимъ по природѣ, осуждаемъ,—и не смотря на то, не удерживаемъ.

(¹) На догматъ паденія человѣка и глубину паденія, на особенную, существенную потребность искупленія и на то, что для совершенія онаго необходимы были чрезвычайныя, сверхъестественныя средства,—мы обратимъ преимущественное вниманіе, и нарочито прослѣдимъ сии истины во всѣхъ частяхъ разсужденія. Ибо онѣ суть важнѣйшія, существеннѣйшія истины въ богооткровенной вѣрѣ, а главное, ими—то особенно и отличается отъ христіанской вѣры мухаммеданская. Еслибы мухаммедане вѣрили въ указанные догматы, тогда бы православно-христіанское ученіе о Пресвятой Троицѣ не казалось для нихъ идолопоклонническимъ, тогда бы они признали за истинное все то, что касается лица Иисуса Христа и Духа Святаго ..

жимо влечемся къ нему. Въ истинѣ этого можетъ каждый убѣдиться собственнымъ опытомъ, если захочетъ со вниманіемъ наблюдать за своею внутреннею духовною жизнью... Откуда же такое нестроеніе въ природѣ человѣка? Очевидно, это не можетъ быть явленіемъ естественнымъ, зависящимъ отъ воли Творца: *нѣсть бо нестроенія Богъ, но мира* (1 Кор. 14, 33). Отсюда видно, что человѣкъ теперь не таковъ, какимъ вышелъ изъ рукъ Создателя: онъ находится въ состояніи растлѣнія. Даже умнѣйшіе изъ язычниковъ, вникая въ природу человѣка, выводили почти тоже заключеніе: „человѣкъ, говорили они, есть существо странное, непонятное, само себѣ противорѣчащее, само съ собою несогласное,—существо великое и ничтожное, святое и нечистое, законодательное и беззаконное, праведное и виновное, стремящееся къ небу и пресмыкающееся въ персти, окрыленное духомъ и тяготеющее плотію. Гдѣ причина этой вѣчной борьбы въ одномъ существѣ? Откуда эта никогда непрестающая вражда человѣка съ самимъ собою? Конечно, не отъ Творца, источника единого добра и святости“... (1).

Посмотримъ ли на человѣка въ отношеніи къ внѣшнему его состоянію, найдемъ новое подтвержденіе доказываемой истины. Человѣкъ рождается, живетъ и умираетъ подѣ закономъ страданія. Сколько бы кто ни старался упокоивать себя чувственными удовольствіями и развлеченіями міра, всегда ощущаетъ какое-то недовольство, беспокойство. Истина эта и опытомъ прошедшихъ вѣковъ, и собственнымъ чувствомъ каждаго изъ насъ, если только не хотимъ обманывать себя, такъ ясно свидѣтельствуется, что не требуетъ и доказа-

(1) Смолр. Хр. Чт. за 1837 г. «о первоуродномъ грѣхѣ.» Изъ древнихъ языческихъ мудрецовъ признавали поврежденіе природы человѣческой и слѣдов. паденіе ея: Платонъ (in crit. Tim. loc. de natura mundi et de leg. lib IX), Цицеронъ (apud August cont. Julian. l. IV cap. 15), Сенека (de dementia lib. I. c. 6) и др. Они только умы мелкіе отвергали и отвергають паденіе человѣка.

тельствъ. И гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ какое время человѣкъ, разумѣется, незаренный свѣтомъ божественнаго откровенія, былъ истинно счастливъ, не жаловался на горькую судьбу свою, не испытывалъ бѣдъ и скорбей? Исторію частныхъ лицъ, исторію цѣлыхъ царствъ и народовъ можно уподобить тому книжному свитку, видѣнному пророкомъ Іезекіилемъ, въ которомъ вписано *блже рыданіе и жалость и горе* (Іез. 2, 10). Читая ее, невольно чувствуешь, что какъ будто какая-то кара небесная, грозная, неотвратимая, тяготѣетъ надъ человѣчествомъ... Что же значить это горестное состояніе рода человѣческаго? Отъ чего оно? Всесовершенный, Святой и Преплагій, безъ сомнѣнія, не могъ создать человѣка столь несовершеннымъ, какъ бы для однихъ бѣдствій и страданій. Слѣдов. надобно допустить, что человѣкъ палъ, прогнѣвалъ своего Создателя, и отъ того сдѣлался несчастнымъ. Мнѣніе о паденіи человѣка можно находить во всѣхъ древнихъ вѣрованіяхъ; всѣ вѣрили въ золотой потерянный вѣкъ и источникомъ зла большею частію почитали, согласно съ священною исторіею (Быт. гл. 3), грѣхъ. Откуда же взялось такое преданіе непрерывное и всемірное, если въ основѣ его не предположить дѣйствительнаго событія?

Если мы простремъ взоръ свой еще далѣе на внѣшнюю природу, то мы и здѣсь увидимъ явленія, подтверждающія ту же истину паденія человѣка. Да, и сама тварь неразумная участвуетъ въ страданіяхъ человѣка, и какъ-бы совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ ему. Пройдите по всѣмъ степенямъ видимыхъ тварей, обозрите всѣ области земной природы: гдѣ нѣтъ страданія, что не страдаетъ? Не тяжкія ли это воздыханія земли слышатся въ сокрушительныхъ ея буряхъ? Не обильныя ли ея слезы мы видимъ въ водахъ потопныхъ? А страшныя потрясенія земли, когда она съ стономъ раскрываетъ свои нѣдра, не глубокія ли это ея раны? Во всѣхъ и самыхъ благодѣтельныхъ силахъ природы сокрыты источники страданія и разрушенія. Солнце согрѣ-

васть, но и палить зноемъ; холодъ укрѣпляетъ, но и убиваетъ. Иногда воздухъ теряетъ правильность стихійнаго сорастворенія, и его струи текутъ не для оживленія, а на погубленіе; язва обходитъ землю, какъ ужасная рать, и нѣтъ силъ, нѣтъ средствъ у человѣка остановить врага, который невидимъ самъ, а видимо сокрушаетъ и разитъ все, къ чему не прикоснется. Нигдѣ въ мірѣ нельзя найти чистой радости и ненарушаемаго блаженства; напротивъ, всюду замѣчается какая-то тайная грусть и глубокая скорбь: это отъ того, что всякой жизни грозитъ смерть, каждой красотѣ и силѣ увяданіе, ослабленіе. Даже и тогда, когда все въ природѣ, по видимому, веселится, все какъ бы празднуетъ и торжествуетъ, нерѣдко раздаются вопль страданія и шумъ разрушенія. Прислушайтесь къ стройному, сладостному и величественному хору тварей радующихся, и вы примѣтите, какъ часто нарушается онъ глубокимъ стономъ тварей страждущихъ...

Итакъ разумъ, чрезъ изслѣдованіе природы человѣка, настоящаго его состоянія, равно какъ и чрезъ разсматриваніе внѣшней твари неразумной, доходитъ до убѣжденія въ паденіи человѣка. Подтвержденіе тойже истины мы находимъ и въ исторіи. Если же такъ, если человѣкъ находится въ состояніи паденія, растлѣнія и униженія: то истинно-божественная вѣра необходимо должна возстановить его, указать ему, отторгшемуся отъ союза съ Богомъ, способъ примиренія и соединенія съ Нимъ. Потребность искупленія глубоко лежитъ въ человѣкѣ, и онъ не можетъ не ощущать ея, по крайней мѣрѣ, иногда. Догматъ этотъ также замѣчается во всѣхъ вѣрованіяхъ, въ однихъ тайно, въ другихъ болѣе явно. Тайно: потому что всѣ народы допускали жертвы, которыми Богъ умилостивляется, оправдываетъ человѣка и слѣдов. поднимаетъ его. Явно: потому что многіе народы желали и ожидали сверхъестественной помощи Божіей; слѣды такого ожиданія находятъ у древнихъ египтянъ, халдеевъ, персовъ, индійцевъ, китайцевъ, грековъ и римлянъ и

др. (1) Посему та вѣра и не имѣетъ права назваться богооткровенною, которая оставляетъ безъ удовлетворенія существенную нашу потребность искупленія. — Какія же именно средства она употребитъ для возстановленія и спасенія рода человѣческаго, этого разумъ не въ состояннн точно опредѣлить. Онъ можетъ только полагать, что средства эти должны быть болѣе высшя, чѣмъ человѣческя, должны быть необыкновенныя, сверхъестественныя... (2).

Человѣкъ, по возстановленнн, все еще остается существомъ крайне ограниченнымъ, слабымъ и немоцнымъ, упадетъ и всегда можетъ падать: отсюда открывается новая потребность въ нѣкоторой высшей, божественной помощи. Эта потребность также существенная и слѣдов. необходимая. Всѣ народы вѣрили въ дѣйствительность нравственнаго влїянн Бога на душу человѣка, хотя опредѣлить самый образъ сего влїянн, показать, какимъ способомъ Богъ возбуждаетъ и укрѣпляетъ въ душѣ человѣка благя мысли, намѣренн и чувствованн, и было выше силъ ихъ разумнн. Итакъ, истинно-откровенная вѣра, возстановивъ человѣка, должна даровать ему нѣкоторую сверхъестественную силу, которая бы освящала его дѣйствн, должна даровать средства постоянныя, которыми бы онъ могъ всегда пользоваться во спасенн свое...

Изъ всѣхъ понятн вмѣстѣ, изъ понятн о Богѣ и человѣкѣ, предметъ богооткровенной вѣры и цѣли ея, могутъ быть выведены слѣдующе два важные призна-

(1) Смотръ въ Хр. Чт. 1838 г. статью: «было ли и откуда происходило ожиданн Спасителя у язычниковъ?»

(2) Такъ Цицеронъ говорилъ: *extingui, extirpari animi vitia naturalibus causis non possunt*. то. е. нѣтъ возможности естественными силами угасить пламя душевныхъ пороковъ, исторгнуть ихъ съ корнемъ. Даже и Порфирій сознавалъ, что «необходимо нуженъ всеобщн способъ въ избавленн душъ человѣческихъ отъ облегающей ихъ тьмы, но что ни одна еще философская школа не изобрѣла такого способа» — Смотр. кратк. изложенн главн. доводовъ о бож. происхожденн хр. откровенн — Портыуса. Предлож. 1-е.

ка истинно-божественной вѣры: *ея всеобщность и неизмѣняемость—непреложность.*

Истинно-божественная вѣра должна имѣть *примѣненіе ко всѣмъ людямъ*, гдѣ бы и когда они ни обитали, должна *простирагься на весь родъ человѣческій*. Богъ есть Господь и Владыка всѣхъ людей всѣхъ временъ и мѣстъ: посему, если Онъ глаголетъ, то глаголетъ ко всѣмъ,—и слово Его составляетъ непререкаемое правило вѣры и благочестія для всѣхъ и cadaго. Въ Богѣ нѣтъ лицепріятія; если дается Имъ откровеніе, то дается опять для всѣхъ. Чтожъ касается до человѣка, пріемлющаго истинно-откровенную вѣру, онъ имѣетъ существенную нужду въ ней, а существенная нужда одинакова у всѣхъ людей, поелику природа человѣческая въ существѣ своемъ одна и таже. Всеобщность богооткровенной вѣры видна и изъ ея предмета: ибо она сообщаетъ такія истины, познаніе которыхъ необходимо не частнымъ только лицамъ или одному какому-либо извѣстному народу, но всему человечеству. Всѣ люди обязаны быть въ истинномъ благочестивомъ союзѣ съ Богомъ, должны вѣрно знать и правильно чтить Его: но этому научаетъ только богооткровенная вѣра. Только при посредствѣ ея можно вступить въ истинное надлежащее отношеніе къ Богу, только въ ней человечество находитъ свое возстановленіе и спасеніе. Итакъ всеобщность есть одно изъ существенныхъ свойствъ истинно-божественной вѣры: она должна быть достояніемъ всего человечества. Впрочемъ, это не то значитъ, чтобы богооткровенная вѣра уже и внѣшнимъ образомъ обнимала родъ человѣческій,—она можетъ распространягься постепенно и имѣть различныя предѣлы въ отношеніи къ пространству, но то, что ученіе ея, по духу своему, должно быть всемірно, то, что она не должна быть связана съ какимъ-либо политическимъ устройствомъ и слѣдов. съ какими-либо опредѣленными временами и мѣстами.

Истинно-божественная вѣра, въ существѣ своемъ, должна быть *непреложна и неизмѣнна*: ибо союзъ, въ

который Богъ благоволилъ вступить съ человѣкомъ, вѣченъ и неизмѣненъ. Притомъ, глаголь Божій не таковъ, какъ глаголь человѣческій—непостоянный и всегда усовершеннающійся: Богъ глаголетъ въ роды родовъ. Слово Его—чистѣйшая и совершеннѣйшая истина, которая была, есть и будетъ истинною для всѣхъ и каждаго, и слѣдов. можетъ и должна служить до скончанія вѣковъ непреложнымъ закономъ для мыслей и дѣйствій человѣческихъ. Далѣе, истинно-божественная вѣра содержитъ все, что существенно нужно для человѣка: посему отъ нея ничего не должно быть отнимаемо, какъ излишнее, ничего не должно быть и прибавляемо, какъ совершенно нужное. Если, наконецъ, истинно-божественная вѣра совершенно достаточна для той высочайшей цѣли, для которой она дарована людямъ, т. е. для приведенія ихъ къ единенію съ Богомъ: то нѣтъ никакого основанія ожидать измѣненія или замѣненія ея...

Доселѣ мы излагали внутренніе существенные признаки истинно-божественной вѣры, выводя ихъ въ частности изъ понятія о Богѣ и человѣкѣ, изъ предмета богооткровенной вѣры и цѣли ея, и вообще—изъ всѣхъ этихъ понятій вмѣстѣ. Теперь, въ дополненіе нами сказаннаго, находимъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія о свойствахъ истиннаго откровенія, методѣ его и особенно объ образѣ изложенія истины въ самомъ откровеніи. Последнее замѣчаніе преимущественно важно для нашей цѣли, потому что оно прямо будетъ идти противъ мухаммеданскаго лжеоткровенія—Корана.

Касательно способа сообщенія людямъ откровенія надобно замѣтить, что онъ вообще долженъ быть достоинъ Бога, что въ немъ не должно быть грубаго, или страннаго, какъ это бываетъ въ откровеніяхъ ложныхъ, въ которыхъ Богъ иногда представляется сообщающимъ свою волю по внутренностямъ животныхъ, по полету и крику птицъ, посредствомъ трепетанія листьевъ на деревѣ и т. п. Что касается метода откровенія, то нельзя ожидать, чтобы онъ имѣлъ какой-либо искусственный характеръ, какъ обыкновенно пишутся науки. Заклю-

ченіе откровенія въ оковы искусственно-логическаго порядка лишаетъ его высочайшаго свойства—непосредственно-божественнаго происхожденія. Истинное откровеніе, несомнѣнно, должно имѣть порядокъ, но только ему свойственный,—и всего приличнѣе держаться ему нити времени: такъ какъ откровеніе представляется воспитаніемъ рода человѣческаго (Гал. 3, 23—25. 4, 1—5) и имѣетъ предметомъ своимъ судьбы рода человѣческаго, раскрывающіяся постепенно... Касательно, наконецъ, образа изложенія истинъ, естественно ожидать, что въ откровеніи будетъ представлено все съ такою ясностію, какая только возможна по свойству открываемыхъ предметовъ: этого требуетъ премудрость Бога, виновника откровенія; съ такою приспособительностію къ понятіямъ человѣка, какая только можетъ быть допущена безъ ущерба истинѣ: этого требуетъ цѣль откровенія. Напротивъ, быть не можетъ, чтобы истинное откровеніе, по образу своего изложенія, было двусмысленно, загадочно и говорило вообще такъ, какъ способны говорить лишь хитрость и обманъ, а не истина. Въ такомъ случаѣ оно не можетъ происходить отъ Бога, не можетъ надлежащимъ образомъ быть усвоено человѣкомъ, не можетъ соответствовать и цѣли откровенія. Такъ, разсматривая изреченія древнихъ языческихъ прорицалищъ, двусмысленныя, непонятныя, загадочныя или вовсе неопредѣленныя, нельзя не видѣть, что эти прорицанія—дѣло хитрости и обмана жрецовъ, а отнюдь не откровенія Божіи. Также естественно ожидать, что истинно-божественное откровеніе будетъ излагаемо такимъ тономъ, изъ котораго бы прямо видно было, что здѣсь вѣщаетъ самъ Богъ. А потому языкъ въ немъ долженъ быть положительный, чуждый всякой нерѣшительности. Не странно ли было бы, если бы Богъ, говоря къ человѣку, сталъ колебаться и усиленно доказывать ему?...

Въ заключеніе всего, сказаннаго нами о внутреннихъ признакахъ истинно-божественной вѣры, надобно замѣтить, что опредѣлить и съ совершенною точностію

изложить все учение откровенное по частямъ, показать, что именно оно должно содержать и чего не содержать, какимъ именно способомъ должно быть предано и въ какомъ видѣ, безъ сомнѣнія, нельзя: это зависитъ отъ воли Божіей. Потому мы и ограничивались обозначеніемъ только общихъ, важнѣйшихъ признаковъ истинно-божественной вѣры, непосредственно очевидныхъ изъ самаго понятія о существѣ ея.

Относительно достоинства и значенія внутреннихъ признаковъ истинно-божественной вѣры слѣдуетъ сказать, что хотя они совершенно необходимы въ ней, но одни они еще недостаточны для полнаго и всеобщаго убѣжденія въ ея высшемъ, сверхъестественномъ происхожденіи. Они необходимы: потому что отсутствіе ихъ въ какой-либо вѣрѣ, выдающей себя за богооткровенную, было бы несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что она ложно усволяетъ себѣ это названіе. Поэтому съ отрицательной стороны внутренніе признаки божественной вѣры имѣютъ силу непререкаемости: по нимъ всегда можно узнать вѣрованія ложныя. Но съ положительной—одни они, сами по себѣ, не вполне и не всегда достаточны: потому что бытіе ихъ въ какой-либо вѣрѣ заставляетъ только гадать, что она есть свыше-откровенная, но еще несовершенно убѣждаетъ въ томъ,—ручается, что эта вѣра, какъ достойная Бога, по своему внутреннему превосходству, могла произойти отъ Него, но еще не показываетъ, что она и дѣйствительно произошла отъ Него... Эту недостаточность внутреннихъ признаковъ истинно-божественной вѣры восполняютъ признаки внѣшніе.

В.

О ВНѢШНИХЪ ПРИЗНАКАХЪ ИСТИННО-БОГООТКРОВЕННОЙ ВѢРЫ.

Между явленіями божественнаго откровенія, сообщаемого людямъ, первое, что обращаетъ на себя вниманіе, это—лице, сообщающее оное, чрезъ которое го-

ворить и дѣйствуетъ Богъ: отсюда—признаки истинно-божественной вѣры, заимствуемые отъ *лица Основателя ея* и частію—другихъ посланниковъ Божіихъ, которые засвидѣтельствовали о истинѣ ея и проповѣдывали ее. Далѣе, поелику истинная, богооткровенная вѣра назначена (что выше было доказано) для всѣхъ людей, для всего рода человѣческаго; то, чтобы на самомъ дѣлѣ сдѣлаться таковою, она должна быть распростра-няема, и притомъ свойственнымъ ей образомъ: отсюда вытекаетъ доказательство истинности и божественности свыше-откровенной вѣры, заимствуемое изъ раз-смотрѣнія *способа ея распространенія*. А такъ какъ при распространеніи истинно - откровенной вѣры, безъ сомнѣнія, не можетъ не происходить отъ нея благо-творныхъ дѣйствій въ отношеніи къ тѣмъ, которые принимаютъ ее, ибо древо доброе не можетъ не при-носить плодовъ добрыхъ; то отсюда получается новое доказательство ея истинности и божественности, заимст-вуемое изъ разсмотрѣнія *благотворныхъ ея дѣйствій*. Раскроемъ обстоятельнѣе высказанныя положенія.

Основатель истинно-божественной вѣры вполне долженъ соответствовать своему чрезвычайному назна-ченію и служенію. Частнѣе же разсматривая его досто-инства, надобно брать во вниманіе цѣль его, съ кото-рою неразлучны и средства, также—умственные и нрав-ственные его качества. Цѣль божественнаго посланни-ка, явившагося для водворенія на землѣ истинной вѣ-ры—очевидна: это всецѣлое исполненіе всесвятѣйшей воли Божіей, которой онъ есть провозвѣстникъ; слѣдо-вательно къ этой-то цѣли и должны быть единственно направляемы всѣ его мысли, чувствованія и желанія. А потому, ни явно, ни тайно, онъ не долженъ стре-миться къ какимъ-либо земнымъ, своскорыстнымъ цѣ-лямъ—къ могуществу, славѣ, чувственнымъ удовольст-віямъ и т. п. Само собою разумѣется, и средства, какія онъ употребляетъ для исполненія своего великаго пред-пріятія, должны быть чисты и святы... Касательно ум-ственныхъ качествъ основателя истинно-божественной вѣры прежде всего требуется, чтобы онъ во всемъ об-

наруживалъ здравый смыслъ и свѣтлую разсудительность, такъ чтобы не было ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію его въ самообольщеніи и самопрельщеніи. Признакъ не маловажный: исторія представляетъ намъ примѣры, что были люди, которые не имѣя намѣренія обманывать другихъ, обманывались сами, вообразивъ, что въ нихъ дѣйствуетъ Богъ (¹). Потому тогда только мы должны оказывать довѣріе свое къ выдающему себя за посланника неба, когда видимъ, что онъ одаренъ необыкновеннымъ навыкомъ разсуждать о предметахъ божественныхъ, благочестивою настроенностію углубляться въ себя, особеннымъ умѣньемъ искушать себя и другихъ: такое лицо не могло обмануться и принять мечты своего воображенія или темное чувство за призваніе свыше. Это довѣріе наше увеличивается, когда посланникъ проповѣдуетъ ученіе свое съ полнымъ, непреодолимымъ убѣжденіемъ въ истинности своихъ словъ, свидѣтельствуясь при семъ своею совѣстію. Сила сего доказательства еще болѣе возвышается, когда проповѣдующій, дѣйствуя во имя Бога, являетъ признаки высочайшей мудрости, открываетъ истины, возвышающіяся надъ современными ему понятіями и надъ образованіемъ, особенно религіознымъ, своего народа, — когда извѣстно, что онъ не могъ быть обязанъ своимъ духовнымъ просвѣщеніемъ и мудростію вѣку... Основатель истинно-божественной вѣры съ высокими умственными качествами своими долженъ соединять и нравственные, равно превосходныя. Онъ первый долженъ осуществитъ въ своей жизни то, чему учитъ другихъ (какъ вообще слова чловѣка повѣряются его поступками). Онъ долженъ во всемъ выражать глубокое благоговѣніе и страхъ Божій. Ему несвойственно увлекаться какими-либо раздражительными страстями, но всегда должно

(¹) Такъ, въ новѣйшія времена Шведенборгъ, чловѣкъ очень образованный, находился въ подобномъ самообольщеніи: онъ признавалъ божественною вѣру христіанскую, но между тѣмъ выдавалъ себя за основателя Новаго Завета.

проявлять высокое, истинно-святое благонастроеніе духа, постоянно сохранять спокойствіе, терпѣніе, кротость и великодушіе. Болѣе же всего: онъ обязанъ пламенѣть совершеннѣйшею любовію къ Богу, обязанъ питать сильнѣйшую любовь и къ ближнимъ, даже до самоотверженія, до положенія души своей. Вѣра наша въ божественное посланничество извѣстнаго лица совершенно утверждается, когда мы усматриваемъ въ немъ образецъ возможнаго для человѣка совершенства. Такой высоко-нравственный характеръ невольно возбуждаетъ къ себѣ полнѣйшее довѣріе и дѣлаетъ нравственно-невозможнымъ какой-либо обманъ.

Таковы требованія разума относительно лица основателя истинно-божественной вѣры! Но полнаго идеала чрезвычайнаго посланника Божія разумъ не въ состояніи начертать. Высочайше—премудрый и неисповѣдимый въ совѣтахъ Своихъ Богъ, для учрежденія Своей божественной вѣры, можетъ послать лице и съ такими совершенствами, предъ которыми всѣ представленія нашего разума о совершенствѣ недостаточны. Кратко сказать: онъ можетъ послать для сего лице, высшее человѣка, можетъ явиться и Самъ...

Важное подтвержденіе истинности свыше-откровенной вѣры находимъ и въ разсмотрѣніи лицъ, которые первые засвидѣтельствовали ее. Отъ нихъ прежде всего требуются такія качества, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность всякаго свидѣтеля истины. Потому надобно смотрѣть: не обманываются ли эти свидѣтели и провозвѣстники откровеннаго ученія какъ-нибудь сами,—потомъ, не хотятъ ли намѣренно обмануть другихъ? И если окажется, что они находятся въ неестественномъ состояніи, увлекаются мечтами своего разстроеннаго воображенія и изступленной фантазіи, дышатъ фанатизмомъ или даже обнаруживаютъ признаки умопомѣшательства: въ такомъ случаѣ не заслуживаютъ никакого довѣрія. Также, если дознано будетъ, что они водятся въ своихъ дѣйствіяхъ нечистыми побужденіями, и стараясь, по видимому, объ

исправленіи вѣры и нравственности людей, на самомъ дѣлѣ заботятся вовсе не о томъ, т. е. не о спасеніи ближнихъ, а о собственныхъ своихъ выгодахъ: такіе учителя вѣры опять не заслуживаютъ довѣрія. Напротивъ, когда лица, возвѣщающія богоданную истину, всегда благомыслящи и во всемъ благонамѣренны, свидѣлствуются своею совѣстію въ чистотѣ своихъ дѣйствій, сверхъ сего дышатъ любовію къ Богу и ближнимъ, даже, если нужно, готовы самою жизнью подтвердить свою проповѣдь: тогда невольно возникаетъ въ душѣ мысль, что здѣсь дѣйствуютъ, точно, не какіе-либо обманщики, и становится весьма вѣроятнымъ, что эти лица достойны быть свидѣтелями и исповѣдниками свыше—откровеннаго ученія. Вѣроятность эта тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ превосходнѣе ихъ нравственные совершенства, чѣмъ чище и святѣе ихъ жизнь.

Что касается до *способа распространенія* истинно-божественной вѣры, то способъ этотъ естественно долженъ быть вполне достоинъ Бога. Ибо если и человекъ истинно-мудрый для достиженія благихъ своихъ цѣлей употребляетъ и средства самая чистыя: то не въ высшей ли степени это должно приложить въ отношеніи къ Богу? Посему никакъ нельзя согласиться, чтобы, при распространеніи истинно-божественной вѣры были употребляемы хитрость, обманъ и под.; чтобы здѣсь могли дѣйствовать подкупъ, золото и серебро, или были допускаемы насиліе, угрозы, огонь и мечь. Такіе пути распространенія вѣры вовсе недостойны Бога. Напротивъ, когда усматриваемъ, что проповѣдники какой-либо вѣры, выдаваемой ими за богооткровенную, не употребляютъ для распространенія ея другихъ средствъ, кромѣ самой проповѣди, стараются только просвѣтить умы и сердца своихъ слушателей словомъ истины, предоставляя каждому на выборъ—вѣрить проповѣди или не вѣрить; когда видимъ, что, не смотря на отсутствіе всякихъ другихъ пособій (напр. содѣйствія со стороны сильныхъ земли и под.), одна эта проповѣдь, сама собою, привлекаетъ тысячи людей и распространяется

повсюду съ изумительною скоростію: не скажетъ ли тогда совѣсть всякому, что тутъ дѣйствуютъ не простые люди, что ихъ образъ дѣйствованія можетъ быть названъ достойнымъ и Самаго Бога?

Истинно-божественная вѣра, какъ доброе древо, насажденное небеснымъ Домовладыкою, не можетъ не приносить плодовъ добрыхъ; она необходимо должна ознаменоваться *благотворными и спасительными дѣйствіями въ отношеніи къ роду человѣческому*. Это также важный признакъ и служить вѣрнымъ доказательствомъ ея истинности и божественности. Посему, если какая вѣра, по свидѣтельству всемірной исторіи, ускорила ходъ образованія человѣчества, могущественно содѣйствовала возвышенію истиннаго просвѣщенія, сильно вліяла на усовершеніе нравственности, на улучшеніе гражданской и семейной жизни: то очень можетъ быть, что такая вѣра имѣетъ происхожденіе высшее, — она достойна Бога. Когда, напротивъ, какая-либо вѣра, съ притязаніями на божественность, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій не оказала никакихъ существенно благотворныхъ дѣйствій, явилась недостаточною и неспособною къ усовершенствованію человѣчества, даже замедляла ходъ его развитія: такая вѣра, очевидно, не можетъ быть отъ Бога; она не достигаетъ своихъ цѣлей, не выполняетъ того, что обѣщаетъ...

И этихъ внѣшнихъ признаковъ истинно-божественной вѣры, заимствуемыхъ изъ разсмотрѣнія лица основателя ея, способа распространенія и благотворныхъ дѣйствій, недостаточно еще для полнаго, рѣшительнаго удостовѣренія въ ея истинности и божественности. Они имѣютъ такое же достоинство и значеніе въ числѣ доказательствъ, подтверждающихъ божественное происхожденіе свыше-откровенной вѣры, какъ и признаки внутренніе, т. е. съ отрицательной стороны они имѣютъ силу непререкаемости: по нимъ всегда можно узнать вѣрованія ложныя, а съ положительной — силу одной вѣроятности: по нимъ можно находить только вѣроятнымъ, что извѣстная вѣра есть истинно-бо-

жественная вѣра. И точно, пусть она возвѣщена проповѣдниками высокой нравственности, пусть распространилась самыми лучшими средствами и произвела дѣйствія благотворнѣйшія на человечество, — предположивъ все это, нельзя еще вполне увѣриться, что она дѣйствительно отъ Бога: остается вѣроятность, что она могла произойти отъ людей. Ибо въ человѣкѣ есть способность ко всему истинному, доброму и святому, и исторія представляетъ намъ, хотя не часто, такія дѣянія человѣческія, которыя были благотѣльны для многихъ народовъ. Впрочемъ, внѣшніе признаки, какіе разсмотрѣны нами, будучи присоединены ко внутреннимъ, возвышаютъ значительно степень ихъ доказательности, усиливаютъ ихъ и подкрѣпляютъ, и вмѣстѣ дѣлаютъ уже болѣе вѣроятнымъ божественное происхожденіе какой-либо вѣры, нежели одни признаки внутренніе.

Значитъ, нужны еще другіе признаки свыше-откровенной вѣры, для полнаго и окончательнаго убѣжденія въ ея истинности и божественности, именно, — необходимы для сего нѣкоторыя особенныя, *чрезвычайныя сверхъестественныя знаменія* (¹).

Нужда и необходимость этихъ знаменій для рѣшительнаго убѣжденія въ истинности и божественности свыше-откровенной вѣры и для отличія ея отъ всѣхъ вѣрованій ложныхъ открывается какъ по отношенію къ

(¹) Мы позволяемъ себѣ здѣсь нѣсколько обстоятельнѣе рассмотреть нужду и необходимость сверхъестественныхъ, чудесныхъ знаменій въ откровенной вѣрѣ. Это потому, что нѣкоторые вольномыслящіе люди, преимущественно новѣйшихъ временъ, усиливаются доказать, что истинно-божественная вѣра однимъ достоинствомъ своего ученія, одною внутреннею своею добротою и благотворными дѣйствіями, безъ всякихъ сверхъестественныхъ признаковъ, должна достаточно подтвердить свое божественное происхожденіе. Но что въ особенности дѣлаетъ важнымъ для насъ высказанное положеніе, такъ это то, что и Мухаммедъ лжебожественное посольство свое доказывалъ почти исключительно высокими достоинствами Корана, а чудеса не считалъ необходимыми въ откровеніи.

тому времени, когда она является и къ тѣмъ народамъ, у которыхъ впервые проповѣдывается, такъ и вообще по отношенію ко всѣмъ временамъ и ко всему роду человѣческому.

Свыше-откровенная вѣра имѣетъ нужду въ необыкновенныхъ, чрезвычайныхъ знаменіяхъ при первомъ своемъ явленіи, чтобы обратить на себя вниманіе. Является посланникъ Божій, выходитъ на чреду дѣйствій: чѣмъ онъ въ особенности можетъ возбудить къ своей проповѣди вниманіе народа? Необычайными, чудесными дѣйствіями, имѣющими вообще неотразимую силу надъ умами нашими. Чудеса породивъ въ душѣ, особенно человѣка простаго, благоговѣйный страхъ, заставляють ее, такъ сказать, встрепенуться и невольно влекутъ вниманіе къ тому, кто совершаетъ ихъ, и къ тому, въ подтвержденіе чего они совершаются. Но положимъ, что свыше-откровенная вѣра и безъ особенныхъ чрезвычайныхъ знаменій какимъ-либо образомъ успѣла обратить на себя вниманіе, — и тогда чудеса необходимы. Кому впервые проповѣдывается свыше-откровенная вѣра и для чего? Людямъ нравственно-испорченнымъ, удалившимся отъ истины и добра, водящимся большею частію чувственностію; дается она для того, чтобы привести ихъ отъ заблужденій къ истинѣ, изъ порочнаго состоянія къ добродѣтели. Но способны ли такіе люди, въ которыхъ еще не раскрыто нравственно-религіозное чувство, трогаться и увлекаться внутреннимъ достоинствомъ богооткровеннаго ученія и могутъ ли они чувствовать благотворность его? Нѣтъ, для нихъ потребны доказательства внѣшнія, съ одной стороны, сильныя, чтобы глубоко трогали и потрясали ихъ душу, а съ другой — краткія и очевидныя, которыя бы не требовали отъ нихъ умствованій и изслѣдованій; а такими доказательствами и могутъ быть — чудеса. Тутъ нужно имѣть только здоровое око и простое (нормальное) сужденіе, чтобы понимать впечатлѣніе и убѣдиться, что предъ нами точно дѣйствуетъ сила Божія. Посему-то чудотворецъ гораздо скорѣе по-

коритъ умы слушателей своему ученію, воскресивъ одного мертваго, нежели проповѣдникъ своими рѣчами и даже цѣлыми книгами.

Кромѣ того, чудеса, какъ доказательство, весьма важны въ богооткровенной вѣрѣ и потому, что имѣютъ равную силу по отношенію ко всѣмъ предметамъ, какіе только содержатся въ ней. На основаніи чрезвычайныхъ, чудесныхъ знаменій, совершаемыхъ посланникомъ Божиимъ въ подтвержденіе возвыщаемой имъ вѣры, мы можемъ принимать и истины постижимыя для ума нашего, и истины непостижимыя,—тогда какъ по всѣмъ прочимъ признакамъ богооткровенной вѣры убѣждаемся только въ достоинствѣ истинъ перваго рода, а тайнъ никогда оцѣнить и, слѣдовательно, разумно принять не можемъ. Мало того: безъ чудесныхъ знаменій, этихъ сверхъестественныхъ признаковъ, не будетъ достаточно твердаго основанія и для нашего убѣжденія въ божественномъ происхожденіи свыше-откровенной вѣры. Откровенная вѣра требуетъ, чтобы ее признавали сверхъестественною; но чтобы признать ее таковою, надобно имѣть основаніе, соотвѣтствующее сему требованію. Доказательства всегда должны быть по крайней мѣрѣ равносильны доказываемому. Посему, если свыше-откровенная вѣра есть дѣйствіе сверхъестественное, непосредственно происшедшее отъ Бога: то и путь къ убѣжденію въ ней главнымъ образомъ долженъ быть такого же рода. Иначе меньшее доказывало бы большее, естественное—сверхъестественное.

Чрезвычайныя знаменія и чудеса необходимы въ свыше-откровенной вѣрѣ и вообще по отношенію ко всякому времени и мѣсту; они составляютъ всегдашнюю, неотъемлемую принадлежность. Это доказывается слѣдующимъ соображеніемъ: истинно-божественная вѣра имѣетъ предназначеніе быть вѣрою всеобщею, вѣрою всего человѣческаго рода, но таковою въ самой дѣйствительности она сдѣлается тогда, когда окончитъ свое распространеніе, когда будетъ принята всѣми народами, а будетъ принята всѣми народами тогда, когда по-

корить весь міръ; но покорить его себѣ она можетъ не иначе, какъ употребивъ главнымъ и преимущественнымъ образомъ ту же всепобѣждающую силу, которая содѣйствовала ея первоначальному распространенію, т. е. чрезвычайныя знаменія—чудеса.

Обращаясь, наконецъ, къ исторіи и къ общему человѣческому смыслу, мы находимъ, что всѣ народы вѣрили въ откровеніе, и вѣра въ откровеніе повсюду сопровождалась вѣрою въ чудеса: какъ люди согласились въ этомъ? Не явно ли отсюда, что чудеса составляютъ необходимую потребность въ дѣлѣ вѣры, и значить, что потребность эта не есть относительная, которая со временемъ можетъ пройти. Итакъ, когда всѣ народы требовали отъ откровенія чудесъ: то свыше-откровенная вѣра необходимо должна явиться въ сопровожденіи оныхъ, для полнаго убѣжденія въ ея божественномъ происхожденіи и для посрамленія ложныхъ вѣрованій съ ложными чудесами.

Такимъ образомъ полный характеръ божественности свыше-откровенной вѣры долженъ состоять изъ признаковъ ея какъ внутреннихъ, такъ и всѣхъ внѣшнихъ, т. е. изъ сверхъестественныхъ, чудесныхъ знаменій.

Подъ сверхъестественными, чудесными знаменіями въ откровенной вѣрѣ разумѣются: *чудеса*, понимаемая въ тѣсномъ смыслѣ, и *пророчества*, которыя суть тѣже чудеса въ обширнѣйшемъ значеніи. Первыя являютъ всемогущество Божіе, послѣднія всевѣдѣніе Божіе; первыя происходятъ въ извѣстное определенное время и состоятъ въ превышеніи законовъ пространства, послѣднія касаются будущихъ событій и слѣдов. состоятъ въ превышеніи законовъ времени.

О ЧУДЕСАХЪ.

Чудеса — это событія въ природѣ сверхъестественныя, подлежащія нашимъ чувствамъ, — событія необычайныя, которыя приводятъ насъ въ изумленіе и

которыя могутъ быть совершаемы, непосредственно или посредственно, только десницею Всемогущаго.

Возможны ли чудеса? Это одинъ изъ вопросовъ чаще другихъ предлагаемый и многократно рѣшаемый. Отвѣтъ на него, безъ сомнѣнiя, положительный. Сомнѣваться въ возможности чудесъ нѣтъ ни малѣйшаго разумнаго основанiя. Чудеса были бы невозможны только въ трехъ случаяхъ: кагда бы существовали неодолимыя препятствiя къ этой возможности или со стороны самыхъ чудесъ (въ самомъ понятiи о нихъ), или со стороны природы, или со стороны виновника ихъ—Бога.

Со стороны самыхъ чудесъ нѣтъ никакого препятствiя: въ понятiи о чудесахъ нельзя указать ни малѣйшаго внутренняго противорѣчiя или несообразности. Мы не говоримъ, что чудеса суть дѣйствiя сверхъестественныя, превышающiя силы и законы природы, и однакожь совершаемыя этими самыми силами и по этимъ самымъ законамъ: тогда, точно, было бы явное противорѣчiе въ понятiи, и чудеса были бы невозможны по самому существу своему. Но говоримъ, что это суть событiя въ природѣ сверхъестественныя, совершаемыя силою сверхъестественною же; значить, въ дѣйствiяхъ допускаемъ не болѣе, какъ сколько есть въ причинѣ, и слѣдов. логической возможности чудесъ нельзя отрицать.

Со стороны природы также нельзя представить какихъ-либо препятствiй къ возможности чудесъ: природа находится въ безусловной зависимости отъ Творца своего. Отъ Него получила она извѣстныя силы, извѣстные законы; но могла получить и другiе, если бы Творцу угодно было даровать ихъ ей. Отъ Него получила она извѣстное направленiе и теченiе всей своей жизни, извѣстный образъ дѣятельности своихъ силъ и законовъ, по Его же волѣ можетъ допустить въ себѣ и всякую перемену: въ этомъ отношенiи, можно сказать, она безразлична. Теперь, на примѣръ, солнце и всѣ тѣла небесныя, по даннымъ имъ отъ Бога силамъ и законамъ, движутся въ небесныхъ пространствахъ; но всѣ эти тѣла могутъ и остановиться, если Богу угодно

будетъ сіе: а это и будетъ чудо. Напрасно указываютъ на то, что законы природы неизмѣняемы и непреложны, а чудеса будто нарушаютъ ихъ, и тѣмъ колеблютъ все устройство міра: это несправедливо. Чудеса не нарушаютъ законовъ природы, а только на время останавливаютъ ихъ теченіе, и притомъ—въ одномъ какомъ-либо частномъ случаѣ и мѣстѣ. И точно, какъ прежде, такъ и послѣ какого-либо чудеснаго событія, законы природы остаются тѣже, и совершаютъ свой естественный ходъ; даже въ то самое время, когда они останавливаются въ одномъ какомъ-либо случаѣ и мѣстѣ, во всѣхъ другихъ безостановочно продолжаютъ свое обычное дѣйствіе. Когда, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ, по волѣ Божіей, огонь не жжетъ, вода не топить и под., во всей остальной обширнѣйшей области бытія эти стихіи дѣйствуютъ согласно съ своими естественными свойствами. Напрасно также утверждаютъ, что чудеса несообразны съ совершенствомъ природы: мы не говоримъ, чтобы чудеса производились для усовершенствованія природы и въ восполненіе того, чего не достаетъ ей. Природа прекрасна въ своемъ цѣломъ и вполне достаточна для своихъ цѣлей. Чудеса собственно нужны для цѣлей существъ нравственныхъ,—для того, чтобы или научить людей, если они заблуждаются, или наградить, когда они вѣрны своимъ обязанностямъ и своему высокому назначенію, или наказать ихъ, если обнаруживаютъ въ себѣ духъ возмущенія и противленія.

Наконецъ, нельзя указать никакихъ препятствій къ возможности чудесъ и со стороны Бога: дѣйствовать въ природѣ Онъ всегда можетъ, хотя и даровалъ ей отдѣльное бытіе, какъ и дѣйствуетъ своимъ постояннымъ промысломъ; дѣйствовать именно сверхъестественно, т. е. производить въ ней дѣла, превышающія силы и законы природы, также можетъ: Онъ всемогущъ. Кромѣ того, чудеса въ высшей степени сообразны съ премудростію Божіею, потому что оказываются нужными для высочайшихъ цѣлей вѣры; сообразны

также и съ безконечною благостію Божією, такъ какъ они благотворны для человѣка.

Вообще съ какой стороны ни посмотримъ на чудеса, ничего не найдемъ такого, что препятствовало бы возможности ихъ; и здравый разумъ, неомраченный страстями, никогда не усумнится въ дѣйствительности ихъ. Невѣріе въ чудеса есть слѣдствіе превратнаго мудрованія человѣческаго.

Допуская возможность чудесъ, тѣмъ не менѣе должно смотрѣть: истинны ли они, дабы не принять ложныя за достовѣрныя чудеса. Во все времена являлись люди, которые умѣли обманывать простой народъ; нерѣдко невѣжество и суевѣріе поставляли въ рядъ чудесъ событія естественныя. При семъ случаѣ весьма прилично замѣтить, что ложь всегда является подлѣ истины. Потому въ изслѣдованіи чудесъ болѣе, нежели когда нибудь, должно помнить слова Писанія: *возлюбленніи, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть. Вся искушающе, добрая держите* (1 Іоан. 4, 1; I. Сол. 5, 21.).

Чтоже требуется для достовѣрности чудесъ? Предваримъ рѣшеніе сего вопроса слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ. Если дается одно или нѣсколько чудесъ въ доказательство божественности вѣры, то надобно, чтобы они вполне удовлетворяли всеѣмъ, самымъ строгимъ, условіямъ здравой критики. Но предположивъ, что чудеса въ богооткровенной вѣрѣ имѣютъ между собою взаимное отношеніе и связь, составляютъ нѣчто единое цѣлое: въ такомъ случаѣ нѣтъ нужды требовать отъ каждаго чуда, чтобы оно выполняло все условія критики. Здѣсь сужденіе должно произноситься не въ частности о каждомъ чудѣ, но надобно взять въ разсмотрѣніе всю цѣпь чудесъ: ибо и по началамъ разума извѣстно, что не все части цѣлаго могутъ быть одинаковы. Такимъ образомъ здѣсь духъ и сила чудесъ должны быть выводимы изъ взаимнаго ихъ отношенія. А для примѣра довольно, если нѣкоторыя въ необъ-

ятно-великомъ ряду чудесъ выдерживаютъ строгую критику.

Итакъ, что же требуется для признанія достовѣрности какого-либо чуда? Поелику каждое чудо есть извѣстное событіе въ природѣ и событіе именно сверхъестественное: то требуется, во-первыхъ, увѣренность, что это событіе дѣйствительно случилось въ природѣ, и во-вторыхъ, что оно, точно, есть событіе сверхъестественное.

Для достовѣрности перваго рода требуется: если мы сами свидѣтели чудеснаго событія, — имѣть здравыя чувства и достаточное вниманіе, чтобы правильно принять впечатлѣніе отъ событія; если мы слышимъ о чудѣ отъ другихъ свидѣтелей, — оцѣнить ихъ свидѣтельства, по правиламъ исторической критики; наконецъ, когда эти свидѣтельства дошли до насъ только въ писаніяхъ, — опредѣлить предварительно подлинность и неповрежденность этихъ писаній... Всѣ эти требованія, очевидно, самыя справедливыя, и тѣ чудеса, которыя не выдержатъ подобнаго испытанія, должны быть признаны за ложныя, за обманъ, или за позднѣйшую выдумку.

Для достовѣрности же втораго рода необходимо прежде всего вникать въ то, точно ли извѣстное событіе не могло совершиться по силамъ и законамъ самой природы. Для этаго вовсе не нужно знать всѣхъ силъ и законовъ природы, какъ утверждаютъ нѣкоторые: потому что хотя мы и не можемъ опредѣлить съ точностію, сколь далеко простираются силы природы и ея дѣйствія; однакожъ въ состояніи видѣть, куда онѣ не простираются и чего нельзя объяснить по ихъ законамъ. На примѣръ, кто не знаетъ, что слово чловѣка, само по себѣ, совершенно безсильно для того, чтобы тотчасъ исцѣлять неисцѣльныя недуги и заставлять смертельно больныхъ вставать съ одра здоровыми?.. Далѣе, надобно смотрѣть на предметъ чуда: чудо, какъ непосредственное дѣйствіе силы Божіей, должно быть всегда достойно Бога; — также на цѣль чуда, кото-

рая должна быть какая-либо особенная, благая; по этой чертѣ можно отличить истинное чудо отъ нѣкоторыхъ чудесныхъ оболъщений со стороны злыхъ духовъ, у которыхъ цѣль всегда другая, противоположная. Наконецъ, слѣдуетъ брать въ разсмотрѣніе обстоятельства чуда — мѣсто, время, способъ совершенія и др. Здѣсь должно быть устранено все то, что можетъ подать хотя малѣйшее подозрѣніе въ хитрости, обманѣ и подлогѣ...

Выше мы показали, что чудеса въ дѣлѣ истинно-богооткровенной вѣры составляютъ одно изъ рѣшительнѣйшихъ доказательствъ божественнаго ея происхожденія; теперь остается намъ только сказать: какъ именно они служатъ къ подтвержденію ея истинности и божественности.

Чудеса, — повторяя понятіе о нихъ, — суть тѣ дивныя, необычайныя событія, которыя превышаютъ силы и законы всей сотворенной природы, т. е. не только силы людей, но и духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, и которыя можетъ совершать единственно всемогущая десница Божія ⁽¹⁾. Слѣдовательно, когда мы видимъ, что кто-либо, называя себя посланникомъ неба и проповѣдуя святѣйшее имя Божіе, въ подтвержденіе своей проповѣди творитъ знаменія и чудеса; тогда мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что онъ дѣйствительно посланъ Самимъ Богомъ. Начала, по которымъ мы въ семъ случаѣ судимъ, заключаются въ

(1). Злые духи иногда производятъ знаменія, которыми имъ удается оболъщать людей: но знаменія сіи, въ существѣ своемъ, совершенно различны отъ истинныхъ, божественныхъ. Не изслѣдуя, какъ вообще далеко простирается въ мірѣ сила злыхъ духовъ, мы на-вѣрное можемъ сказать, что ова во всякомъ случаѣ не простирается такъ далеко, чтобы могла творить истинныя чудеса въ собственномъ смыслѣ, такъ чтобы нельзя было отличить оболъщениа отъ истины. Это было бы несообразно съ понятіемъ о божественномъ міроуправленіи. Притомъ, чтобы творить чудеса, надобно быть выше всего сотвореннаго, а надъ твореніемъ возвышается одинъ Богъ, Творецъ всего видимаго и невидимаго, слѣдов. Онъ только и есть виновникъ чудесъ.

чистѣйшихъ понятіяхъ о Богѣ. Богъ есть высочайшая благодать, истина, святость и мудрость. Но сообразно ли было бы съ Его благодатию употреблять могущество свое для того, чтобы вовлекать въ заблужденіе свою тварь? Былъ ли бы Онъ святымъ и праведнымъ, если бы даровалъ силы чудотвореній какимъ-либо обманщикамъ для обольщенія людей? Былъ ли бы Онъ Богомъ премудрымъ, если бы употреблялъ свое всемогущество для униженія своей благодати, правды и святости? Такъ, при видѣ истинныхъ чудесъ, совершаемыхъ въ доказательство божественности какого-либо ученія, повода къ колебаніямъ и сомнѣніямъ нѣтъ и быть не можетъ никакого: здѣсь мѣсто одному безпрекословному убѣжденію, разумѣется, если кто только не окажется намѣренно упорнымъ въ невѣріи, не смѣжитъ очи свои, чтобы не видѣть свѣта истины. Вотъ какъ здѣсь заключаетъ разумъ, непрелубѣжденный страстями: *аще не бы былъ сей отъ Бога, не мога бы творити ничегоже* (Іоан. 9, 33), т. е. не могъ бы совершать никакихъ знаменій и чудесъ.

О ПРОРОЧЕСТВАХЪ.

Подъ именемъ пророчествъ разумѣются ясныя и опредѣленныя предсказанія о будущихъ событіяхъ, которыхъ по естественному ходу вещей предвидѣть не возможно, и которыя единственно могутъ быть доведены одному Богу. Въ мірѣ физическомъ это—дѣйствія, превышающія порядокъ и законы природы, а въ мірѣ нравственномъ—дѣйствія свободныя, имѣющія произойти только отъ существъ нравственно-свободныхъ.

Возможности пророчествъ, т. е. что Богъ всевѣдущій и всемогущій можетъ сообщить человѣку нѣкоторыя свѣдѣнія о событіяхъ будущихъ, а человѣкъ, способный къ принятію всякаго рода стороннихъ наставленій, въ состояніи принять отъ Бога подобныя свѣдѣнія и потомъ провозгласить ихъ предъ другими,—

этой возможности нельзя отрицать ни въ какомъ случаѣ. И кто вѣруеть вообще въ откровеніе (а не вѣрить въ него нѣтъ ни малѣйшаго основанія), для того нѣтъ всякаго сомнѣнія и возможность пророчества. Ибо пророчества суть только одинъ изъ видовъ божественнаго откровенія, касающійся предметовъ будущихъ ⁽¹⁾.

Вообще, вопросъ о возможности пророчества не требуетъ какихъ-либо особенныхъ доказательствъ: въ пророчество вѣрили всѣ народы. даже не имѣвшіе ни истинныхъ пророковъ, ни истинныхъ пророчествъ. Гораздо важнѣе здѣсь вопросъ о достовѣрности ихъ.

Въ изслѣдованіи о достовѣрности пророчества первыхъ должно показать, что извѣстное пророчество дѣйствительно изречено и сполнилось, и во-вторыхъ, что это пророчество, точно, есть дѣйствіе сверхъестественное и не можетъ быть объяснено естественнымъ образомъ.

При опредѣленіи перваго рода достовѣрности пророчества возможны три случая: а) мы можемъ сами и слышать предсказаніе изъ устъ пророка и чрезъ нѣсколько времени видѣть исполненіе предсказанія: здѣсь, для убѣжденія себя въ исторической достовѣрности пророчества, нужно имѣть только здоровыя чувства и надлежащее вниманіе; б) можемъ не слышать пророчества сами, а только видѣть его исполненіе, узнавши о первомъ изъ свидѣтельства другихъ: здѣсь также должно имѣть здоровыя чувства и надлежащее вниманіе, и сверхъ сего повѣрить свидѣтельство другихъ по правиламъ исторической критики; в) можемъ, наконецъ, и не слышать сами пророчества и не видѣть его исполненія, а о томъ и другомъ узнать уже отъ другихъ чрезъ свидѣтельство устное или письменное: здѣсь необходимо строго оцѣнить свидѣтельство другихъ по всѣмъ

(1) Мы не имѣемъ настоятельной нужды доказывать возможность божественнаго откровенія: потому что имѣемъ дѣло главнымъ образомъ съ мухаммеданами, которые вѣрятъ въ откровеніе свыше...

правиламъ исторической критики, ибо на немъ только мы и основываемъ свою вѣру въ известное пророчество.

А для того, чтобы опредѣлить, достовѣрны ли пророчества во второмъ отношеніи, надобно прежде всего обращать вниманіе на ихъ предметъ, которымъ должны быть событія случайныя, не зависящія отъ обыкновеннаго хода вещей: этимъ только сверхъестественныя предсказанія и могутъ отличатся отъ всѣхъ предсказаній естественныхъ, человѣческихъ. Дѣйствительно, и человѣкъ въ нѣкоторой мѣрѣ предъугадываетъ будущее. Предъугадываніе это основывается на связи прошедшаго и настоящаго съ будущимъ и зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: отъ степени, въ какой будущее готовится въ настоящемъ и какъ бы уже нѣкоторымъ образомъ высказывается въ немъ, отъ знанія, какое человѣкъ имѣетъ о настоящемъ, и отъ искусства соединить въ одно цѣлое свои наблюденія. Такъ астрономъ предсказываетъ затмѣніе солнца, мореплаватель предвидитъ бури, врачъ предузнаетъ исходъ болѣзни, искусный политикъ, знающій по опыту обыкновенный ходъ страстей, склонностей и дѣлъ человѣческихъ, задолго предъугадываетъ имѣющія произойти политическія перемѣны и говоритъ о нихъ съ увѣренностію: однакожь это не пророчества. Далѣе, при опредѣленіи истинности пророчествъ, должно брать во вниманіе образъ предсказанія, который, по требованію самого понятія о пророчествѣ, по возможности долженъ быть ясенъ и опредѣленъ: этою чертою отличаются пророчества отъ предчувствій человѣческихъ, обыкновенно темныхъ, отъ различныхъ гаданій и предположеній на счетъ будущихъ происшествій, отъ прорицаній языческихъ, которыя всегда были двусмысленны и темны, какъ дѣло хитрости и обмана. Впрочемъ, ясность и опредѣленность и петинныхъ пророчествъ не безъ ограниченія. Богъ свободно опредѣляетъ, что и сколько открывать человѣку о будущемъ и до какой степени изощрять духовное его око; притомъ пророчества представляются отрывками буду-

щей жизни, не безъ промежуточныхъ обстоятельствъ, связывающихъ ее съ настоящимъ: отсюда понеобходимости въ нихъ относительная неясность и неопредѣленность, которыя увеличиваются отъ сопоставленія настоящаго съ будущимъ. Въ этомъ отношеніи свойство пророческаго слова въ писаніи прекрасно уподобляется свѣтилѣ, *сіяющу въ темномъ мѣстѣ, дондеже день озаритъ и денница возсіяетъ* (2 Петр. 1, 19).— При оцѣнкѣ пророчествъ слѣдуетъ также имѣть въ виду и обстоятельства, при которыхъ произнесено было то или другое пророчество: истинныя пророчества, какъ получаемыя непосредственно отъ Бога, не могутъ зависѣть отъ условій мѣста, времени и какихъ-либо предварительныхъ приготовленій; а потому странно было бы назвать пророчествами ложныя прорицанія языческія, которыя привязаны были къ опредѣленнымъ мѣстамъ и временамъ и изрекались всегда послѣ разныхъ приготовленій.—Наконецъ,—и это условіе при изслѣдованіи о истинности пророчествъ самое важное,—должно смотрѣть на самое исполненіе извѣстнаго пророчества. Предсказаніе, неоправданное событіемъ, недостойно названія пророчества, хотя бы совмѣщало въ себѣ нѣкоторыя изъ исчисленныхъ нами свойствъ. Требуется еще, чтобы между пророчествомъ и событіемъ оказалось не какое-нибудь случайное, самое незначительное сходство, но сходство существенное и полное, по крайней мѣрѣ—въ чертахъ главнѣйшихъ.

Истинныя пророчества служатъ важнѣйшимъ, самымъ рѣшительнымъ признакомъ истинно-божественной вѣры. Когда видимъ, что извѣстный человѣкъ, проповѣдывая какое-либо ученіе вѣры, въ доказательство божественности его изрекаетъ пророчества, которыя потомъ дѣйствительно сбываются въ свое время: не явный ли знакъ, что Самъ Богъ подтверждаетъ проповѣдь такого человѣка? Ибо предвѣдѣніе будущаго случайнаго, не зависящаго отъ естественнаго хода вещей, находится выше прозорливости человѣческаго разума и не заклю-

чается въ предѣлахъ естественнаго нашего познанія. Одному Богу извѣстно то, что имѣетъ случиться въ грядущія времена; предвѣдѣніе будущаго собственно принадлежитъ Ему Единому (Иса. 41, 3. 44, 7 и 8). Но Богъ, не противорѣча Самому Себѣ, не можетъ сообщить дара пророчества человѣку, не призванному въ орудіе промысла, и притомъ въ подтвержденіе лжи и обмана. Особенную силу доказательности пророчества приобрѣтаютъ въ томъ случаѣ, когда они имѣютъ предметомъ своимъ будущія событія не только случайныя, но и чудесныя, совершенно зависящія отъ единой воли Божіей, каковы были пророчества Моисея о десяти казняхъ египетскихъ, пророчества Спасителя о своемъ воскресеніи и др.; также, когда они образуютъ собою одну непрерывную цѣпь предсказаній, продолжающихся чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ въ пользу одной какой-либо вѣры, какъ это видимъ въ вѣрѣ христіанской.

Итакъ пророчества, какъ и чудеса, составляютъ всеобщее и несомнѣнное свидѣтельство, очевиднѣйшее и убѣдительнѣйшее доказательство истинности и божественности откровенной вѣры.

Все сіи признаки истинно-божественной вѣры составляетъ разумъ при убѣжденіи своемъ въ дѣйствительномъ бытіи божественнаго откровенія и при свѣтѣ безпристрастной исторіи;—и признаки эти могутъ служить для своей цѣли, т. е. быть общимъ началомъ и повѣркою всякой вѣры при изслѣдованіи о ея истинности. Такъ, прилагая ихъ къ вѣрѣ православно-христіанской и мухаммеданской, можемъ вѣрно узнать по нимъ, что первая есть истинно-божественная вѣра, а послѣдняя—ложная...

О ИСТИННОСТИ И БОЖЕСТВЕННОСТИ ВѢРЫ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ.

ВѢра христіанская-православная, которая во всей первоначальной чистотѣ и всецѣлой полнотѣ сохранила и доселѣ неизмѣнно содержитъ божественное ученіе, преподанное Іисусомъ Христомъ и апостолами, раскрытое, уясненное и утвержденное св. отцами и учителями церкви на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, — есть истинная, божественная вѢра (¹). Это такая истина, на которой основываются, отъ которой получаютъ силу и значеніе всѣ прочіе догматы нашего вѢроученія, основываются всѣ сладостнѣйшія наши надежды, опирается вся наша нравственная жизнь. Посему можно судить, какъ должно быть драгоценно для ума и воздегательно для сердца сознать, сколько возможно ясно и отчетливо, эту основную истину нашего вѢроисповѣданія во всей ея силѣ и непоколебимости!

Истинность и божественность вѢры православно-христіанской можетъ быть доказываема различными способами, и всѣ они равно приводятъ къ одной цѣли — къ убѣжденію въ непререкаемой ея истинности и божественности. И неудивительно, потому что истинно-хри-

(¹) Беремъ христіанскую вѢру въ чистѣйшемъ ея видѣ, въ какомъ она удержалась единственно въ церкви православной. Во всѣхъ же прочихъ христіанскихъ вѢроисповѣданіяхъ и религіозныхъ обществахъ божественное и апостольское ученіе измѣнено и искажено до того, что едва мерцаетъ изъ того глубокаго мрака, какой навели на него суемудріе, эгоизмъ и односторонность человѣческихъ взглядовъ.

стіанская вѣра, съ какихъ бы сторонъ разумъ ни сталъ разсматривать ее, вполне удовлетворяетъ всѣмъ его требованіямъ; она въ состояніи выдержать съ достоинствомъ, ей только свойственнымъ, самую строгую критику.

Методъ, которымъ будемъ мы доказывать истинность и божественность вѣры православно-христіанской, уже предпосланъ нами: это—приложеніе къ ней признаковъ истинно-божественной вѣры.

Вѣра православно-христіанская имѣетъ всѣ неотъемлемыя, отличительнѣйшія свойства и принадлежности вѣры истинно-божественной во всей ихъ полнотѣ и всецѣлости,—и притомъ свойства или признаки какъ *внутренніе*, такъ и *внѣшніе* ⁽¹⁾.

А.

ВНУТРЕННИЕ ПРИЗНАКИ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

Внутренніе признаки вѣры заимствуются изъ самаго содержанія или существа ея. Посему, для изложенія этихъ признаковъ истинно-христіанской вѣры, необходимо представить сущность или содержаніе ея ученія, т. е. изложить въ возможно-общихъ чертахъ ученіе ея *догматическое* и *нравственное*, также—сдѣлать краткій взглядъ и на *внѣшнее ея богослуженіе*.

ДОГМАТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

Важнѣйшія истины православно-христіанской вѣры заключаются въ исповѣдуемомъ нами символѣ св. католической церкви, составленномъ на первыхъ двухъ вселенскихъ соборахъ.—Истины сіи слѣдующія:

(1) Замѣтимъ здѣсь, что нѣкоторые изъ признаковъ истинно-божественной вѣры приличествуютъ православно-христіанской вѣрѣ наравнѣ съ прочими исповѣданіями христіанскими, а другіе свойственны исключительно ей, какъ единой истинно-божественной вѣрѣ

Богъ есть Духъ всесовершенный, вѣчный, независимый, неизмѣняемый, неизмѣримый, вездѣприсущій, всевѣдущій, премудрый, всемогущій, всесвятый, преблагій, правосудный, преблаженный.

Богъ—единъ по существу, въ трехъ лицахъ сущій и покланяемый: Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, Троица единосущная и нераздѣльная.

Богъ—Отецъ не рождается и не исходитъ отъ другаго лица; Богъ—Сынъ предвѣчно рождается отъ Отца; Богъ—Духъ Святой предвѣчно исходитъ отъ Бога Отца.

Все три Лица или Упостаси по божескому достоинству равны между собою: Отецъ есть истинно-всесовершенный Богъ, и Сынъ есть истинно-всесовершенный Богъ, и Духъ Святой есть истинно-всесовершенный Богъ. Все три Лица единъ истинно-всесовершенный триипостасный Богъ.

Триединый Богъ сотворилъ изъ ничего небо и землю, ангеловъ и человѣковъ; весь мѣръ, видимый и невидимый, содержитъ Онъ въ бытіи, и всемъ управляетъ.

Сынъ Божій. Иисусъ Христосъ, ради нашего спасенія отъ Святаго Духа и Маріи Дѣвы воплотился; будучи Богомъ отъ вѣчности, воспринять истинное человечество, и есть истинный Богъ и человѣкъ или Богочеловѣкъ, въ одномъ божескомъ лицѣ имѣя два естества, божеское и человѣческое, нераздѣльно, неслиянно и неизмѣнно.

Иисусъ Христосъ, пребывая на землѣ, божественнымъ ученіемъ своимъ просвѣтилъ мѣръ, своими страданіями и крестною смертію совершилъ искупленіе человѣковъ отъ грѣха, проклятія и смерти, своимъ воскресеніемъ и вознесеніемъ на небо отверзъ для нихъ врата къ жизни и вѣчному блаженству.

Иисусъ Христосъ на землѣ основалъ церковь для спасенія вѣрующихъ, которая пребудетъ до скончанія міра. Церковь сія есть единая, святая, соборная и апостольская. Ей Господь даровалъ пастырей, свое ученіе и семь спасительныхъ таинствъ. По вознесеніи

на небо, Господь ниспослалъ на апостоловъ и на всю церковь Всесвятаго Духа Утѣшителя, чтобы Онъ всегда пребывалъ въ церкви.

Духъ Святой, какъ отъ начала міра вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ даетъ тварямъ бытіе и жизнь и всемъ управляетъ, и какъ въ ветхомъ завѣтѣ глаго- лалъ чрезъ пророковъ, такъ особеннымъ образомъ дѣйствуетъ въ Христовой церкви чрезъ слово Божіе и спасительныя таинства, сообщая вѣрующимъ различ- ные благодатные дары, необходимые для спасенія.

Иисусъ Христосъ, при окончаніи міра, придетъ на землю во славѣ. Всѣ, по гласу Его, воскреснутъ изъ мертвыхъ и предстанутъ на судъ Его, *да приметъ каждый, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10), и идутъ грѣшныя *въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Мат. 25, 46).

Вотъ краткое изложеніе важнѣйшихъ истинъ хри- стианской вѣры, по ученію святой православной цер- кви!—Нѣкоторыя изъ сихъ истинъ суть истины есте- ственной вѣры, только повторенныя, болѣе раскрытыя и подтвержденныя откровеніемъ: потому всегда могутъ быть доступны для нашего разумѣнія. Вникая въ эти истины, каждый здравомыслящій не можетъ не сознать- ся, что всѣ онѣ изложены въ христіанствѣ съ такою ясностію и непререкаемою важностію, въ такой полно- тѣ, въ какой не являлись никогда и ни у одного изъ любомудровъ. Нѣкоторыя же изъ представленныхъ ис- тинъ—сверхъестественны, составляютъ даръ благодат- наго вѣдѣнія, которыя хотя пріемлются разумомъ, но далеко превышаютъ предѣлы опытнаго его вѣдѣнія: это—тайны.

Что касается до тайнъ христіанской вѣры, то хо- тя, не постигая ихъ, мы не можемъ судить о ихъ внутреннемъ достоинствѣ; но имѣемъ основанія утвер- ждать, что онѣ суть истинныя тайны и совершенно достойны вѣры истинно-божественной.—Тайны хри- стианства имѣютъ между собою самую тѣсную связь: всѣ онѣ образуютъ самую строгую, премудрую систе-

му, въ которой каждая мысль имѣетъ глубокое знаменованіе и не можетъ быть отвергнута безъ отверженія цѣлой системы. Спрашивается: ктожь составилъ столь чудно-премудрую систему тайнъ? Быть не можетъ, чтобы разумъ человѣческой: ибо руководствуясь разумомъ, мы *едва разумываемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ, а яже на небесахъ*, по словамъ Премудраго, — *кто изслѣди* (Прем. 9, 16)? Она не могла быть произведеніемъ и ума ангельскаго: ибо и ангелы желаютъ только *приникнути* въ недоуѣдомыя тайны новаго завѣта (I Петр. 1, 12). Очевидно, это — дѣло самаго ума божественнаго. Притомъ, тайны христіанства всѣ до одной суть важнѣйшія истины, отличающіяся особенною глубиною, высокою и спасительною, что составляетъ опять ясное знаменіе ихъ высшаго происхожденія, показываетъ недосыгаемое ихъ превосходство предъ всѣми вѣроученіями естественнаго разума. Говорятъ, что тайны христіанской вѣры и сами по себѣ темны, и бросаютъ мракъ на ея ученіе. Но какую же истину онѣ сокрыли отъ насъ? Напротивъ, тайны христіанства, оставаясь непостижимыми и недоумислимыми для насъ въ существѣ своемъ, объясняютъ намъ многое, и очень многое, существенно-важное въ дѣлѣ вѣры... Тайны христіанства, наконецъ, имѣютъ самое благотворное и спасительное отношеніе и къ нашей дѣятельности. Онѣ научаютъ насъ смиренію и покорности волѣ Божіей, питаютъ наше благоговѣніе, возбуждаютъ нашу вѣру, надежду и любовь, и вообще служатъ сильнѣйшими побужденіями къ благочестію. На примѣръ, тайна благодати Божіей показываетъ слабость нашей природы и указываетъ, откуда мы должны получать помощь. Будучи безсильны сами по себѣ въ дѣланіи добра, мы подкрѣпляемся свыше. Нужда въ этой благодатной силѣ заставляетъ насъ чувствовать зависимость свою отъ Бога и непрестанно напоминаетъ намъ о Немъ. Обѣтованіе о ниспосланіи благодати окрыляетъ нашу надежду, являя въ Богѣ любвособильнаго отца,

пекущагося о спасеніи нашемъ, и тѣмъ возбуждаетъ въ насъ любовь къ Нему и благодарность. Необходимость же высшей небесной помощи заставляетъ пламенно желать, съ рвеніемъ искать ее, и такимъ образомъ поощряетъ насъ къ духовнымъ подвигамъ, къ большому преспѣянію на пути нравственнаго усовершенствованія...

Говоря вообще о тайнахъ истинно-христіанской вѣры, скажемъ здѣсь нѣсколько частныхъ о двухъ высочайшихъ ея тайнахъ—паденіи человѣка и, преимущественно, искупленія, какъ по особенной ихъ важности, послѣду на нихъ опирается все христіанство, все домо-строительство нашего спасенія, такъ и по предположенной нами (¹) цѣли—прослѣдить истины эти съ большимъ предъ другими вниманіемъ, потому что ими подрываются самыя основныя начала исламизма (²).

И разумъ, какъ мы видѣли при изложеніи признаковъ истинно-богооткровенной вѣры, вмѣстѣ съ исторіею, признаетъ истину паденія человѣка и часть отъ благодати Божіей сего возстановленія. Но изслѣдованія разума о сему предметѣ не тверды и не совсемъ рѣшительны. Православная же вѣра христіанская предлагаетъ такое ученіе о тайнахъ паденія человѣка и искупленія, какого нельзя найти ни въ какомъ другомъ вѣроученіи: она учитъ о нихъ, какъ свойственно только учить вѣрѣ истинно-божественной.

Относительно тайны паденія истинная вѣра христіанская говоритъ не только то, что человѣкъ палъ, но и показываетъ самый образъ паденія (Быт. 3, 1—6). Чтобы заставить человѣка падшаго сознать и живѣе возчувствовать глубину паденія своего, она указываетъ

(¹) Смот. примѣчаніе на 20 стр.

(²) И дѣйствительно, еслибы мухамедане признавали, какъ должно, истину паденія человѣка, поняли глубину сего паденія; тогда бы они возчувствовали потребность искупленія и искупителя, а возчувствовавъ потребность эту, необходимо сознали бы недостаточность и неудовлетворительность вѣры своей...

на гибельныя слѣдствія грѣха первороднаго, которыя не ограничились прародителями, но перешли и на ихъ потомковъ, на весь родъ человѣческій: *все согрѣшиша* (Рим. 3, 23), *единъмъ человекомъ грѣхъ во мѣръ вииде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человекъ вииде, во нѣмже все согрѣшиша* (— 5, 12),—и даже простерлись далѣе—на мѣръ видимый: *суетъ бо, говоритъ апостоль, тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю,.. вѣмъ, яко вся тварь (съ нами) со-воздыхаетъ и соболъзняетъ даже донынѣ* (—8, 20 и 22). Въ чемъ же состоитъ эта суета, которой тварь подчинилась вслѣдствіе паденія человѣка? Страданія всего, что видимъ на землѣ, есть отвѣтъ на это.

О тайствѣ искупленія рода человѣческаго истинная вѣра христіанская предлагаетъ такое возвышеннѣйшее ученіе, предъ которымъ разумъ долженъ только благоговѣть. Она говоритъ, что всеблагій Богъ не восхотѣлъ, чтобы человѣкъ, созданный для блаженства, но грѣхомъ удалившійся отъ источника жизни и свѣта, погибалъ въ мракѣ золь и прегрѣшеній. Въ безднахъ неисповѣдимой премудрости Своей Онъ нашелъ для спасенія погибавшаго человѣка такое средство, въ которомъ *милость и истина Его срътостася, правда и миръ облобызастася* (Пс. 84, 11); средство это состояло въ воплощеніи Втораго Лица Пресвятыя Троицы, Единороднаго Сына Божія.

По мысли нѣкоторыхъ святыхъ отцевъ и учителей церкви ⁽¹⁾, Богъ, могущество Котораго безпредѣльно и свобода неограниченна, могъ возстановить человѣка и совсѣмъ инымъ способомъ, нежели какой Ему угодно было употребить; съ другой стороны, послѣдку употребленный Имъ способъ возстановленія человѣка вполне соответствуетъ премудрости и славѣ Божіей и потребностямъ человѣка, и послѣдку законъ высочай-

(1) Такую мысль встрѣчаемъ у св. Леонасія В. (Contr. Arian. Orat. 11, п. 68), у св. Григорія Богослова (Слов. 19. см. въ Твор. Св. Отц. 11. 158) у блаж. Августина (de Trin. XIII) и др.

шей премудрости особенно и состоитъ въ томъ, чтобы вѣрнѣйшими и ближайшими средствами достигать величайшихъ цѣлей: то отсюда открывается, что именно воплощеніе Бога Слова потребно было для искупленія грѣшнаго рода человѣческаго.

Что же требовалось для возстановленія падшаго человѣка, потребленія нашихъ грѣховъ и уничтоженія всѣхъ слѣдствій ихъ?

Чтобы искупить падшаго человѣка и воссоединить его съ Богомъ, для сего надлежало прежде всего удовлетворить за грѣхъ человѣка. Полное же, настоящее удовлетвореніе за грѣхъ необходимо должно было соответствовать: а) самому преступленію; б) лицу, противъ котораго оно сдѣлано и в) лицу, которымъ сдѣлано.

а). Удовлетвореніе, говоримъ, должно соответствовать самому преступленію, въ частности: аа) качеству преступленія и бб) мѣрѣ его.

аа) Преступленіе человѣка, какъ извѣстно, состояло въ преслушаніи воли Божіей (Быт. 2, 16 и 17 ст. 3, 6); посему искупитель человѣковъ долженъ былъ принести Богу удовлетвореніе за грѣхъ человѣка, соответствующее качеству или свойству самаго преступленія, — слѣдов. долженъ былъ *исполнить всяку правду* (Мат. 3, 15) закона, и притомъ такъ, чтобы исполненіе сіе имѣло полную силу предъ очами верховнаго Судии и Законодателя.

Въ этомъ отношеніи не могъ удовлетворить за себя самъ человѣкъ. *Заповѣдь Господня широка зло* (Пс. 118, 96), говорилъ мужъ, опытомъ извѣдавшій широту ея: гдѣ же обнять ее собственнымъ слабымъ силамъ человѣка? Онъ, по самой природѣ своей, существо ограниченное, а по своему паденію—существо совершенно растроившееся въ силахъ, такъ что самое желаніе осуществить въ жизни заповѣдь Божію не можетъ возродиться въ немъ безъ противоборства темной стороны его духа: *еже хотѣти—прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю; не еже бо хочу доброе, творю: но еже не хочу злое, сіе содѣваю*

(Рим. 7, 8 и 9). Притомъ, законъ Господень такъ строгъ, такъ неразрывно соединенъ въ частяхъ своихъ, что нарушеніе одной его заповѣди влечетъ за собою неизбѣжное нарушеніе всего закона. *Аще обратитсѣ праведникъ отъ правды своея, и сотворитъ неправду по вѣсьмъ беззаконіямъ, яже сотворилъ беззаконникъ, вся правды его, яже сотворилъ есть, — не помянутсѣ* (Иезек. 18, 24): *иже бо весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть вѣсьмъ повиненъ* (Іак. 2, 10). Но допустимъ невозможное; положимъ, что человѣкъ въ состояніи выполнить весь законъ Божій — до послѣдней его черты. Что же изъ сего? Будетъ ли это, съ его стороны, удовлетвореніемъ Богу полнымъ и совершеннымъ? Никакъ. Человѣкъ самымъ бытіемъ своимъ и цѣлю бытія обязанъ выполнять волю Божию; онъ созданъ на дѣла благая (Еф. 2, 10). Будутъ ли, слѣдовательно, его добрыя дѣла заслугою предъ Богомъ? Нисколько: они его долгъ — не болѣе. Посему вся правда человѣка будетъ только правдою законною; всякое его дѣло будетъ отвѣчать только само за себя. Именно сію мысль имѣлъ въ виду Іисусъ Христосъ, когда говорилъ своимъ ученикамъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмь, якоже должны быхомъ сотворити, сотворихомъ.* (Лук. 17, 10.)

Не могъ удовлетворить правосудію Божию относительно свойства преступленія — самый ангелъ, чистый духъ. Цѣль сотворенія ангеловъ, какъ и людей, чисто нравственная: это — дѣятельное приближеніе къ высочайшему нравственному совершенству Творца и Первообраза своего. А потому и ангелъ, если творитъ волю Божию, если дѣлаетъ добро: то дѣлаетъ должное; онъ къ этому обязанъ, дѣлаетъ только за себя. Притомъ, полное, надлежащее удовлетвореніе предполагаетъ, образно выразимся, вознагражденіе долга изъ собственныхъ сокровищъ. Но что имѣетъ ангелъ, какъ и человѣкъ, его же нѣсть пріять отъ руки Творца и Промыслителя? И силами, и средствами, и самымъ бытіемъ

онъ всецѣло обязанъ Богу. Слѣдовательно все дѣйствія высшихъ сотворенныхъ духовъ на пользу человѣка принадлежали бы не имъ однимъ, и не могли бы имѣть совершенной заслуги въ очахъ правосуднаго Бога.

Кто же могъ принести полное, совершенное удовлетвореніе небесному правосудію относительно свойства преступленія? Кто былъ въ силахъ исполнить за людей во всей цѣлости и широтѣ волю Божию? Лице высшее, нежели человѣкъ и ангелъ, — только Самъ Богъ воплотившійся и вочеловѣчившійся. Конечно, Онъ могъ и безъ этого освободить человѣка отъ грѣха, какъ Богъ всемогущій, у Котораго не изнеможетъ всякъ глаголь, но не могъ, какъ Богъ вѣчно—праведный и правосудный:—дѣйствовать въ царствѣ существъ нравственныхъ только по законамъ всемогущества, значить—дѣйствовать не по законамъ сего царства, значить—нарушать право свободы. Человѣкъ при паденіи обнаружилъ гордость, захотѣлъ быть равнымъ Богу (Быт. 3, 5); посему ходатай человѣка долженъ былъ явить глубочайшее смиреніе, *себе умалитъ, зракъ раба пріяты...* (Фил. 2; 7). Человѣкъ самовольно преступилъ волю Создателя своего: божественный Искупитель нашъ долженъ былъ показать совершеннѣйшій образецъ послушанія ей,—выполнить нравственный законъ въ строжайшемъ его смыслѣ, такъ чтобы *якоже ослушаніемъ единого грѣшна быша мнози, снже и послушаніемъ Единого праведни будутъ мнози* (Рим. 5, 19); Онъ долженствовалъ быть *подъ закономъ, да подзаконныя искутитъ, да всыновленіе воспріимемъ* (Гал. 4, 4, 5) (¹).

(¹) Возможность такой уплаты нравственнаго долга однимъ лицомъ вмѣсто другаго или другихъ предъ судомъ правды Божіей не можетъ не быть признана и здравымъ смысломъ. Удовлетворить существу прогнѣванному непосредственно или посредственно—все равно; въ послѣднемъ, какъ и въ первомъ, случаѣ нисколько не терпитъ ни власть законодателя, ни святость закона: грѣхъ наказуется, долгъ уплачивается.

Такимъ образомъ, если удовлетвореніе, соотвѣтственно качеству или свойству преступленія, слагается изъ строжайшаго выполненія закона божественнаго: то, очевидно, удовлетворитель за грѣхъ человѣка долженствовалъ быть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ. Ибо Божество, дѣйствуя по законамъ высочайшей свободы, Само по себѣ не можетъ стать въ рядъ существъ конечныхъ и подчиниться нравственнымъ ихъ законамъ. Только Богочеловѣкъ—Сынъ Божій—могъ выполнить всю правду закона; и послѣдуя Онъ, какъ Богъ, не былъ къ сему обязанъ, то заслуги Его и могли вмѣниться самому человѣку.

бб) Въ лицѣ перваго человѣка согрѣшило все его потомство: въ грѣхѣ прародителей, какъ въ сѣмени, заключались грѣхи всѣхъ послѣдующихъ людей (Рим. 3, 23; 5, 12). Следовательно удовлетвореніе, относительно мѣры преступленія, должно простираться *на всѣ грѣхи, грѣхи всѣхъ людей и грѣхи людей всѣхъ временъ*. И представить невозможно, чтобы такою всеобъемлющею жертвою могла быть жертва конечная; и понять нельзя, какимъ образомъ могла бы жертва существа ограниченаго удовлетворить за всѣ грѣхи людей всѣхъ временъ, когда она не можетъ удовлетворить даже за него самаго. Въ такомъ случаѣ, существо сіе, безъ видимой пользы, должно было бы страдать цѣлую вѣчность: *подобаше бы ему множицею страдати отъ сложенія міра* (Евр. 9, 26). Посему только Богочеловѣкъ могъ сдѣлать, чтобы Богъ *милостивъ былъ неправдамъ нашимъ и грѣховъ нашихъ и беззаконій не помянулъ ктому* (Евр. 8, 12); только Онъ одинъ могъ быть дѣйствительнымъ *очищеніемъ о грѣсахъ нашихъ, не о нашихъ точю, но и всего міра* (1 Іоан. 2, 2); только Онъ одинъ могъ *единъмъ приношеніемъ совершити во вѣки освящаемыхъ* (Евр. 10, 14) и обрѣсти намъ *вѣчное искупленіе* (Евр. 9, 12). И точю, если Самъ Богочеловѣкъ изнемогалъ подъ тяжестію креста прегрѣшеній нашихъ; если и Онъ готовилъ Себя къ великому крестному жертвоприношенію крѣчайшею

молитвою ко Отцу, молитвою до кроваваго пота (Лук. 22. 42—44. Евр. 5, 7); если сверхъ того Онъ не разъ молилъ Отца объ отклоненіи отъ Себя горькой чаши страданій: то какое другое существо могло устоять подъ бременемъ грѣховъ всего міра?..

б) Удовлетвореніе за грѣхъ человѣка должно соотвѣтствовать также лицу оскорбленному. Слѣдовательно требовалась столько же бесконечно-великая умиловительная жертва, сколько бесконечно оскорбленіе, причиненное человѣкомъ Богу, сколько бесконечна самая правда Божія, — не потому, чтобы Богъ искалъ мщенія, но потому, что никакое свойство Божіе не можетъ быть лишено свойственнаго ему дѣйствія; безъ исполненія сказаннаго условія человѣкъ навсегда остался бы предъ правосудіемъ Божиимъ *чадомъ гнѣва* (Еф. 2, 3). *чадомъ проклятія* (Гал. 3, 10), и примиреніе, воссоединеніе человѣка съ Богомъ не могло бы даже начаться. Но можетъ ли быть таковою жертва существа ограниченаго, конечнаго? Между конечнымъ и бесконечнымъ разстояніе неизмѣримое; потому и дѣйствіе существа конечнаго предъ бесконечнымъ также ничтожно, какъ сравнительно ничтоженъ производитель его. И слѣдовательно, сколько бы человѣкъ, самъ по себѣ, ни старался удовлетворить правосудію Божію, — никогда не удовлетворилъ бы; Существо безпредѣльное даже вѣчными трудами человѣка было бы неудовлетворено, и человѣкъ оставался бы предъ Нимъ вѣчнымъ должникомъ ⁽¹⁾. И гдѣ найти между людьми такого совершеннаго праведника, который бы могъ представить изъ себя Богу жертву, чистую, святую, благоугодную? Всѣ мы до единаго заражены грѣхомъ, всѣ находимся подъ клятвою (Гал. 3, 10); а потому могъ

(1) «Есть грѣхъ толикое зло, яко человѣкъ самъ собою, безъ содѣйствующаго Божія милосердія, никогда же можетъ совершенно зань удовлетворити, аще бы и тысячу лѣтъ жилъ, въ покаяніи же, трудахъ, постахъ, въ молитвахъ и слезахъ вся лѣта она проводилъ». Св. Дмитрій Ростовскій, глгоп. отд. 1, стр. 179.

ли кто изъ среды земнородныхъ явиться ходатаемъ, нравственно - достойнымъ Существа безпредѣльно - совершеннѣйшаго? Нѣтъ, ходатай-человѣкъ всегда имѣлъ бы нужду въ другомъ, болѣе сильномъ посредникѣ или поручителѣ... Даже никто и изъ высшихъ сотворенныхъ духовъ, если бы захотѣлъ, не могъ принести Богу за человѣка всевознаграждающей, безконечно-великой умиловительной жертвы: жертва сотвореннаго духа и даже всѣхъ ихъ вмѣстѣ, въ чемъ бы ни состояла она, по самой ихъ ограниченности, не можетъ имѣть безконечной цѣны.

Слѣдовательно, *не ходатай* — человѣкъ, *ниже ангелъ*, но *Самъ Господь* (Иса. 63, 9) могъ удовлетворить безконечному правосудію Своему. Всегда такъ и бываетъ: *не возможная отъ человекъ возможна суть отъ Бога* (Лук. 18, 27). Поистинѣ, вполне достойнымъ ходатаемъ за людей предъ Богомъ могъ быть только Богъ; безконечный только могъ безпредѣльно удовлетворить безконечному. Это ясно: противъ сего не будетъ спорить и разумъ. А между тѣмъ какое удивительное, истинно-премудрое единство—всегдашнее отличительное свойство дѣлъ Божіихъ—должно было выходить тогда въ дѣлѣ нашего искупленія! Самъ Богъ былъ бы въ нашемъ ходатаѣ *миръ примиряя себѣ, не вменяя имъ согрѣшеній ихъ* (2 Кор. 5, 19). „Ходатай, имѣвпій примирить насъ съ Богомъ посредствомъ жертвы, былъ бы едино съ Тѣмъ, Кому она приносилась, соединялъ бы въ Себѣ тѣхъ, за кого приносилась, и наконецъ былъ бы вмѣстѣ жрецомъ и жертвою (1)“.

в) Но соотвѣтствуя величію лица оскорбленнаго, ходатай Бога и человѣковъ долженъ былъ соотвѣтствовать и самому лицу оскорбившему. „Посредникъ, говорить св. Іоаннъ Златоустъ, если не имѣетъ сродства съ посредствующими, не можетъ быть посредникомъ. Поэтому Христу, какъ посреднику между Богомъ и чело-

(1) August. de Trin. Lib. IV.

вѣками, надлежало явиться какъ бы въ нѣкоторомъ среднемъ состояніи, — божествомъ соединяясь съ Богомъ, а человечествомъ — съ людьми (¹)“. Удовлетворить правосудію божественному нужно было отъ лица грѣшниковъ сильному ходатаю, но по природѣ подобному имъ. Иначе дѣло искупленія не будетъ прямо относиться къ людямъ. Человѣкъ согрѣшилъ душою разумною и свободною: нужно было, чтобы божественный Искупитель освятилъ падшую душу, принявъ ее въ вѣчное единеніе съ божественною Своею природою. Человѣкъ согрѣшилъ въ тѣлѣ, которое, подобно душѣ, заразилось ядомъ грѣха: нужно было, чтобы Богъ — Ходатай принялъ на Себя и нашу слабую плоть, и чрезъ то очистилъ, обожилъ ее. „Како то слово Отчее имѣяше исцѣлѣти человѣка, аще не бы аки пастырь приложился къ человѣку чрезъ соединеніе ему вочеловѣченіемъ“, говоритъ св. Димитрій Ростовскій (²), при мысли о воплощеніи Сына Божія. Все это, наконецъ, подтверждается и самимъ Словомъ Божиимъ. Св. апостоль Павелъ свидѣтельствуетъ: *не отъ ангелъ когда пріемлетъ (Иисусъ Христосъ), но отъ стѣмене Авраамова пріемлетъ; — и отсюда выводитъ такое заключеніе: отнюду же долженъ бы по всему подобитися братѣи, да милостивъ будетъ и вѣренъ Первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу, всеже очистити грѣхи людскіе.* (Евр. 2, 16 и 17).

Но недовольно сего: для возстановленія человѣка въ первобытное состояніе необходимо было еще потребить грѣхъ во всемъ существѣ человѣка, просвѣтить его разумъ, исправить его волю, возстановить въ немъ образъ Божій. Ибо и по удовлетвореніи правдъ Божіей, если бы существо человѣка осталось грѣховнымъ и нечистымъ, если бы разумъ его оставался во мракѣ и образъ Божій искаженнымъ, — общеніе между Богомъ

(¹) Том. V, том. 7, 134 р. 859.

(²) Чет. Мив. Май, числ. 1-е, лист. 160.

и человѣкомъ не могло бы состояться, какъ между свѣтомъ и тьмою (2 Кор. 6, 14).

Кто же могъ выполнить это условіе? Никто, кромѣ одного Бога.

Не могъ сего сдѣлать самъ человѣкъ, больной, немощный, лишенный благодати Божіей. Откуда бы онъ взялъ такія великія силы, чтобы потребить въ себѣ грѣхъ, проникшій все существо его, заразившій и низвергившій всѣ его силы и способности? Нѣтъ, неминуемымъ слѣдствіемъ собственныхъ попытокъ человѣка высвободиться изъ власти грѣха было бы только новое, опытное убѣжденіе въ своей немощи, въ своемъ нравственномъ безсиліи; изнемогая въ трудной борьбѣ съ самимъ собою, онъ наконецъ воскликнулъ бы: *окаяненъ азъ человекъ! кто мя избавитъ отъ тлаа смерти сая* (Рим. 7, 24)?—Никто не могъ и изъ высшихъ сотворенныхъ духовъ истребить грѣхъ въ существѣ человѣка. Для сего требовалось не менѣе, какъ возсоздать человѣка, а могущество сотворенныхъ существъ—не только каждаго порознь, но и всѣхъ вмѣстѣ—ограниченно.

Одинъ только Богъ всемогущій могъ возстановить человѣка, пересоздавъ его внутренно по тому же образѣ, какой далъ ему вначалѣ и употребивъ для сего ту же творческую силу, хотя и другія средства. Только Тотъ, Кто сказалъ о Себѣ; *Азъ есмь, Азъ есмь, заглаждающій беззаконія* (Иса. 43, 25. Сн. Псал. 102, 3), могъ очистить человѣка отъ грѣховъ. И тѣмъ болѣе, что дѣло искупленія человѣка и возстановленія въ немъ образа Божія св. отцы считаютъ дѣломъ гораздо труднѣйшимъ для Самаго Бога, нежели дѣло творенія. „При сотвореніи вещей, говоритъ св. Аѳанасій Великій, было произнесено только повелѣніе бытъ: да произраститъ, да будетъ; а для возстановленія твари надлежало Господу содѣлаться человѣкомъ (1)“.

(1) Христ. Чит. 1835 ч. 2. стр. 122.

Наконецъ, искупитель человѣческаго рода долженъ былъ возстановить и весь міръ видимый, снять съ земли проклятіе, уничтожить то разстройство и суету, которой тварь подверглась *не волюю, но за повинувшаго ю* (Рим. 8; 20). Очевидно, что здѣсь необходимо возсоздать уже не одного человѣка, но всю природу. Тѣмъ болѣе, слѣдоват., не могли выполнить это условіе ни человѣкъ, ни какой либо ангелъ, а могъ выполнить одинъ только Богъ. „Никакая часть творенія не могла послужить спасенію творенія, когда и сама нуждалась въ спасеніи“, говоритъ одинъ отецъ церкви ⁽¹⁾.

Итакъ для возстановленія нашего рода человѣческаго и всего міра видимаго, которое могло состояться только подъ условіемъ удовлетворенія безконечному правосудію Божію, изглажденія грѣха и всѣхъ слѣдствій его,—потребны были чрезвычайныя, сверхъестественныя средства. Это дѣло, которое столько же велико, какъ и твореніе міра, или еще болѣе, могъ совершить только Богъ воплотившійся и вочеловѣчившійся...

Ученіе объ искупленіи, будучи основано на ясныхъ свидѣтельствахъ Слова Божія, и по сужденію здраваго разума ничего не представляетъ несообразнаго съ безпредѣльными совершенствами Божіими. Напротивъ, въ домостроительствѣ нашего спасенія свойства Божіи представляются въ совершеннѣйшемъ между собою согласіи: безконечная благодѣтельность Божія явлена въ спасеніи погибающаго человѣка: *такъ бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго дадесть, да всякъ вѣрующій въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ стѣнный* (Іоан. 3, 16); безконечное правосудіе Божіе удовлетворено безконечною же, всевознаграждающею жертвою Богочеловѣка; глубина премудрости открылась въ избраніи способа, которымъ примирена вѣчная правда съ вѣчною благодію,—способа, о которомъ никакой

(1) Св. Аѳанасій В. Contr. Arian, Orat. 11. n. 69.

умъ сотворенный никогда не могъ бы и помыслить, и который потому называется попреимуществу Божіею премудростію, въ тайнѣ сокровенною (1 Кор. 3, 7). тайною, сокровенною отъ вѣкъ и родовъ (Кол. 1, 26); святость существа божественнаго осталась неприкосновенною: Искупитель былъ чуждъ скверны грѣховной; всемогущество не стѣснилось, такъ какъ Спаситель явилъ ясныя знаменія его въ своихъ чудесахъ; безконечность и вездѣприсутствіе божества не уничтожились: божество соединилось съ человѣчествомъ, а не заключилось въ тѣсныхъ предѣлахъ его.

Такъ все въ высочайшемъ таинствѣ нашего искупленія, составляющемъ средоточіе, сущность христіанскаго вѣроученія, сообразно съ безпредѣльными совершенствами Божіими.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРАВСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

Нравственное ученіе православно-христіанской вѣры, какъ и догматическое, въ высшей степени превосходно, чисто и свято.

Святая вѣра Христова, научая насъ, съ одной стороны, *отложить по первому житію ветхаго человека, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ*, а съ другой—*облецися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22—24), предлагаетъ главнымъ образомъ два начала дѣятельности: это—по отношенію къ намъ самимъ—начало самоотверженія, по отношенію къ Богу и ближнимъ—начало любви. Первое выражено въ слѣдующихъ словахъ Іисуса Христа: *иже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34). Последнее указано также Самимъ Спасителемъ: *возлюбими Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею: сія есть первая и большая заповѣдь,—вторая же подобна ей: возлюбими искреннаго твоего, яко самъ себе* (Матѹ. 22, 37—39).

Раскрывая, въ частности, начало самоотверженія, вѣра христіанская заповѣдуетъ намъ, чтобы мы, прежде всего, каялись во грѣхахъ своихъ: *покайтесь* (Матѳ. 3, 2), такъ началъ проповѣдь Свою Іисусъ Христосъ и такъ же повелѣлъ начинать ее апостоламъ (Лук. 24, 47). Потомъ, вѣра христіанская заповѣдуетъ намъ, чтобы мы вели непрерывную брань съ собою, подвизаясь иногда *до крове* противъ живущаго въ насъ грѣха (Евр. 12, 4), и старались *распяты* *плоть* *свою* *со* *страстьми* *и* *похотьми* (Гал. 5, 24), очистить себя *отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1) и не согрѣшати не только дѣломъ, но и самою мыслию и словомъ (Матѳ. 12, 36). Въ то же время мы должны вести непрерывную духовную брань и съ міромъ—областію, гдѣ повинуются не закону Божію, а своимъ страстямъ, гдѣ любятъ не истину Божію, а свои заблужденія,—должны удаляться отъ всего, что можетъ возбуждать въ насъ тройственную похоть—похоть плотскую, похоть очесъ и гордость житейскую (1 Іоан. 2, 15 и 16). Наконецъ, законъ христіанскій заповѣдуетъ намъ вести постоянную брань и съ главнымъ, истиннымъ врагомъ нашего спасенія—дьяволомъ, который есть первоисточникъ грѣха и виновникъ всѣхъ искушеній (1 Іоан. 3, 8), и для сего *облецися во вся оружія Божія, яко возмоути намъ стати противу кознемъ вражескимъ* (Еф. 6, 11), трезвиться и бодрствовать непрестанно (1 Петр. 5, 8) и возмогать *о Господь и въ державѣ крѣпости Его* (Еф. 6, 10).

Но самоотверженіе, будучи направлено къ искорененію въ человѣкѣ всего нечистаго и грѣховнаго, само по себѣ еще недостаточно къ насажденію въ насъ новой, истинно-христіанской жизни: *аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любви же не имамъ, никакая польза ми есть* (1 Кор. 13, 3), говоритъ святой апостоль Павелъ. Итакъ для полноты духовнаго совершенства необходима любовь. Любовь составляетъ сущность всего нравственнаго ученія евангельскаго; она измѣряетъ всю высоту, глубину

и широту христіанской дѣятельности. Изъ нея вытекаютъ всѣ обязанности наши къ Богу и ближнимъ.

Относительно обязанностей нашихъ къ Богу, христіанская вѣра научаетъ любить Бога любовью самою полною и совершенною (Лук. 10, 27), всегда взирать на Него мысленными очами вѣры (2 Кор. 3, 18. Евр. 12, 2) и поклоняться Ему въ духъ и истинъ (Іоан. 4, 23 и 24). А для сего предложена и самая молитва, которая вполне заслуживаетъ названіе Господней (Мат. 6, 9—11); это—образецъ мирнаго и разумнаго обращенія къ Богу; молитва сія, по своей разительной краткости, ясности и соотвѣтственности всякому состоянию человѣческому, равно какъ по святости самонужнѣйшихъ въ ней прошеній, не имѣетъ равной или хотя подобной себѣ.—Далѣе, ученіе христіанское повелѣваетъ все дѣлать во славу всесвятаго имени Божія (Фил. 1, 11); прежде всего *искать царствія Божія и правды Его* (Матѳ. 6, 33); совершенно предаваться волѣ Божіей, и съ терпѣніемъ, охотно, безъ ропота переносить все, что только Онъ благоволитъ возложить на насъ (1 Кор. 10, 10 и 13).

Относительно обязанностей нашихъ къ ближнимъ, законъ христіанскій учитъ, чтобы мы любили ихъ, какъ самихъ себя,—были къ нимъ не только справедливы и искренны, но и милосерды, перенося оскорбленія и великодушно прощая обиды не только *до семи кратъ, но и до семи кратъ седмерицею* (Мат. 18, 22);—чтобы дѣлали имъ тоже, чего желаемъ себѣ отъ нихъ: *вся елика аще хотите, да творятъ вамъ чловѣцы, тако и вы творите имъ* (Мат. 7, 12). Любовь къ ближнимъ въ христіанствѣ имѣетъ тотъ отличительный характеръ, что она объемлетъ собою всѣхъ людей, друзей и не друзей (Мат. 5, 45). Это, если можно такъ выразиться, глазъ любви, который смотритъ на каждаго чловѣка и ни отъ кого не отвращается; это—сердце любви, которое сочувствуетъ ближнему и въ радости, и въ печали; это—рука любви, готовая помогать каждому при всякомъ потребномъ случаѣ. Воодушевляемый сею

возвышенною любовію столько бываетъ преданъ ближнимъ своимъ, что не усумнится, когда нужно, положить за нихъ, по примѣру Спасителя, самую душу: *сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы,—больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя.* (Іоан. 15, 12 и 13).

Уже и изъ сего краткаго очерка можно видѣть, сколь превосходно нравственное ученіе христіанской вѣры.

Ученіе это—*единственное* въ своемъ родѣ, далеко отличное отъ нравоученія человѣческаго. Человѣкъ вообще привыкъ чувствовать и дѣлать такъ, чтобы въ чувствахъ и дѣлахъ находить для себя или пріятное, или полезное. Любить ли онъ кого,—ждетъ взаимности; одолжаетъ ли,—требуетъ платежа; покровительствуетъ ли,—ищетъ услуги или удовлетворенія своему тщеславію; служить ли,—ставитъ въ цѣну службу; благотворитъ ли,—ожидаетъ благодарности. Такой образъ поведенія кажется естественнымъ и правильнымъ. Самая строгая человѣческая философія не найдетъ тутъ ничего предосудительнаго. Но ученіе евангельское показываетъ, что здѣсь скрывается тайное своекорыстіе и самолюбіе. Если за любовь любятъ насъ, дружбу платятъ тѣмъ же: то мы уже награждены. А лучше бы любить безъ возмездія,—благотворить, не ожидая благодарности,—одолжать, не имѣя въ виду вознагражденія. Та любовь земная, а эта небесная; это—совершенство любви; такую любовь имѣетъ Одинъ Богъ. А Іисусъ Христосъ и хочетъ, чтобы люди въ любви уподоблялись Богу: *будьте совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѹ. 5, 48). Равнымъ образомъ, кто училъ изъ мудрыхъ міра сего незлобію сердца и любви ко врагамъ? Напротивъ, мстительность всегда была признаваема за благородное чувство. Христосъ же Спаситель заповѣдуетъ: *любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напастъ и изгоня-*

щія вы (Матѳ. 5, 44). Какой свѣтъ—это ученіе Христово! Какою теплотою оно вѣетъ на сердце!

Нравственное ученіе христіанской вѣры—и *полнѣйшее, всеобъемлющее*. Оно предлагаетъ самыя удовлетворительныя рѣшенія на всѣ важнѣйшія случаи дѣятельной жизни нашей. Нѣтъ ни одной добродѣтели, которой бы не предписывало Евангеліе; не возможно указать никакого совершенства, котораго бы оно не завѣщало; нельзя представить какого-либо порока или слабости, коихъ бы оно не осуждало. И при этомъ, правила христіанскаго нравоученія не ограничиваются однимъ внѣшнимъ поведеніемъ человѣка, — они простираютъ свою силу и на самыя тайныя мысли и желанія, на самыя сокровенныя движенія сердца. Законъ христіанскій возбраняетъ не только грѣхъ, но и все, могущее подать поводъ къ нему. Чтобы не было клятвопреступленія, онъ осуждаетъ всякую клятву, безъ нужды употребляемую; для предупрежденія отъ убійства, заповѣдуетъ укрощать начальныя еще движенія гнѣва; для воспрепятствованія прелюбодѣянью, запрещаетъ желаніе *прелюбы творить*: нечистое желаніе—уже преступленіе, похотливый взглядъ—прелюбодѣяніе. Такъ при дверяхъ самаго сердца стоитъ законъ христіанскій и отстраняетъ отъ насъ всякую мысль злую.

Кратко сказать: нравственное ученіе, преподанное Иисусомъ Христомъ и апостолами, есть ученіе совершеннѣйшее. Самые злѣйшіе враги христіанской вѣры доселѣ ничего не могутъ выдумать противъ его непредекаемой истины, и только въ изумленіи недоумѣваютъ... Самые закоренѣлые въ порокахъ не осмѣливаются порицать его, а развѣ слѣдуя внушеніямъ лукавой воли своей, иногда говорятъ: оно тяжело, оно не по силамъ человѣка—надобно быть ангеломъ. Но цѣль ученія сего и состоитъ въ томъ, чтобы довести человѣка до равно-ангельскаго состоянія и усыновить его Богу: *яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесахъ* (Матѳ. 5, 45).

Совершенство́йшая чистота и высочайшая святость нравственнаго ученія христіанскаго видна и изъ *побужденій*, какія оно предлагаетъ для того, чтобы отвлечь людей отъ нечестія и утвердить на пути добродѣтели. Прежде всего оно обращается къ грѣшникамъ и говоритъ, что какъ бы ни были велики грѣхи ихъ, всѣ эти грѣхи простятся имъ, если только они искренно покаются и рѣшатся жить свято: *аще исповѣдуемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. 1, 9). Въ другихъ мѣстахъ Слово Божіе вѣщаетъ ко всѣмъ христіанамъ вмѣстѣ, какъ грѣшникамъ, такъ и праведникамъ, и возбуждаетъ ихъ къ благочестію — то высокою данныхъ ими обѣтовъ при крещеніи: *или не разумѣете, яко елицы во Христа крестихомся, спогробохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть: да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы въ обновленіи жизни ходити начнемъ* (Рим. 6, 3 и 4); то достоинствомъ собственнаго ихъ званія, *въ неже званіи бысте* (Еф. 4, 1), какъ *сынове свѣта и сынове дне* (1 Сол. 5, 5). Иногда же Священное Писаніе указываетъ христіанамъ на слѣдствіе пороковъ и добродѣтелей и говоритъ, что даже въ настоящей жизни открывается *гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду чловѣковъ* (Рим. 1, 18), а въ будущей жизни нераскаянныхъ грѣшниковъ ожидаетъ *огнь вѣчный* (Мат. 25, 41), *иде же будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (Лук. 13, 28), тогда какъ *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе и мѹще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4; 8). Но самая возвышенная, безъ сомнѣнія, и трогательнѣйшія побужденія предлагаетъ намъ христіанство, когда говоритъ объ изумительномъ величій щедротъ къ намъ Божіихъ въ таинствѣ искупленія: *молю васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богу, словесное служеніе ваше* (Рим. 12, 1); когда напоминаетъ о безконечной любви къ намъ Отца небеснаго,

явленной въ этомъ величайшемъ таинствѣ: *о семъ яви-ся любви Божія въ насъ, яко Сына Своего Единороднаго посла Богъ въ міръ, да живи будемъ Имъ* (1 Іоан. 4, 9); и особенно, когда призываетъ насъ къ добродѣтели крестными страданіями Искупителя: *по Христъ молимъ, яко Богу молящу нами: молимъ по Христъ, примиритесь съ Богомъ. Не въдѣвшиаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ.* (2 Кор. 5, 20 и 21).

Но истинно-христіанская вѣра не только преподаетъ высокія правила жизни, не только представляетъ чистѣйшія и дѣйствительнѣйшія побужденія къ исполненію оныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ *возраждаетъ насъ духовно, и по возрожденіи подаетъ намъ всѣ силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3). — Это главное, самое важное и существенное превосходство христіанской вѣры предъ всѣми нравоученіями человѣческими, которыя, налагая на человѣка бремя обязанностей, не хотятъ, такъ сказать, и перстомъ двинуть онаго.

Духовное возрожденіе наше совершается божественною благодатію въ силу искупительныхъ заслугъ Іисуса Христа: *егда благодать и человеколюбіе явися Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, иже сотворихомъ мы, но по своей Его милости, спасе насъ банею какибытія и обновленія Духа Святаго, Егоже излія на насъ обильно, Іисусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ* (Тит .3, 4—6). Эта спасительная сила — божественная благодать, вселяясь въ человѣка, производитъ въ немъ великое и таинственное дѣйствіе. Она внутренно перераждаетъ и преобразуетъ его во всемъ существѣ, изъ ветхаго дѣлаетъ его новымъ человѣкомъ, изъ нечистаго — чистымъ, и затѣмъ вводитъ его въ спасительную жизнь, которую онъ долженъ провождать. Видимыми средствами къ сему служатъ Слово Божіе и таинства. Слово Божіе есть *неистлѣнное* (1 Петр. 1, 23) сѣмя, отъ котораго человѣкъ возрождается въ жизнь духовную, становится новою тварію, по Богу

созданною въ правдѣ и преподобіи истины. Таинства — это постоянные и неизсякаемые источники, въ которые Господь ввелъ спасительную благодать Свою; чрезъ нихъ сообщается сила возраждающая, обновляющая, освящающая человѣка и содѣлывающая его членомъ царства Христова.

И послѣ возрожденія святая вѣра не оставляетъ насъ безъ благодатной помощи; она содѣйствуетъ намъ нести иго Христово, дѣлая оное легкимъ и пріятнымъ. А если мы, по слабости, претыкаемся и падаемъ подъ нимъ, она поддерживаетъ насъ и помогаетъ возстать намъ. Такъ мы получаемъ всѣ божественныя *силы, яже къ животу и благочестію*; и истинно-вѣрующій, дѣйствительно, постоянно пребываетъ въ обилии даровъ благодатныхъ. Онъ получаетъ и духъ страха Божія, который удерживаетъ его отъ зла, и духъ благочестія, направляющій сердце къ исполненію извѣстныхъ добродѣтелей, и духъ вѣдѣнія, вѣрно и несомнѣнно объясняющій тайны христіанской жизни, и духъ совѣта, который вразумляетъ въ сомнительныхъ случаяхъ и научаетъ отличать важнѣйшія обязанности отъ менѣ важныхъ, и духъ крѣпости, утверждающій въ хожденіи во свѣтѣ заповѣдей Божіихъ, и духъ разума, открывающій божественныя основанія добродѣтели, и духъ премудрости, который непостижимымъ образомъ возводитъ на высшую степень духовнаго просвѣщенія, съ которой вѣрующій зреть сокровенныя пути премудрости Божіей, не доведомые естественному разуму, — зреть и познаеть: *кое есть упованіе званія Божія, и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ, и кое преславленное величество силы Его во всѣхъ вѣрующихъ и призывающихъ имя Его* (Еф. 1, 18 и 19). При такомъ преисполненіи благодатными дарами, истинно-возрожденный имѣетъ всѣ средства преуспѣвать въ богоугодной жизни, восходить отъ совершенства къ совершенству или, по выраженію апостола, преобразоваться *въ тойже* (т. е. Божій) *образъ отъ славы въ славу* (2 кор. 3, 18). Всѣ мысли его, при просвѣщеніи свыше, распо-

лагаются къ тому, *елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала* (Фил. 4, 8). Воля его, чрезъ совершенную покорность волѣ Божіей, отвращается отъ всего нечистаго и порочнаго: *всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ, яко сѣмя Его въ немъ пребываетъ и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. 3, 9). То есть, благодать Божія, какъ сѣмя, какъ начало новой святой жизни въ человѣкѣ, одушевляя его вѣрою и любовію къ Богу, непрестанно производитъ въ немъ благія предначинанія и располагаетъ къ добрымъ дѣламъ, и потому ему вовсе несвойственно творить грѣхъ и находить въ немъ удовольствіе. Дѣйствія божественной благодати обнаруживаются и въ самомъ тѣлѣ: возрожденные не представляютъ *уды своя оружія неправды грѣху*: но представляютъ себя *Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ, и уда своя оружія правды Богови* (Рим. 6, 13).

Наконецъ и *цѣль*, какую указываетъ и къ которой ведетъ своихъ послѣдователей христіанская вѣра,—высочайшая, истинно-божественная; это—чистое и совершенное блаженство человѣка, вовсе непохожее на счастье міра сего.

Большая часть людей этаго міра думаетъ найти счастье въ возвышеніи и господствованіи. Но это величіе исчезаетъ у дверей гроба. Напротивъ, Спаситель указываетъ на другій, надежный проводникъ—нищету духовную, т. е. смиреніе, поправленіе гордости и самолюбія, ту нищету, которая не любитъ владычества, не мечтаетъ о себѣ: *блаженнѣе нищій духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мат. 5, 3).—Въ составъ земнаго счастья входятъ радости, удовольствія и разнаго рода чувственныя наслажденія, которыя всѣ вообще мимолетны. А для царства небеснаго нужны слезы теплыхъ молитвъ, сердечнаго сокрушенія и покаянія. Кратковременныя сіи слезы осушатся вѣчною радостію: *блаженнѣе плачущій: яко тѣмъ утѣшатся* (—4).—Зем-

ное счастье—игра страстей. Оно разжигает высокомеріе, ожесточает нравы, раздражительно при оскорбленіи, злопамятно до кровавой мести. Заслуживаетъ ли оно названія счастья, будучи такъ мрачно и сурово? Не справедливѣ ли отдать вѣнецъ счастья кротости, незлобію сердца, этой неизмѣнной благодати души, всегда свѣтлой, всегда довольной своею участію, никогда не оскорбляющей, не мстящей обидою за обиду, во всѣхъ случаяхъ терпѣливой и полной небесныхъ надеждъ и предъощущеній? Для такихъ высокихъ нравственныхъ доблестей и назначается рай Божій: *блаженни кротцыи: яко тѣи наследятъ землю* (—5).—Многіе полагаютъ свое счастье въ удовлетвореніи своихъ страстей, въ неприкословномъ исполненіи своей воли; но законъ Христовъ требуетъ, чтобы мы умерщвляли въ себѣ страсти и покоряли волю святымъ заповѣдямъ Господнимъ. Это одно можетъ удовлетворить всѣмъ высшимъ потребностямъ бессмертной души: *блаженни алчущіи и жаждущіи правды: яко тѣи насытятся* (—6).—Счастье земное самолюбиво; оно все сосредоточиваетъ въ себѣ, въ насыщеніи любимыхъ своихъ желаній, отъ того глухо къ воплямъ бѣдности, безжалостно къ страданіямъ несчастливцевъ. Блаженство же обѣщается тѣмъ, которые облегчаютъ тяжелую участь угнетаемыхъ, утѣшаютъ страждущихъ, не проходятъ безъ пособія мимо бѣдныхъ: *блаженни милостивіи: яко тѣи помилованы будутъ* (—7).—Сердце земнаго счастливица, занятое міромъ, не годится для неба, гдѣ Іисусъ Христосъ обѣщаетъ удостоить праведныхъ лицезрѣнія Божія. Для этаго блаженства необходима чистота души, не оскверненной никакимъ земнымъ пристрастіемъ, углубленной лишь въ дѣла божественныя: *блаженни чистіи сердцемъ: яко тѣи Бога узрятъ* (—8). Земнаго счастья по большей части домогаются путями неправды и разными хитростями. Пронырливый искатель счастья для цѣлей своихъ и самъ враждуетъ, и возбуждаетъ вражды: увеселяется раздорами, въ которыхъ находитъ случай и средство возвыситься и обогатить се-

бя. Не для такихъ царство Божіе, царство высочайшаго нравственнаго порядка. Туда войдутъ и получатъ славное названіе сыновъ Божіихъ тѣ, которые прекращаютъ распри между ближними и поселяютъ миръ и любовь: *блаженни миротворцы: яко тии сынове Божии нарекутся* (—9). Счастливыцы земные не любятъ правды; они преслѣдуютъ ея ревнителѣй, и потому отчуждаются отъ царства небеснаго, которое представляется гонимымъ ими: *блаженни изгнани правды ради: яко тѣхъ есть царствіе небесное* (—10). Исусъ Христосъ—Вѣчная Истина, противъ которой враждуетъ міръ. Какъ блаженны тѣ, которые пострадають или потерпятъ за эту Истину! Имъ предназначается великая награда на небесахъ: *блаженни есте, егда поносятъ вамъ, и издедутъ, и рекуть всякъ золъ глаголъ на вы лжущи Мене ради. Радуйтеса и веселитеса, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (—11 и 12).

Такимъ образомъ блаженство, назначаемое христіанствомъ за святую, богоугодную жизнь, есть блаженство истинное, нисколько непохожее на счастье, котораго ищутъ и за которымъ гоняются люди въ мірѣ семъ. Блаженство это въ настоящей жизни состоитъ попреимуществу во вкушеніи сладости, отъ самой же добродѣтели истекающей, въ мірѣ Божіемъ, *превосходящемъ всякъ умъ* (Фил. 4, 7), въ предвкушеніи посредствомъ надежды благъ небесныхъ, въ сладостномъ духовномъ соединеніи со Христомъ, *Богомъ всякія утѣхи* (2 Кор. 1, 3), и *въ радости о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17). А полное блаженство для подвижающихся на пути вѣры и благочестія настанетъ уже въ жизни вѣчной, гдѣ они узрятъ Бога *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12), *просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца ихъ* (Матѣ. 13, 43), навсегда придутъ въ общеніе съ Господомъ (1 Сол. 4, 17), такъ что *будетъ Богъ всяческая во вѣхъ* (1 Кор. 15, 28).

Такимъ образомъ нравственное ученіе истиннохристіанской вѣры содержитъ въ себѣ правила для дѣятельности превосходнѣйшія и спасительныя, побужде-

нія и средства къ исполненію ихъ — самыя вѣрныя и дѣйствительныя, и цѣль, которую оно указываетъ и къ которой ведетъ насъ, — высочайшую, т. е. святость и блаженство. Все это ясно показываетъ, что вѣра сія, преподающая столь совершеннѣйшее ученіе нравственности, не можетъ быть произведеніемъ естественнаго ума человѣческаго, — видно, что Самъ Богъ начерталъ ее и передалъ людямъ.

ВЗГЛЯДЪ НА ВНѢШНЕЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ ВѢРЫ.

Истинно-христіанское богослуженіе въ существенныхъ частяхъ своихъ учреждено Самимъ Спасителемъ, раскрыто апостолами и въ продолженіи времени приведено въ стройный единообразный чинъ, для всеобщаго отправленія его по всѣмъ церквамъ христіанскимъ, пастырями и учителями православными, по внушенію Божію, на основаніи Священнаго Писанія и Священнаго Преданія.

Такимъ образомъ христіанское богослуженіе произошло не по произволу человѣческому и не есть самовольное служеніе Богу; оно поистинѣ учрежденіе богопреданное, и слѣдов. какъ божественное, имѣетъ высокое достоинство и непререкаемо-священную важность: это несомнѣнно открывается также и изъ разсмотрѣнія какъ внутренней, такъ и внѣшней стороны сего богослуженія.

Истинно - христіанское богослуженіе совершается Богу живому и истинному. Все въ немъ непосредственно или посредственно направлено къ славословію и прославленію всесвятѣйшаго имени Божія, и притомъ все оно достойно Существа высочайшаго. Посему общественныя наставленія и поученія, пѣснопѣнія и молитвословія, возносимыя христіанами къ Господу всяческихъ, не могутъ не быть совершеннѣйшими и угожденнѣйшими Ему приношеніями.

Мѣста, гдѣ христіане большею частію совершаютъ служеніе свое Невидимому, — храмы. Это — священные средоточія, въ которыхъ благодать Божія по преимуществу являетъ свои дѣйствія. Если ветхозавѣтная скинія и храмъ іерусалимскій, по свидѣтельству боговидцевъ, могли вмѣщать въ себѣ Невмѣстимаго и исполняли славы Господней (Исх. 40, 34 и 35): то тѣмъ болѣе слава эта, слава Господа Вседержителя, открывается въ храмахъ христіанскихъ: *аще бо престоющее, славою: много насъ пребывающее, въ славу* (2 Кор. 3, 11).

Сколь священны мѣста, гдѣ совершается истинно - христіанское богослуженіе, столько же священны и лица, посредствомъ коихъ оно совершается. Это, по слову Писанія, *ангелы Господа Вседержителя* (Мал. 2, 7), *слуги Христовы и строители тайнъ Божіихъ*. Божественная благодать, врачующая немощи и восполняющая недостатки человѣческіе, облекла ихъ властію высокою и постановила въ церкви Христовой учителями, священниками, пастырями *къ совершенію святыхъ, въ долъ служенія, въ созиданіе тѣла Христова* (Еф. 4, 11). Какъ посредники между Богомъ и людьми, они низводятъ сами на себя пренебесное благословеніе, и чрезъ себя на другихъ.

Духъ есть Богъ: и уже кланяется ему, духомъ и истинною достоинствъ кланяется, такъ училъ Іисусъ Христосъ поклоняться Отцу небесному (Іоан. 4, 24). Таково, дѣйствительно, и есть истинно - христіанское богослуженіе въ существѣ своемъ. Оно не состоитъ изъ какихъ-либо обрядовъ и дѣйствій, не имѣющихъ значенія, и совершающіе его не ограничиваются однимъ внѣшнимъ, холоднымъ, безъ всякаго участія сердца, отправленіемъ онаго. Напротивъ, истинно-христіанское богослуженіе имѣетъ глубокой, таинственный смыслъ; каждая часть его запечатлѣна особенною знаменательностію, — и совершающіе оное служатъ Господу Богу всѣмъ существомъ своимъ, приносятъ въ жертву Ему и умъ свой, и волю свою, и сердце свое.

Цѣль истинно-христіанскаго богослуженія — высокая и спасительная, именно — чтобы жизнь христіанина была подлинно-христіанскою жизнью, а не тѣнью сей жизни. Потому, съ одной стороны, оно представляетъ самое лучшее средство для выраженія внутренняго сердечнаго нашего благоговѣнія къ Богу и чувства нашего ничтожества предъ Нимъ и зависимости отъ Него; а съ другой — способствуетъ намъ расти въ вѣрѣ, согрѣваться въ любви къ Богу и ближнимъ, питаться благою надеждою блаженной жизни съ Богомъ въ вѣчности, — да созидается такимъ образомъ сердце христіанина въ алтарь, въ которомъ бы совершалась непрестанная, мысленная молитва (1 Сол. 5, 18). Сообразно съ такою цѣлію, въ истинно-христіанскомъ богослуженіи все направлено къ назиданію, къ возбужденію и утвержденію истинно-христіанскаго благочестія. Здѣсь — въ высокихъ и многозначительныхъ символахъ и обрядахъ раскрываются предъ нами великія тайны и вѣчныя истины, раскрывается ясно и вразумительно весь дивный порядокъ божественнаго домостроительства нашего спасенія и особенно исторія земной жизни Искупителя — и воплощеніе, и служеніе, и крестъ, и погребеніе, и воскресеніе, и вознесеніе, и вся слава Его. А это не можетъ не возвышать душу вѣрующаго къ самымъ высокимъ помышленіямъ, къ самымъ святымъ чувствованіямъ, къ самымъ благимъ желаніямъ. Въ частности, главнѣйшія изъ священнодѣйствій въ православномъ богослуженіи — таинства, указывая на безконечныя заслуги Спасителя и Его безконечную благодать къ роду человѣческому, въ высшей степени возбуждаютъ въ насъ глубочайшую благодарность къ Нему и непостыдное упованіе на Его ходатайство и помощь. Равно и въ другихъ священныхъ дѣйствіяхъ истинно-христіанскаго богослуженія легко усматриваютъ поученіе и назиданіе тѣ, которые водятся не одною буквою, но проникаютъ въ самый духъ богослуженія. Такъ, взираютъ ли они на освѣщеніе храма отъ возженія свѣ-

тильниковъ, — тотчасъ переносятся къ Тому Свѣту истинному, Который просвѣщаетъ всякаго чековѣка, и сами горятъ желаніемъ болѣе и болѣе просвѣщаться симъ божественнымъ Свѣтомъ; смотрятъ ли на куреніе оиміама, на дымъ кадильный, который предносится въ храмъ Божіемъ, — они представляютъ себѣ или ту божественную любовь, которая простирается ко всѣмъ, и всѣмъ даетъ себя обонять, или ту божественную волю Духа Святаго, которою исполняются и благоухаютъ вѣрующіе; оглашаются ли Словомъ Божіимъ, оглашаются ли пѣснопѣніями и славословіями, внимаютъ ли молитвамъ и благодареніямъ, возсылаемымъ священнодѣйствующими къ Отцу Небесному, — изъ всего этаго они извлекаютъ для себя живые уроки нравственности...

Чтожъ касается внѣшности истинно-христіанскаго богослуженія, то она вполне сообразна съ совершенствомъ внутренняго содержанія вѣры чистой и святой ⁽¹⁾. Учредители священныхъ обрядовъ и дѣйствій истинно-христіанскаго богослуженія, съ одной стороны глубоко постигая связь духовнаго съ вещественнымъ и вещественнаго съ духовнымъ, а съ другой — обладая высокимъ священнымъ вкусомъ, всему здѣсь умѣли дать приличнѣйшій, самый выразительный и вмѣстѣ съ тѣмъ благолѣпный видъ. Здѣсь величественность соединяется съ простотою, красота съ естественностію. А посему нигдѣ нельзя найти и лучшаго училища для образованія и раскрытія благо-

(1) Припомнимъ здѣсь отзывъ нашихъ пословъ, посланныхъ св. равноапост. кн. Владиміромъ — испытать слухомъ и видѣніемъ каждую вѣру и ея богослуженіе на самомъ мѣстѣ. По совершеніи своего порученія, послы, не нашедши нигдѣ достойнаго богослуженія, не могли по достоинству восхвалить богослуженія, совершаемаго въ церкви греческой: «греки, говорили они, ввели насъ туда, гдѣ служатъ Богу своему, и мы не знаемъ, на землѣ или на небѣ мы были: ибо на землѣ нѣтъ такой красоты и вида, и не можемъ объяснить, только знаемъ, что Богъ съ нами тамъ пребываетъ». Лѣтопись Нестора.

честиваго, религіознаго вкуса къ предметамъ божественнымъ, какъ въ богослуженіи православно-христіанской вѣры.

Итакъ, вообще, истинно-христіанское богослуженіе и по своему духу, и по цѣли, и даже по внѣшности совершенно достойно Существа Высочайшаго и носить въ себѣ ясные признаки не человѣческаго происхожденія. Святая вѣра Христова и въ семъ отношеніи возвышается надъ всѣмъ высокимъ въ мірѣ. Это, если можно такъ выразиться, градъ Бога живаго,—не та жизнь, не тѣ обряды, не тѣ дѣйствія, какія мы видимъ въ прочихъ областяхъ земнаго бытія. *Приступите, говоритъ св. апостоль Павель, къ Сионстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмамъ ангеловъ, торжеству, и церкви первородныхъ на небесяхъ написанныхъ и судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведныхъ совершенныхъ* (Евр. 12, 22 и 23),— слова эти, сказанныя, конечно, въ иномъ смыслѣ, безъ всякой погрѣшности можно примѣнить къ нашей православної церкви въ богослужебномъ ея отношеніи.

Мы изложили, сколько и какъ требовалось для нашей цѣли, внутреннее содержаніе православно-христіанской вѣры: разсмотрѣли ученіе ея догматическое, раскрыли нравственное, сдѣлали краткій взглядъ и на самое внѣшнее ея богослуженіе. Теперь изъ всего нами сказаннаго о существѣ православно-христіанской вѣры выведемъ слѣдствія, именно покажемъ, что она дѣйствительно имѣетъ всѣ внутренніе существенные признаки истинно-божественной вѣры.

Православно-христіанская вѣра вполне достойна Бога—истиннаго своего источника. Ученіе ея во всѣхъ отношеніяхъ сообразно съ безконечными совершенствами Божіими, съ Его величіемъ и премудростію. Все въ ней чисто, истинно и свято, однимъ словомъ въ высшей степени совершенно. Догматическія ея истины отличаются особенною глубиною, истины нравственно-

сти особенною животворностію и спасительностію, истинны надежды—особенною чистотою и духовностію.

Истинно-христіанская вѣра имѣетъ полное и всецѣлое приспособленіе къ человѣку. Она разсматриваетъ его главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ—въ состояніи паденія и въ состояніи возстановленія; она слѣдитъ за нимъ по всѣмъ степенямъ нравственнаго его бытія, внемлетъ всѣмъ его нуждамъ и не оставляетъ безъ удовлетворенія ни одной высшей, чисто разумной его потребности. Вообще, истинно-христіанская вѣра, какъ нельзя болѣе, сообразна съ природою человѣка, или лучше—она есть именно вѣра духа человѣческаго. И дѣйствительно, христіанство не составляетъ что либо внѣшнее, извнѣ привходящее въ насъ, что можно навязать всякому. Нѣтъ, оно есть духъ и жизнь, въ высшей степени сродная съ существомъ нашимъ. Поэтому-то въ человѣкѣ есть сильная, неистребимая потребность христіанства, или по прекрасному выраженію Тертуліана: „душа по природѣ христіанка“⁽¹⁾.

Что касается предмета истинно-христіанской вѣры, она и въ этомъ отношеніи имѣетъ все право на названіе божественной вѣры.—Вѣра христіанская сообщаетъ самое вѣрное и удовлетворительное познаніе о Богѣ, какъ творцѣ, промыслителѣ, искупителѣ, освятителѣ и совершителѣ всякаго блага. Она представляетъ намъ и все то, что нужно знать о самихъ себѣ; раскрываетъ отношеніе наше—естественное и благодатное—къ Богу; объемлетъ судьбу человѣка—настоящую, прошедшую и будущую. Наконецъ, ученіе христіанства о мірѣ—самое возвышенное, свѣтлое и отрадное. Одно только христіанское ученіе представляетъ намъ во всемъ свѣтѣ славу божественнаго міроуправленія и вполнѣ оправдываетъ пути Промысла. Только оно несомнѣнно вѣрно и совершенно удовлетвори-

⁽¹⁾ Naturaliter Christiana.—См. Apolog. с. 17; idem de testimonio animae с. II et VI; въ русск. переводѣ Карнеева—стр. 42, 194—197 203.

тельно объясняетъ тайну происхожденія нравственнаго зла, примиряетъ всѣ видимыя противорѣчія, встрѣчающіяся въ мірѣ,—добро и зло, жизнь и смерть. Оно говоритъ намъ: *сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27), и еще: *Богъ смерти не сотвори* (Пр. 1, 3); *но единъмъ человекомъ грѣхъ въ мірѣ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, въ немже вси согрѣшиша* (Рим. 5, 12). Кратко: истинно-христіанская вѣра содержитъ въ себѣ все, что нужно и полезно ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ: *да совершенъ будетъ Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 16 и 17).

Цѣль, которую предполагаетъ собою истинно-христіанская вѣра, есть цѣль истинно-божественной вѣры,—такая, какой никто не можетъ предложить, кромѣ Самаго Бога: это—очищеніе, освященіе и духовное блаженство человека. Ученіе истинной вѣры Христовой, какъ происходящее отъ Всесвятаго, всецѣлымъ содержаніемъ своимъ и внутреннимъ направленіемъ, образомъ воззрѣнія на предметы и самымъ тономъ отрѣшено отъ всего земнаго—чувственнаго и устремлено къ небесному, божественному. Все оно также и въ цѣломъ и въ частяхъ своихъ проникнуто единымъ духомъ спасенія. *Святѣ будете, якоже Азъ святъ есмь* (Лев. 11, 44; св. 1 Петр. 1, 15 и 16), и въ другомъ мѣстѣ: *будите совершенѣ, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мат. 5, 48), — вотъ начало и коренная истина, которую долженъ выразить человекъ своею дѣятельностію и во всей жизни. Ее возвѣщалъ Іисусъ Христосъ, ее же раскрывали и апостолы въ своемъ ученіи. Истиною этою они освящали всѣ важнѣйшія обязанности человека въ отношеніи къ Богу, ближнему и самому себѣ; на ней основали планъ и порядокъ цѣлой жизни человека. Наконецъ, истинно-божественная вѣра, и только она одна, приводитъ человека къ истинному и вѣчному блаженству: безъ нея, безъ вѣры во Іисуса Христа, совершенно не возможно спасеніе,

а слѣдов. не возможно и блаженство—никому, нигдѣ и никогда. *Нѣсть бо иного имени подъ небесемъ, даннаго въ человѣчѣхъ, кромѣ благословеннаго имени Господа нашего Иисуса Христа, о немъ же подобаетъ счислится намъ* (Дѣян. 4, 11 и 12).

Между признаками истинно-божественной вѣры постановлено нами ея всеобщность и непреложность, неизмѣнность: истинно-христіанской вѣрѣ вполнѣ и всецѣло приличествуютъ и эти признаки.

Истинно-христіанская вѣра дана для всѣхъ народовъ, безъ исключенія. Иисусъ Христосъ, божественный основатель ея, есть *свѣтъ во откровеніе языковъ* (Лук. 2, 32), свѣтъ всему міру: *Азъ свѣтъ въ міръ придохъ, да всякъ вѣрующій во Мя, во тмѣ не пребудетъ* (Іоан. 12, 46); равно и учениковъ своихъ называлъ Онъ *солію земли* (Мат. 5, 13). А по воскресеніи своемъ сказавъ: *дадеса Ми всяки власть на небеси и на земли*, послать апостоловъ проповѣдать *всѣмъ народамъ: шедше убо, научите вся языки* (Мат. 28, 18 и 19).

И точно, истинно-христіанская вѣра по самому содержанію своему и духу есть вѣра всемірная, вѣра всего рода человѣческаго. Она приспособлена къ существеннѣйшимъ, вѣчнымъ потребностямъ человѣка; будучи свободна отъ всѣхъ частныхъ, преподаетъ уроки всеобщіе, которые имѣютъ непререкаемую силу и значеніе безъ изъятія для всѣхъ, гдѣ бы и когда кто ни жилъ. И изъ самаго взгляда христіанства на человѣчество можно видѣть также его всемірность. Человѣчество, по его ученію, есть великое семейство Единого Отца Небеснаго (1 Іоан. 4, 11. Дѣян. 17, 26),—тѣло, оживляемое однимъ духомъ и управляемое одною главою; ближній нашъ, по его ученію,—безъ различія рода и племени каждый человѣкъ. Греки и Римляне оказывали величайшее презрѣніе ко всѣмъ прочимъ народамъ, называя ихъ унижительнымъ именемъ варваровъ; у этихъ просвѣщенныхъ народовъ древности многочисленному классу рабовъ отказано было даже въ общихъ пра-

вахъ челоуѣчества. Напротивъ, по взгляду христіанскому, *нѣтъ* *Иудей*, ни *Еллинъ*, *нѣтъ* *рабъ*, ни *свободъ*, *нѣтъ* *мужескій полъ*, ни *женскій*: *вси бо едино о Христѣ Исусѣ* (Гал. 3, 28).

Истинно-христіанская вѣра непреложна и неизмѣнна, какъ непреложень и неизмѣненъ виновникъ ея—Самъ Богъ. Скорѣе небо и земля прейдуть, нежели іота едина, или едина черта преидеть отъ нея (Мат. 5, 18), ибо глаголь Господень пребываетъ во вѣки (1 Петр. 1, 25). Но не противорѣчитъ ли сему вѣра ветхозавѣтная, которая хотя также происхожденія божественнаго, но съ теченіемъ времени какъ-будто усовершалась, восполнялась и наконецъ замѣнена была новою, христіанскою?

Дѣйствительно, ветхозавѣтная вѣра представляетъ собою какое-то *усовершенствованіе*, которое состояло въ отмѣненіи одного и учрежденіи другаго, и также въ прибавленіи. Сперва законъ Божій начертанъ былъ только на сердцахъ людей и частію сохранялся чрезъ преданіе, переходя изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ; потомъ данъ былъ Богомъ законъ письменный. Слѣдов. первый престалъ и на его мѣсто поступилъ другой. Въ составѣ ветхозавѣтной вѣры мы находимъ также различные священные обряды, которые устанавливаемы были постепенно въ разныя времена, напр. обрѣзаніе, агнецъ пасхальный... Все это показываетъ, что ветхозавѣтная вѣра не оставалась въ одномъ и томъ же видѣ, но распространялась, расширялась въ своемъ объемѣ, а слѣдов. измѣнялась. Но точно ли это видимое, внѣшнее измѣненіе ветхозавѣтной вѣры было на самомъ дѣлѣ ея восполненіемъ, усовершенствованіемъ въ сущности? Нѣтъ. Законъ естественный и законъ письменный — тождественны, оба равно отъ Бога; и послѣдній не уничтожилъ первый, а напротивъ возстановилъ его. Равно какъ и священные обряды, устанавливаемые въ то или другое время, отнюдь не усовершали ветхозавѣтную вѣру. Съ установленіемъ ихъ не были возвѣщаемы новыя истины, прежде не-

извѣстныя; всѣ они раскрывали и изъясняли одно и то же, именно—благодатную вѣсть объ обѣтованномъ Изкупителѣ и грядущихъ благахъ, что зналъ и Адамъ. Не вдругъ, а въ различныя времена обряды эти учреждаемы были въ народѣ избранномъ потому, чтобы не ослабѣвала вѣра его въ будущее, но дабы поддерживалась и оживлялась ими. Итакъ ветхозавѣтная вѣра, во все ея продолженіе, въ сущности оставалась одна и та же, ни мало не измѣняясь, не совершенствуясь.—Чтожь касается того, что законъ ветхозавѣтный имѣлъ конецъ, замѣненъ былъ завѣтомъ новымъ, совершеннѣйшимъ, — это потому, что во времена Моисея, когда родъ человѣческій находился на низшей степени духовнаго развитія (Дѣян. 17, 30. см. Иоан. 3, 3—12), по жестокости людей (Исх. 33, 3), нельзя еще было дать непреложнаго для всѣхъ временъ закона. Тогда многое нужно было скрывать подъ покровомъ. Притомъ, отмѣнена собственно только внѣшняя, обрядовая сторона ветхозавѣтной вѣры, что было неизбежно: ибо на что сѣнь, когда явился самый образъ вещей? Внутреннее же, что составляло существо ея,—чистѣйшія истины вѣры и нравственности,—какъ тождественное съ закономъ Христовымъ, осталось неизмѣннымъ. И такое отмѣненіе ветхаго завѣта было предсказано пророками: *се днѣе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщано дому Израилеву, и дому Іудину завѣтъ новъ, не по завѣту, сегоже завѣщавъ отцемъ ихъ, въ день, въ онъже емшу ми за руку ихъ, извести я отъ земли Египетскія* (¹)... *Яко сей завѣтъ, егоже завѣщано дому Израилеву, по днѣхъ отъхъ, глаголетъ Господь: дая законы Моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ*

(¹) Т. е. не по завѣту Синайскому, ветхозавѣтному. Что здѣсь идетъ рѣчь о новомъ законѣ, данномъ Богомъ чрезъ Іисуса Христа, свидѣтельствуется св. ап. Павломъ (Евр. 8, 6—13) и согласно утверждали отцы церкви (Ambros. Epist. XLIV ad Horentian. n. 15; Chrysostom. de poenit. homil. VI n. 4 et caet.

ихъ напишу я, и буду имъ въ Бога, и тѣмъ будутъ Мнѣ въ люди (Іер. 31, 31—34).

Этотъ новый завѣтъ, законъ Христовъ, назначенъ для всѣхъ временъ и пребудетъ неизмѣннымъ до конца міра, когда вѣра преидетъ и замѣнится видѣніемъ Бога *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12), Иисусъ Христосъ посылая учениковъ своихъ научить всѣ языки, присовокупилъ: *и се Азъ есмь съ вами во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. 28, 20), и слѣдов. имѣлъ въ виду не современные Ему только языки, но и всѣ будущія поколенія людей на землѣ. Давая тѣмъ же ученикамъ своимъ обѣтованіе о св. Духѣ, Онъ сказалъ: *и Азъ умолю Отца; и много утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами во вѣкъ* (Іоан. 14, 16). Въ числѣ признаковъ, какія послѣдуютъ предъ кончиною міра, Спаситель поставляетъ, что проповѣстся тогда *Евангеліе царствія по всей вселенной во свидѣтельство всѣмъ языкомъ* (Мат. 24, 14); и также окончаніе Своего домостроительства и сѣянія добраго сѣмени на землѣ Онъ соединяетъ съ самою кончиною міра, когда явится судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ (Матѣ. 13, 24). Равнымъ образомъ и святые апостолы проповѣдывали, что *Христосъ вчера и днесь, тойже во вѣки* (Евр. 13, 8), что завѣтъ Его—*завѣтъ вѣчный* (—20), и что Ему *подобаетъ царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своими* (1 Кор. 15, 25).

Отсюда несомнѣнно открывается, что вѣра Христова назначена быть единою, неизмѣнною, непреложною вѣрою до конца міра. Она такова, дѣйствительно, и есть по своему содержанію и внутреннимъ свойствамъ. Ученіе святой вѣры христіанской, какъ полная, всецѣлая и совершенная истина, не требуетъ ни малѣйшаго исправленія, дополненія, или вообще какого-либо усовершенствованія. Оно всегда будетъ достаточнымъ на все время существованія рода человѣческаго на землѣ, на все продолженіе царства благодати до явленія блаженнаго царства славы. Богъ явитъ въ ново-

завѣтномъ откровеніи столько премудрости, могущества и совершенства, сколько родъ человѣческій, при всемъ своемъ развитіи, и умственномъ и нравственномъ, никогда имѣть не можетъ, по неизбѣжнымъ причинамъ своей ограниченности и нравственнымъ несовершенствамъ. Здѣсь Слово Божіе изглаголаано уже съ такою вседостаточною полнотою, въ такомъ неистощимомъ обилии свѣта и познанія, что другихъ догматовъ вѣры и другихъ правилъ нравственности не возможно изобрѣсть, не должно ожидать, нигдѣ не обѣщано и никогда не будетъ дано...

Изъ предложеннаго здѣсь очерка внутреннихъ признаковъ вѣры христіанской - православной открывается, что это—именно признаки вѣры истинно-божественной, во всей ихъ полнотѣ и цѣлости.

Б.

ВНѢШНИЕ ПРИЗНАКИ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

Православно-христіанская вѣра и по внѣшнимъ своимъ признакамъ есть истинно-божественная вѣра. Чтобы видѣть это, рассмотримъ сіи признаки, сколько и какъ нужно для нашей цѣли.

Внѣшнихъ признаковъ или доказательствъ истинности и божественности вѣры православно-христіанской необычайное множество: ими исполнена 1) исторія жизни Іисуса Христа и 2) исторія святой церкви Его.— Предложимъ здѣсь важнѣйшіе изъ этихъ признаковъ.

1.

Признаки изъ исторіи жизни Іисуса Христа.

Исторія земной жизни Іисуса Христа извѣстна. Извѣстно, гдѣ Онъ родился, гдѣ жилъ до тридцати лѣтъ, какъ проходилъ свое служеніе и претерпѣлъ страданія... Мы не станемъ раскрывать эту сторону Его

жизни, но обратимъ особенное вниманіе на Его духовныя совершенства и на тѣ дѣла, въ которыхъ Онъ по преимуществу являлъ Себя, какъ чрезвычайный посланникъ Божій, совершенно замѣнявшій Собою лицо, отъ котораго былъ посланъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30); *иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя* (Мат. 10, 40).

Духовныя совершенства Іисуса Христа такъ возвышенны и превосходны, что исторія не знаетъ подобныхъ имъ. Эти совершенства—истинно-божественныя, посмотримъ ли на цѣль, какую имѣлъ Іисусъ Христосъ, или на умственные и нравственные Его качества.

Цѣль, какую имѣлъ Іисусъ Христосъ постоянно, въ продолженіи всей своей жизни, и которую называлъ Своимъ дѣломъ (Іоан. 17, 4), была высочайшая и единственная, дотогѣ неслыханная. Цѣль эта состояла въ томъ, чтобы основать царство Божіе на землѣ, царство истины, добродѣтели и святости, которое бы обнимало весь родъ человѣческій всѣхъ временъ и всѣхъ мѣстъ. — Предпріятіе необъятное! Одна мысль о немъ заставляетъ предполагать необыкновенное величіе въ духѣ питающаго оное. Еще бы не такъ было удивительно, если бы мысль о такомъ предназначеніи возникла въ головѣ великаго и мудраго государя, который съ высоты престола взоромъ своимъ можетъ обнимать цѣлыя царства и многіе народы, или философа, который живетъ въ области своихъ идей и привыкъ обнимать ими все человѣчество; но она родилась въ душѣ мнимата сына древодѣля! Средства, какія Іисусъ Христосъ избралъ для достиженія своей цѣли, также не менѣе чудныя, необыкновенныя. Не смотря на то, что Ему надлежало идти противъ народа іудейскаго, противъ всѣхъ прочихъ народовъ, ихъ боговъ, ихъ жрецовъ, словомъ—противъ всего міра, Онъ положилъ совершить великое преобразование человѣчества не чрезъ открытую силу, не чрезъ скрытныя дѣйствія какого-либо тайнаго общества, но посредствомъ Своего ученія, объемяющаго весь міръ и всѣ времена...

Чтобы предначертать такую величайшую цѣль и избрать такія удивительныя средства для осуществленія ея, потребны—чрезвычайная, всеобъемлющая мудрость, безпримѣрная сила души, совершенная преданность волѣ Божіей, высочайшая любовь къ человѣчеству и полное самоотверженіе. Иисусъ Христосъ обладалъ въ высшей степени всѣми этими качествами.

Мудрость Его была чрезвычайная, мудрость *не вѣка сего, не князей вѣка сего престающихъ* (1 Кор. 11, 6);—чрезвычайная въ томъ отношеніи, что Иисусъ Христосъ для пріобрѣтенія ея не употреблялъ никакихъ обыкновенныхъ человѣческихъ средствъ: *откуда сему премудрость сія* (Мат. 13, 54), въ недоумѣніи спрашивали о Немъ знавшіе и Его родъ, и Его воспитаніе,—*како сей книги вѣсть не учився* (Іоан. 1, 15); чрезвычайная въ томъ отношеніи, что она предупреждала Его возрастъ (Лук. 2, 52): будучи еще двѣнадцати лѣтъ, Онъ своими отвѣтами и разумомъ привелъ однажды въ храмъ въ смущеніе и ужасъ ученѣйшихъ людей того времени (Лук. 2, 46 и 47); чрезвычайная и потому, что возвышалась надъ познаніемъ всѣхъ людей. Мудрость Иисуса Христа была всеобъемлющая и простиралась даже до сердецвѣдѣнія. Иисусъ Христосъ читалъ самыя тайныя мысли человѣческія и видѣлъ самомагнѣйшія движенія чувствъ: *Самъ бо вѣдѣше, что бы во человекѣхъ*, свидѣтельствуется евангелистъ святой Іоаннъ (—2, 25). А это черта вѣдѣнія такая, которая можетъ принадлежать Единому Богу (Іер. 17, 10).

Сколько необычайны умственные качества Иисуса Христа, столько же необычайны и нравственные. Онъ представляетъ высочайшій образецъ всѣхъ добродѣтелей, какія только можно вообразить. Въ отношеніи къ Богу Иисусъ Христосъ всегда являлъ самую преданную любовь. Всѣ дѣйствія Его свидѣлствуютъ о совершеннѣйшей Его покорности и преданности волѣ и заповѣдямъ Божіимъ. *Мое брашно есть, говорилъ Онъ, да сотворю волю пославаго Мя, и совершу дѣло Его* (Іоан. 4, 34): *да разумѣетъ міръ, яко люблю Отца, и якоже*

заповѣда *Мнѣ Отецъ, тако творю* (—14, 31); и апостоль засвидѣтельствовадь о Немъ, что *послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 8). Въ отношеніи къ людямъ Іисусъ Христосъ всегда показывалъ Себя не на словахъ, но на самомъ дѣлѣ, самымъ лучшимъ другомъ. Всѣ Его мысли, чувствованія посвящены были спасенію ближнихъ. Онъ ходилъ, разливая вокругъ Себя всякаго рода благодѣянія, всюду являлъ Себя безвозмезднымъ врачомъ неисцѣльныхъ болѣзней человѣческихъ: дарилъ тѣлу здоровье, душѣ отпущеніе грѣховъ, совѣсти миръ. Въ отношеніи, наконецъ, къ Себѣ Іисусъ Христосъ показывалъ полное самоотверженіе и презрѣніе благъ внѣшнихъ: *лиси язвины имуть, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать идѣ главы подклонити* (Мат. 8, 20). Въ бесѣдахъ, которыя предлагалъ народу, не было ни одного знака, чтобы Онъ хотѣлъ господствовать и повѣлѣвать, не исходило ни одного слова, которое бы обнаруживало, что Онъ ищетъ Своей славы. Его смиреніе—самое глубокое, Его кротость, незлобіе и благодушіе—изумительныя. Будучи злословимъ, Онъ взаимно не злословилъ, страдая отъ другихъ, не угрожалъ. И въ довершеніе всего, умирая мучительнѣйшею и позорнѣйшею смертію, на самомъ крестѣ, среди жесточайшихъ страданій, Онъ молился о безчеловѣчныхъ убійцахъ Своихъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдютъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34).—Все это показываетъ, что жизнь Іисуса Христа была безстрастная, въ полномъ смыслѣ святая, Она представляетъ собою отсутствіе всякаго несовершенства и совокупность всѣхъ чистѣйшихъ добродѣтелей. Это—вѣчная, неизмѣнная бѣлизна, не запятнанная ни пылинкою; это—свѣтъ, всегда сіяющій во всей своей силѣ. Но быть человекомъ и вмѣстѣ не быть подверженнымъ никакимъ слабостямъ и недостаткамъ—выше природы человѣческой! *Седмерицею въ день падаютъ и самыя праведники* (Притч. 24, 16). *Кто бо чистъ отъ скверны, говоритъ праведный Іовъ, никтоже, ище и единъ день житіе его на земли* (Іов. 14, 5 и 6). Іисусъ

же Христосъ грѣха не сотвори, ниже обрѣтесе лествъ во устѣхъ Его (1 Петр. 2, 22). Первосвященники, старѣйшины и весь сѣнедріонъ искажу лжесвидѣтельства на Іисуса, яко да убіютъ Его, и не обрѣтаху (Мат. 26, 59 и 60); Іуда предалъ Его и раскаялся, что предалъ кровь неповинную (Мат. 27, 4); судія— Пилать нашель Его невиннымъ: *никоя же обрѣтаю вины въ чловѣцѣ семъ* (Лук. 23, 4), *неповиненъ есть отъ крове праведнаго сего: вы узрите* (Мат. 27, 24); и разбойникъ, распятый съ Нимъ на крестѣ, сказалъ о Немъ: *сей же ни единого зла сотвори* (Лук. 23, 41); самые нечистые духи исповѣдывали Его— *Святѣмъ Божиимъ* (Мар. 1, 24). И поистинѣ, Онъ Святый Божій!

Такая высочайшая цѣль, такія превосходнѣйшія умственные и нравственные качества ясно указываютъ въ Іисусѣ Христѣ не только посланника Божія, но и выше, нежели просто посланника, подобнаго бывшимъ (посланникамъ) прежде Его, каковы были ветхозавѣтные пророки, ибо между ними никто не былъ подобенъ Ему, — указываютъ въ Немъ дѣйствительно воплотившагося Сына Божія. Онъ и Самъ неоднократно объявлялъ о божественности Своего Лица и Своего ученія: *Мое ученіе нѣсть Мое, но посланнаго Мя* (Іоан. 7, 16). И при этомъ не требовалъ, чтобы слышавшіе Его вѣрили Ему, если можно такъ выразиться, на-слово, безъ всякихъ доказательствъ; напротивъ, въ подтвержденіе истины Своихъ словъ о Себѣ и Своемъ ученіи Онъ ссылался на все священное писаніе, говоря іудеямъ: *испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный: и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. 5, 39); свидѣтельствовался также и своими дѣлами: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте* (Іоан. 10, 37 и 38).

Такимъ образомъ, слѣдуя указанію Самаго Спасителя, рассмотримъ прежде ветхозавѣтныя пророчества,

въ которыхъ говорится о Немъ, какъ о Мессіи, а потомъ—собственныя Его чудеса и пророчества.

Говоря о пророчествахъ ветхаго завѣта въ подтвержденіе божественности лица Іисуса Христа и Его ученія,—чтобы это доказательство имѣло всю силу убѣдительности,—мы рассмотримъ: дѣйствительно ли между ними—ветхозавѣтными пророчествами—есть пророчества о Мессіи и точно ли послѣднія относятся именно къ Іисусу Христу, а не къ другому кому-либо (¹)?

Есть ли между пророчествами ветхаго завѣта пророчества о Мессіи? Отвѣтъ на это положительно прямой. Въ истинѣ сего прежде всего удостовѣряютъ насъ многія и весьма ясныя мѣста самойже библии. Ничто такъ часто не повторяется въ книгахъ священнаго писанія ветхаго завѣта, какъ обѣтованіе о Мессіи подъ общимъ понятіемъ Великаго Избавителя, Которому предназначено основать новый завѣтъ, новое благодатное царство на землѣ. По сознанію самыхъ іудеевъ, все, о чемъ только упоминается въ законѣ, пророкахъ и писаніяхъ (агіографахъ) указываетъ на Премудрость, т. е. Христа (²). И дѣйствительно пророческія предсказанія о Немъ составляютъ главное содержаніе всего ветхозавѣтнаго ученія, сущность всего домостроительства ветхаго завѣта и какъ бы златую цѣпь, соединяющую всѣхъ избранныхъ Божіихъ отъ начала міра и до пришествія на землю обѣтованнаго Спасителя. Въ этой же истинѣ удостовѣряетъ насъ общее вѣрованіе всего народа еврейскаго. Всѣ лучшія надежды патриар-

(¹) Историческая достовѣрность ветхозавѣтныхъ пророчествъ, равно какъ и ихъ богодухновенность столько же несомнѣнны, сколько несомнѣнны подлинность, неповрежденность и божественное происхожденіе всего ветхаго завѣта. — и изслѣдованіе о первомъ тѣсно соединяется съ изслѣдованіемъ о послѣднемъ. Поэтому мы и не предлагаемъ здѣсь особаго изслѣдованія объ этомъ предметѣ.

(²) *Omnia, quaecunque memorantur in lege, Prophetis et hagiographis, indicant Sapientiam, hoc est Christum. Vid. apud Huetium Demonstr. Evangel. propos. VII, pag. 557.*

ховъ, пророковъ и вообще вѣрныхъ чадъ обѣтованія сосредоточивались въ вѣрѣ въ грядущаго Избавителя и чаяніи благъ благодатнаго царства. Въ каждомъ вѣкѣ можно находить слѣды ожиданія іудеями Мессіи, и безъ сомнѣнія на основаніи пророчествъ о Немъ. Особенно ожиданіе это сдѣлалось повсемѣстнымъ, сильнымъ и пламеннымъ во времена Іисуса Христа, что подтверждается многочисленными мѣстами священнаго писанія (Іоан. 1, 19 и 20; 4, 25; 10, 24. Мат. 16, 14; 21, 9. Лук. 2, 26 и 38; 3, 15. Мар. 9, 11—13), также свидѣтельствами Іосифа Флавія ⁽¹⁾, Светонія ⁽²⁾ и Тацита ⁽³⁾.

Что же касается того, что ветхозавѣтныя пророчества о Мессіи относятся именно къ Іисусу Христу, а не къ другому какому-либо лицу, для несомнѣннаго удостовѣренія въ сей истинѣ слѣдуетъ только сличить предсказанія съ ихъ исполненіемъ.

Предсказанія:

Мессія, по сказанію пророковъ, долженъ быть потомокъ Авраама (Быт. 22, 16—18), отъ колѣна Іудова (Быт. 49, 10), изъ рода Давидова (2 Цар. 7, 16—19); долженъ придти до разрушенія втораго храма іерусалимскаго (Мал. 3, 1), по истеченіи седми-

Исполненіе:

Іисусъ Христосъ произошелъ изъ потомства Авраамова, отъ колѣна Іудова, изъ роду Давидова, какъ это показываютъ родословія Его въ Евангеліяхъ Маттея (гл. 1) и Луки (гл. 3), на что, безъ сомнѣнія, указываютъ и слова Архангела (Лук. 1,

(1) Въ книгѣ о войнѣ іудейской (lib. III, c. 8 et lib. IV, c. 10) онъ говоритъ, что въ его время многіе выдавали себя за Мессію, что, очевидно, могло быть только при всеобщемъ расположеніи умовъ къ принятію Его.

(2) *Percrebuerat, piusque eius, oriente toto vetus et constans opinio, esse in fatis, ut eo tempore Iudaea profecti rerum potirentur. In vit. Vesp. c. XXI.*

(3) Вотъ его слова: *pluribus persuasio inerat antiquis sacerdotum libris contineri, eo ipso tempore fore, ut valesceret oriens, profectique Iudaea potirentur. Hist. V. c. XII.1.*

десяти седмиць Даниіловыхъ (Дан. 9, 24—27); родиться въ Виѳлеемѣ (Мих. 5, 2), отъ Дѣвы (Иса. 7, 14); проповѣдывать Евангеліе (Иса. 2, 3), творить чудеса (Иса. 35, 5), претерпѣть страданія и смерть за грѣхи человѣческіе (Иса. 53, 5—10), сойти въ адъ и воскреснуть (Псал. 15, 10), послать учениковъ Своихъ на проповѣдь въ міръ (Иса. 66, 19), вознестись на небо и сѣсть одесную Бога (Псал. 109, 1, 67, 19) и наконецъ послать Святаго Духа (Іоан. 2, 28).

32 и 35), произнесенныя при благовѣстіи Дѣвы Маріи. Онъ дѣйствительно явился, когда еще существовалъ второй іерусалимскій храмъ, о чемъ свидѣтельствуется какъ церковная, такъ и гражданская исторія, по истеченіи седмицати седмиць Даниіловыхъ (Мат. 24, 15), родился въ Виѳлеемѣ (Мат. 3, 1, 5 и 6), отъ Дѣвы (Мат. 1, 22 и 23), проповѣдывалъ евангеліе и творилъ чудеса, претерпѣлъ страданія и смерть за грѣхи человѣческіе (Мат. 26 и 27. Лук. 22, 23), сошелъ въ адъ и воскресъ (1 Петр. 3, 18 и 19. Мат. 28, 6 и 7), послалъ учениковъ Своихъ на проповѣдь въ міръ (Мат. 28, 19 и 20), вознесся на небо и сѣде одесную Бога (Дѣян. 1, 9. Лук. 24, 51. Мар. 16, 19), и наконецъ послалъ Святаго Духа (Іоан. 14, 16 и 17. сн. Дѣян. 1—5).

И притомъ Мессія, по сказанію тѣхъ же пророковъ, долженъ быть Богъ, ибо Ему приписываются такія свойства и дѣйствія, которыя никому кромѣ Бога не могутъ принадлежать (напр. Иса. 9, 6—8). То же самое рѣшительно подтверждаютъ о Іисусѣ Христѣ многія и весьма ясныя мѣста священнаго писанія новаго завѣта. Именно, здѣсь говорится о Немъ, что по божеству Онъ—Сынъ Божій, рожденный прежде

вѣковъ, *Сынъ въ лонѣ Отчезъ, Слово Божіе, мудрость Божія и сила, образъ Бога невидимаго и сіяніе славы Отчія* (Кол. 1, 15; Евр. 1, 3); и еще рѣшительнѣе— что Онъ есть Самъ Истинный Богъ (1 Іоан. 5, 20) ⁽¹⁾.

Такъ, пророчества ветхаго завѣта, касающіяся лица Мессіи, всѣ со всею точностію и во всей полнотѣ исполнились на Іисусѣ Христѣ, какъ истинномъ Мессіи. Правда, не всѣ пророки благовѣстствовали съ одинаковою ясностію, но за то нѣкоторые поразительно вѣрно предъизобразили духъ, дѣла и всю жизнь Іисуса Христа. Съ какою, на примѣръ, очевидностію Давидъ представляетъ уничиженное и славное Его состояніе въ псалмѣ 21-мъ?... Здѣсь пророкъ слишкомъ за тысячу лѣтъ предузналъ и пересказалъ предсмертныя слова Богочеловѣка; крестъ здѣсь является ему

(1) Посему невѣріе іудеевъ въ Іисуса Христа, какъ въ обѣтованнаго Мессію, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія и показываетъ съ ихъ стороны злонамѣренное и богопротивное упорство.—Мессія, по понятію іудеевъ, имѣетъ придти со славою земнаго царя и завоевателя, который будто-бы долженъ покорить ихъ владычеству всѣ прочіе народы и учредить на землѣ тысячелѣтнее царство.—Но такое понятіе о Мессіи явно противорѣчитъ сказаніямъ о Немъ пророковъ. Ибо пришествіе Мессіи изображается пророками, какъ величайшее благодѣяніе Божіе къ потомкамъ Авраама и Израиля; но такимъ благодѣяніемъ не можетъ быть благоденствіе земное, котораго народъ еврейскій, подъ условіемъ вѣрности Богу, и безъ того имѣлъ всегда право надѣяться (Втор. 28, 1 и 2). Далѣе—по древнимъ обѣтованіямъ Божіимъ, Мессія будетъ чаяніемъ не только іудеевъ, но и язычниковъ (Быт. 49, 10. Агг. 2, 8), что о Немъ благословятся всѣ племена земныя (Быт. 22, 18), что Его будутъ ублажать всѣ народы (Псал. 71, 17). Какъ же согласить эти обѣтованія съ мыслию о Мессіи—завоевателѣ, который долженъ истребить, быть можетъ, цѣлые милліоны людей, покоряя ихъ своему скиптру! Въ какомъ смыслѣ Онъ будетъ тогда источникомъ благословеній для всѣхъ языковъ? И за что станутъ ублажать Его всѣ племена земныя? Наконецъ, царство Мессіи изображается въ писаніи, какъ царство всеобщей любви и ненарушимаго мира (Иса. 2, 4; 11, 6—10); но въ земномъ царствѣ Мессіи, по понятію іудеевъ, должно произойти противное...

престоломъ сего новаго, необычайнаго Царя; онъ—пророкъ видитъ, что Его руки и ноги пронзены, что всѣ кости разсыпались въ Его тѣлѣ, что Его ризы раздѣлены и объ одеждѣ Его мечутъ жребій, что языкъ прильпнулъ къ устамъ, что враги Его подобно львамъ разверзаютъ на Него пасть свою и жаждутъ насытиться Его кровію. Подумаешь, что писано на Голгоѣ, при крестѣ. Въ тоже время пророкъ видитъ и славныя слѣдствія страданій Господа; видитъ, что всѣ народы земные вспоминаютъ о Богѣ, забытомъ ими, что сначала обращаются къ Нему бѣдные, потомъ богатые и сильные, что всѣ племена земныя поклоняются Ему и благословляютъ, что, наконецъ, власть Его распространяется во всемъ мірѣ. Равнымъ образомъ и Исаія въ многочисленныхъ своихъ пророчествахъ, особенно въ главѣ 53-й, такъ обстоятельно и въ такихъ свѣтлыхъ и раздѣльныхъ чертахъ описываетъ уничиженное состояніе Спасителя и благотворные плоды онаго, что по всей справедливости заслуживаетъ высокое наименованіе евангелиста ветхаго завѣта. И вообще, чѣмъ ближе приходило время пришествія Іисуса Христа на землю, тѣмъ большую ясность и полноту получали самыя пророчества о Немъ; каждый пророкъ прибавлялъ какую-либо новую черту къ картинѣ, уже нарисованной прежними пророками, и когда Онъ явился, исторія Его, можно сказать, была кончена...

Разсмотрѣнное нами доказательство въ подтвержденіе божественности лица Іисуса Христа и Его ученія имѣетъ и должно имѣть непререкаемую силу убѣжденія. Такъ и смотрѣли на него древніе защитники и поборники Христовой истины. Святой Иринеи свидѣтельствуется, что „наставленіе пророковъ должно облегчать путь къ вѣрѣ во Іисуса Христа (1)“. Оригенъ утверждаетъ (2), что „Цельсь съ намѣреніемъ опустилъ самое сильное доказательство о Іисусѣ Христѣ—дока-

(1) Contr. haer. lib. 1V. c. 23.—(2) Contr. Cels. lib. 1, c. 2.

зательство пророчествъ, ибо не нашель, что возразить противъ нихъ“. „Не верьте однимъ моимъ доказательствамъ, говоритъ святой Кирилль іерусалимскій ⁽¹⁾, вы можете думать, что васъ обольщаютъ софизмами,— повѣрьте только тому, что предсказали пророки. Вы можете подозрѣвать того, кто живетъ въ настоящее время; но какъ имѣть подозрѣніе на того, кто пророчествовалъ болѣе, нежели за тысячу лѣтъ до событія“.

Кромѣ свящ. писанія (Іоан. 5, 39), Іисусъ Христосъ указывалъ, въ доказательство божественности Своего Лица и ученія, и на собственныя дѣла: *та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. 5, 36). И точно, чудеса Іисуса Христа самымъ очевиднѣйшимъ образомъ показывали божественную Его силу. Онъ являлъ Себя чрезъ нихъ владыкою надъ всею природою—надъ водою, воздухомъ и землею; владыкою природы человѣческой, когда исцѣлялъ недужныхъ и прекращалъ всякаго рода болѣзни (Мат. 9, 2—9. Лук. 4, 40. Іоан. 5, 9); владыкою жизни и смерти, когда воскрешалъ мертвыхъ (Лук. 7, 14; 8, 49. Іоан. 11). И міръ невидимый, міръ духовъ былъ Ему подчиненъ: ангелы Ему служили (Мат. 4, 16) и самыя нечистыя силы повиновались, когда только приближеніемъ Своимъ къ людямъ, одержимымъ духами злыми, Онъ заставлялъ трепетать послѣднихъ, и однимъ словомъ изгонялъ ихъ изъ людей вонъ (Мар. 1, 25; 5, 8; 9, 25. Лук. 8, 26—40). Къ тому же надобно присовокупить еще необыкновенныя знаменія, которыя совершены были не самимъ Іисусомъ Христомъ, а ради Его въ различныхъ обстоятельствахъ Его жизни. Такъ, надъ Нимъ разверзались небеса (Мат. 3, 16); во время преображенія Его на Оаворѣ *просвѣтися лице Его яко солнце, ризы же Его быша бѣлы, яко снѣгъ* (Мат. 17, 2); не разъ слышанъ былъ глазь съ неба: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ*

(1) Catech. XII, с. 5.

(Мат. 3, 17: 17, 1—5.—Іоан. 12, 28—31); смерть Его возвѣщена была затмѣніемъ солнца, колебаніемъ земли, возстаніемъ мертвыхъ святыхъ изъ гробовъ (Мат. 27, 45, 51 и 52) и др.

Высочайшее же и знаменательнѣйшее чудо въ жизни Іисуса Христа есть славное Его воскресеніе изъ мертвыхъ. Черезъ это чудо Онъ, по словамъ апостола, открылся во всей силѣ Сыномъ Божіимъ (Рим. 1, 4).

Чудеса Іисуса Христа были истинныя, т. е. событія сверхъестественныя, — это показываетъ самое свойство ихъ. Всѣ они, очевидно, превышаютъ силы и законы природы. Кто, на примѣръ, станетъ утверждать, чтобы человѣкъ дѣйствительно умершій, естественными силами могъ быть возвращенъ къ жизни? Никакое искусство и никакая наука, ни въ древнія, ни въ новѣйшія времена, не доходили еще до умѣнья воскрешать мертвыхъ. И кто будетъ доказывать, чтобы простой знакъ или одно приказаніе человѣка могло имѣть столько могущества, чтобы въ одно мгновеніе укротить вѣтры и волнующееся море сдѣлать тихимъ? Кому не извѣстно, что голосъ человѣка безсиленъ для того, чтобы тотчасъ исцѣлить неисцѣльныя раны и заставить смертельно больныхъ вставать съ одра здоровыми?.. Дѣйствительность чудесъ Іисуса Христа, какъ событій сверхъестественныхъ, доказывается и образомъ ихъ совершенія. Іисусъ Христосъ творилъ чудеса такъ, что рѣшительно не возможно подозрѣвать въ нихъ какого-либо подлога, или искусства. Онъ совершалъ ихъ безъ всякихъ усилій и какихъ-либо приготовительныхъ способовъ, совершалъ внезапно, какъ только представлялся случай, не пользуясь ни мѣстомъ, ни временемъ, совершалъ однимъ словомъ, нерѣдко однимъ прикосновеніемъ, или даже мыслию и желаніемъ.. Ему угодно было исцѣлить прокаженнаго: *хочу, очистися*—и сейчасъ тотъ очистился (Мат. 8, 3); женщину недужной, страдавшей безъ надежды на выздоровленіе осмнадцать лѣтъ, Онъ только вымолвилъ, положа на нее руки:

отпущена еси отъ недуга твоего, и абіе прострися (Лук. 13, 11—13); многолѣтнему разслабленному повелѣлъ: *востани, возми оубрѣ твою и иди въ домъ твой* (Мат. 9, 5), и тотъ всталъ совершенно здоровымъ.— Истинность чудесъ Іисуса Христа открывается также изъ ихъ многочисленности и разнообразія. Іисусъ Христосъ сотворилъ не одно какое-либо чудо, не два, не десять, но безчисленное множество. Его чудодѣйственная сила не ограничивалась какими-либо извѣстными немногими дѣйствіями, но выражалась въ многоразличныхъ видахъ, простиралась на весь міръ и являла въ Немъ Господа всяческихъ, Которому покорено все небесное и земное, видимое и невидимое.— Наконецъ, истинность и божественность чудесъ Христовыхъ усматривается изъ цѣли ихъ и того дѣйствія, какое они производили на свидѣтелей. Цѣль евангельскихъ чудесъ была самая высокая, вполне достойная Бога. Она состояла въ томъ, чтобы показать людямъ во Іисусѣ Христѣ истиннаго Мессію, Сына Божія, расположить ихъ увѣровать въ Него, принять Его ученіе и благодать, и такимъ образомъ достигнуть вѣчнаго спасенія (Іоан. 10, 38; 15, 24. Мат. 11, 20—24). Дѣйствіе же этихъ чудесъ на свидѣтелей было самое разительное. Первое знаменіе Іисуса Христа въ Канѣ Галилейской укрѣпило вѣру въ Него учениковъ Его (Іоан. 2, 11); послѣ воскрешенія Имъ сына нѣкоего царедворца въ Капернаумѣ, вѣрова въ Него и самъ царедворецъ и весь домъ его (Іоан. 4, 53); послѣ укрощенія Спасителемъ бури морской, *сущи въ кораблѣ, пришедше поклонишася Ему, глаголюще: во истину Сынъ Божій еси* (Мат. 14, 33); когда наплатъ пятью хлѣбами и двумя рыбами нѣсколько тысячъ народа, видѣвшіе знаменіе, *еже сотвори Іисусъ, глаголаху, яко сей есть во-истину пророкъ, грядый въ міръ* (Іоан. 6, 14). Вообще, побуждаемые чудесами Господа, *мнози отъ народа вѣровали въ Него, и глаголаху, яко Христосъ, егда приидетъ, еда больша знаменія сотворитъ, яже сей творитъ* (Іоан. 7, 31),—и число этихъ вѣровавшихъ было

такъ велико, что сами фарисеи сознавались: *се мѣръ по Немъ идетъ* (Іоан. 12, 19).

Все это несомнѣнно показываетъ, что чудеса Іисуса Христа — истинно-божественныя чудеса, и въ свое время были такъ очевидны, что еслибы кто тогда спросилъ (какъ иногда спрашиваютъ нынѣ) о возможности чудесъ у самыхъ жесточайшихъ враговъ Іисусовыхъ — Фарисеевъ, то и для послѣднихъ такой вопросъ показался бы неумѣстнымъ.

Чтожъ касается до исторической достовѣрности чудесъ Іисуса Христа, то они и съ этой стороны внѣ всякаго сомнѣнія, какъ основывающіяся на ясныхъ и неоспоримыхъ свидѣтельствахъ. Они преданы осьмью современными писателями, которые имѣли полную возможность знать истину: ибо почти каждый изъ сихъ писателей могъ сказать: *еже слышашомъ, еже видѣхомъ очима нашими, еже узрѣхомъ, и руки наша осязаша о Словеси животнѣмъ: и животъ явися, и видѣхомъ, и свидѣтельствуемъ и возвѣщаемъ...* (1 Іоан. 1, 1 и 2). Это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что священные писатели всегда открыто и безбоязненно указывали на чудеса Христовы. Мужіе Израильстїи, воззвалъ апостоль Петръ въ рѣчи своей къ іудеямъ, по сошествїи на апостоловъ Духа Святаго, *послушайте словеса сїихъ: Іисуса Назореа, мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ силами и чудесы и знаменїи, яже сотвори тѣмъ Богъ посреди васъ, якоже и сами есте, Сего нарекованнымъ совѣтомъ и проразумѣнїемъ Божїимъ предана приѣмше, руками беззаконныхъ привоздше убисте: Егоже Богъ воскреси* (Дѣян. 2, 22—24), — и слышавшіе не противорѣчили сему, но умилялись сердцемъ и спрашивали: *что сотворимъ мужіе братїе* (—37)? Наконецъ, достовѣрность чудесъ Іисуса Христа засвидѣтельствована писателями не только своими и близкими, но чужими и даже враждебными христіанству. Здѣсь можно привести слова іудейскаго исто-

рика Тосифа Флавія (¹). Въ своемъ сочиненіи о древностяхъ іудейскихъ, изображая правленіе Пилата и сказавши о возмущеніи противъ него народа, онъ присовокупляетъ: „въ этоже время жилъ Исусъ, человекъ мудрый, если только можно назвать Его человекомъ: ибо Онъ совершилъ дѣла чудныя, училъ тѣхъ, которые съ охотою приѣмлютъ истину, и приобрѣлъ себѣ множество послѣдователей какъ изъ іудеевъ, такъ и изъ язычниковъ: это былъ Христосъ. И хотя Пилать, по доносу нашихъ старѣйшинъ, осудилъ Его на крестъ, однако послѣдователи не оставили прежней къ Нему любви. Въ третій день Онъ опять явился живымъ, согласно предсказаніямъ божественныхъ пророковъ, предрекшихъ какъ о семъ, такъ и о другихъ многочисленныхъ чудесахъ Его“. И въ послѣдующее время самые злѣйшіе враги вѣры Христовой не отвергали чудесъ Спасителя, но или производили ихъ отъ магіи, какъ талмудисты (²) и Цельсъ (³); или противоплавали имъ чудеса вымышленныя и ложныя, какъ Герокль (⁴)—лжечудеса Аполлонія Тіанскаго; или старались унижить ихъ, дѣлая предметомъ шутки или насмѣшки, какъ Юліанъ богоотступникъ (⁵). А что дѣйствительно въ первые христіанскіе вѣка никто не отвергалъ подлинности чудесъ евангельскихъ, это видно изъ христіанскихъ апологій, тогда писанныхъ: здѣсь защитники

(¹); Antiquit. Judaic. lib. XVIII, c. 3.—Подлинность этого свидѣтельства Флавіева обстоятельно доказана въ Хр. Чт. 1834 г. ч. 1-я, стр. 176—198.

(²) Въ талмудѣ говорится (смотри, взглядъ на свидѣтельства раввиновъ объ Исусѣ Христѣ въ Хр. Чт. 1835 г. ч. 1-я стр. 287—299), что Христосъ, точно, творилъ дивныя дѣла, но совершалъ ихъ не собственною силою, а таинственнымъ, неизреченнымъ именемъ Іеговы, которое хитро, похитилъ изъ Святаго Святыхъ, гдѣ оно вырѣзано было на одномъ камнѣ. Миѣніе—крайне негѣпое и богохульное! Какъ будто бы Богъ какимъ-либо образомъ могъ быть принуждаемъ человекомъ къ полтверженію лжи и обмана?..

(³) Vid. apud Origen—contra Celsum lib. 1, n. 28, 38, 67 и 68.

(⁴) Apud Evsebius—contra Hieroclem.

(⁵) Apud Cyrill. Alexandr.—contra Julianum lib. VI.

вѣры съ увѣренностію говорятъ о нихъ, какъ дѣйствіяхъ доказанныхъ, о которыхъ никто съ ними не споритъ, и стараются только опровергнуть ту мысль язычниковъ, будто чудеса Іисуса Христа творилъ силою магіи и будто такіяже и даже высшія чудеса неразъ были совершаемы богами и нѣкоторыми героями міра языческаго.

Заклучимъ наше изслѣдованіе о чудесахъ Іисуса Христа: это—чудеса, запечатлѣнные всѣми признаками истинно-божественныхъ чудесъ; они утверждаются на такихъ историческихъ непререкаемыхъ доказательствахъ, что съ полнымъ достоинствомъ могутъ выдержать не только строжайшую, но даже самую злую критику.

Какъ чудеса Іисуса Христа являли въ Немъ божеское Его свойство—всемогущество, такъ пророчества—божеское Его всевѣдѣніе.

Будущее извѣстно одному Богу. Человѣкъ не знаетъ, что съ нимъ случится завтра (Іак. 4, 14). А Іисусъ Христосъ Своимъ взоромъ съ равною свѣтлостію обнималъ все будущее, какъ прошедшее и настоящее. Онъ предсказалъ, что іудеи не узнаютъ Его, также какъ не узнали Іоанна Крестителя, предвозвѣщеннаго древнимъ пророкомъ подъ именемъ Іліи (Мал. 3, 5); что будетъ отвергнуть старѣйшинами, первосвященниками и книжниками, пострадаетъ отъ нихъ, будетъ убитъ и въ третій день воскреснетъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереемъ и книжникомъ: и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его языкомъ на поруганіе и бїеніе и пропятіе: и въ третій день воскреснетъ* (Мат. 20, 18 и 19; сн. Лук. 18 31 и 32). Иногда Спаситель не прямо говоритъ о имѣющихъ послѣдовать страданіяхъ Своихъ, но индифферентно. Въ притчѣ о виноградникѣ и виноградаряхъ далъ разумѣть, что сынъ владѣльца виноградника, убитый мятежными наемниками, никто другой, какъ Онъ Самъ (Мат. 21, 33 и 39); крестную Свою смерть изобразилъ пророческимъ символомъ вознесенной на дрѣвѣ мѣдной змѣи (Іоан. 3, 14); тридневное погребеніе

Свое сравнивалъ съ пребываніемъ Іоны во чревѣ кита (Мат. 12, 39 и 40); о воскресеніи Своемъ предсказалъ аллегорически: *разорите церковь сію, и тремя денми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19); уподоблялъ Себя пастырю, который душу свою положилъ за овецъ (Іоан. 10, 15); предлагалъ плоть Свою въ брашно и кровь въ питіе, назнаменуя тѣмъ, что только пролитіемъ Его крови и умерщвленіемъ Его плоти спасется міръ (Іоан. 6, 53). Когда еще не пришло время, въ которое Онъ опредѣлилъ Себя быть искупительною жертвою, говорилъ: *не упріиде часъ Мой* (Іоан. 2, 4), *время Мое не упріиде* (—7, 6). Когда же назначеніе Его приходило къ своему предѣлу, то сказалъ: *пріистъ конецъ, пріиде часъ: се предается Сыиъ человѣческой въ руки грѣшниковъ* (Мар. 14, 41). Взоръ Іисуса Христа въ ясномъ очертаніи обнимая все, что съ Нимъ произойдетъ, простирался далѣе. Ученики Его были предъувѣдомлены, что послѣ отшествія Его изъ міра, ихъ будутъ гнать, преслѣдовать, предавать въ руки судей и правителей народныхъ: *пріидетъ часъ, говорилъ Онъ имъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнися службу приносить Богу* (Іоан. 16, 2), *и будете ненавидимы отъ всѣхъ имене Моего ради* (Лук. 21, 13—17). Это пророчество буквально исполнялось въ продолженіи цѣлыхъ трехъ вѣковъ.—Касательно Своего ученія и церкви Спаситель предсказалъ, что Евангеліе распространится по всей землѣ (Мат. 24, 14. Марк. 13, 10), что Онъ и язычниковъ допуститъ участвовать въ благодатномъ царствѣ. Сначала давалъ разумѣть объ этомъ благоволеніи Своемъ къ язычникамъ стороною: *и ны овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ Мой услышатъ: и будетъ едино стадо, и единъ пастырь* (Іоан. 10, 16). При другомъ случаѣ выразилъ Онъ эти обѣтованія яснѣе: *мнози отъ востока и запада пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ и Іаковомъ во царствіи небеснѣмъ: сѣнове же царствія изгнани будутъ во тму кромѣшную* (Мат. 8, 11 и 12).

Какъ вообще подлинность и неповрежденность книгъ новозавѣтныхъ, такъ равно и свидѣтельства евангелистовъ о пророчествахъ Христовыхъ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнiю. Кто внимательно будетъ смотрѣть на этотъ предметъ, тотъ вполне убѣдится, что пророчества Господа, содержащiяся не въ одномъ мѣстѣ писанiя, но въ разныхъ рѣчахъ Спасителя, въ многихъ притчахъ, и не у одного, но у четырехъ евангелистовъ, не могли быть ни вымышлены писателями, ни внесены въ Евангелiя въ послѣдующее время, безъ огласки поврежденiя: ибо нельзя было во всѣ экземпляры, скоро распространившiяся по церквамъ, внести одинаковыя измѣненiя и прибавленiя; а иначе не могло не быть въ нихъ разногласiя, котораго ни теперь, ни въ древнiя времена не было замѣчаемо. Притомъ, извѣстно, что эти пророчества съ самаго начала ихъ произнесенiя, чрезъ изустную проповѣдь, уже были напечатлѣны въ умахъ и сердцахъ вѣрующихъ во Иисуса Христа. Такъ между обвиненiями на первомученика Стефана главнымъ было то, что онъ говорилъ, яко Иисусъ Назарей сей разоритъ мѣсто сіе (т. е. городъ и храмъ іерусалимскiй) и измѣнитъ обычаи, яже предаде намъ (іудеямъ) Моисей (Дѣян. 6, 14). Изъ 2 Сол. 2, 1... видно, что нѣкоторые христіане неправильно понимали предсказанiе Господа о второмъ Его пришествiи, думая, что конецъ міра уже настаетъ... и др.—Равнымъ образомъ и божественность пророчествъ Христовыхъ, какъ историческая ихъ достовѣрность, выше всякаго сомнѣнiя, т. е. это—такiя предсказанiя будущихъ событiй, сокрытыхъ отъ естественнаго вѣдѣнiя человѣка, которыхъ главнымъ виновникомъ можетъ быть одинъ Богъ. Чтобы видѣть это, рассмотримъ какое-либо пророчество Спасителя, которое бы могло ручаться за истинность прочихъ. Избираемъ извѣстнѣйшее и достопамятное пророчество о разрушенiи Іерусалима и судьбѣ всего народа іудейскаго, на которое древнiе защитники христіанства попреимуществу указывали, какъ на самое

разительное и очевиднѣйшее доказательство божественности святой вѣры ⁽¹⁾.

Въ изслѣдованіи о семь пророчествѣхъ разсмотримъ какъ самое предсказаніе и исполненіе его, такъ истинность и божественность онаго (пророчества).

Въ пророчествѣхъ касательно судьбы Іерусалима и вообще народа іудейскаго Іисусъ Христосъ предсказалъ обстоятельства, какія будутъ предшествовать разрушенію святаго града, обстоятельства, сопутствовавшія сему страшному событію, и обстоятельства, за тѣмъ послѣдовавшія.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРЕДШЕСТВОВАВШІЯ РАЗРУШЕНІЮ ІЕРУСАЛИМА:

Предсказанія:

Спаситель именуетъ предвѣстниками бѣдствія — лже-пророковъ.

Блюдите, да никто же васъ прельститъ. Мнози бо приидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ и мнози прельстятъ (Мат. 24, 5 и 6). Тогда иже кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, или ондѣ: не имите вѣры. Возстанутъ бо лжехристи и лжепророцы, и дадутъ знаменія велия и чудеса, якоже прельстятъ, иже возможно, и избранныя. Се прежде рѣхъ вамъ. Аще убо рекутъ вамъ: се въ пустыни есть: не изыдите, се въ сокровищахъ:

Исполненіе:

Іосифъ Флавій между главными причинами ослѣпленія іудеевъ, въ которомъ они рѣшились возстать противъ римлянъ, дѣйствительно, поставляетъ многихъ лжеучителей, выдававшихъ себя за посланниковъ Іеговы, и возмущавшихъ народъ разными несбыточными мечтами. Въ правленіе Феликса (въ 45 г. по Р. Х.) волхвъ Тевда склонилъ множество народа послѣдовать за нимъ на Іорданъ, чрезъ который хотѣлъ провести его по-суху (Antiqu. Jud. I. XX. с. 5). Въ царствованіе Нерона (55 — 58 г.) Іудея наполнена была

⁽¹⁾ Златоустъ—contra Judaeos, quod Christus sit Deus... n. XVI. Блажен. Теодоритъ—serm. XI de iudicio et fine et caet.

не имите втры (Мат. 24, 23—26).

Иисусъ Христосъ пред-
рекаетъ: *страхованія же и*
знаменія съ небеси будутъ.
Лук. 21, 11.

изувѣрными фанатиками, которые обѣщали народу избавленіе отъ всѣхъ притѣснителей и вызывали его въ пустыню съ тѣмъ, чтобы показать ему великое чудо (тамъ же). Далѣе, когда горѣлъ уже храмъ, какой-то обманщикъ завелъ 600 мужей, женъ и дѣтей на одну галерею храма, гдѣ обѣщаль спасеніе отъ Бога: воины (римскіе) зажгли эту галерею, и никто изъ стоявшихъ на ней не остался живъ (De bel. Jud. I. IV, с. 65).

Такъ страшно - истинны были слова Спасителя: *въ пустыни и сокровищахъ.*

Флавій въ книгѣ о войнѣ іудейской (lib. VI. с. 31) рассказываетъ, что предъ временемъ разрушенія Іерусалима носилась надъ городомъ комета въ видѣ меча, и что жители святаго града слышали въ воздухѣ движеніе невидимаго войска и колесницъ; однажды въ храмѣ, въ самую полночь, видѣнъ былъ свѣтъ во-кругъ жертвенника, подобный свѣту дневному; въ другой разъ восточныя мѣдныя двери храма, которыя съ трудомъ могли затворять двадцать человѣкъ, около

Иисусъ Христосъ еще показываетъ признакъ, по которому Его послѣдователи могутъ узнать на-верно приближеніе бѣдствія: это — обложеніе Іерусалима.

Егдаже узрите обстоямъ Іерусалимъ вои, тогда разумѣйте, яко приближися запустыніе ему (Лук. 21, 20).

Тогда сущи во Іудеи, да бѣгаютъ въ горы: и иже посреде его, да исходятъ: и иже во странахъ, да не входятъ въ оны (—21).

шестаго часа ночи отверзлись сами собою; въ ночь на праздникъ пятидесятницы изъ святилища раздался сильный гласъ какъбы великаго множества людей: „прейдемъ отседѣ“. О тѣхъ же знаменіяхъ, предшествовавшихъ разоренію Іерусалима, говоритъ и Тацитъ (Tacit. Hist. l. V, c. 13), по всей вѣроятности заимствуя ихъ у Іосифа.

Титъ, явившись въ 70 г. по Р. Х. съ 60000 арміею подѣ стѣнами Іерусалима, произвелъ осаду города, и до тѣхъ поръ не возвращался отъ него, пока не взялъ и не опустошилъ его.

Предостереженію Господа послѣдовали христіане, которые заблаговременно удалились изъ Іерусалима въ нагорную страну, въ городъ Пеллу, какъ свидѣтельствуется Евсевій (Ист. церк. кн. III, гл. 5).

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СОПУТСТВОВАВШІЯ РАЗРУШЕНІЮ ІЕРУСАЛИМА.

Иисусъ Христосъ очень живо и съ изумительною Іосифъ, какъ будто объясняя пророчество Спаси-

вѣрностію описываетъ бѣдствія, какія будутъ соединены съ погибелью Іерусалима и всего іудейскаго царства.

Будетъ тогда скорбь великая, якова же не была отъ начала міра досель, ниже имать быти. Гортъ не празднымъ и доющимъ въ тыся дни. (Мат. 24, 21. 19).

теля, рассуждаетъ, что отъ сотворенія міра едва ли былъ какой городъ, который бы потерпѣлъ столько золь, сколько Іерусалимъ въ ту пору. (De bel. j. l. V, с. 27). Еще до начатія войны погибло безчисленное множество іудеевъ отъ междоусобій. По вступленіи же римскихъ орловъ въ Палестину, бѣдствія увеличились: города іудейскіе, одинъ за другимъ, пали въ развалины; земля, нѣкогда кийѣвшая медомъ и млекою, сдѣлалась пустынею. Остался одинъ Іерусалимъ... Но какой Іерусалимъ! Извнѣ окруженный легіонами римлянъ, внутри наполненный разбойническими толпами зилотовъ, идумеевъ, которые, прикрываясь именемъ защитниковъ отечества, вели кровавыя распри въ городѣ, храмѣ и самомъ святилищѣ, не щадя ни пола, ни возраста, ни состоянія. Тогда же открылся страшный голодъ, и за нимъ послѣдовала язва... Живые питались тѣлами умершихъ, и одна мать въ отчаяніи заклала для себя въ ужасную снѣдь собственное дитя. Титъ такъ пораженъ былъ симъ

Иисусъ Христосъ предсказываетъ способъ осады и степень самаго разрушенія Іерусалима и гибели іудеевъ:

Придутъ дніе на тя, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя отвсюду. (Лук. 19, 43).

Аминь, аминь глаголю вамъ, не имать остати здѣ камень на камени, иже не разорится (Матѹ. 24, 2).—И разбѣютъ тя и чаша твоя въ тебѣ, и не оставятъ камень на камени въ тебѣ. (Лук. 19, 44).

событіемъ, что призывалъ боговъ въ свидѣтели своей невинности и рѣшился погребсти это злодѣйство въ развалинахъ города...

Желая пресѣчь для осажденных всякую внѣшнюю помощь и возможность къ бѣгству, римскій полководецъ приказалъ построить кругомъ Іерусалима стѣны противъ самыхъ стѣнъ города, что было до того времени совершенно необыкновеннымъ дѣломъ при осадахъ (De bel. jud. l. V. c. 12).—Такъ, ни одна черта изъ страшнаго пророчества Христова не остается безъ исполненія!

Раздраженные упорнымъ сопротивленіемъ іудеевъ, римляне, взявши Іерусалимъ, не дали пощады никому и ничему: городъ, окружавшія его деревни на нѣсколько миль и воды Іордана обогрены были кровію; въ самомъ Іерусалимѣ, по словамъ Флавія, не осталось даже признака, что онъ нѣкогда имѣлъ жителей (De bel. j. l. VII, c. 1). Великолѣпный храмъ іерусалимскій истребленъ пламенемъ. Одинъ изъ римскихъ солдатъ, вопреки желанію и строгому повелѣнію

полководца, движимый, по выражению историка іудейскаго, нѣкою невидимою силою, зажегъ оный. Тщетно побѣдитель напрягалъ всѣ возможныя усилія, чтобы спасти это украшеніе востока:—огнь, возженный небомъ, не погашенъ, и на мѣстѣ безпримѣрнаго по огромности, богатству и крѣпости зданія остались груды камней и кучи пепла... Удивленный такими слѣдствіями войны, побѣдитель—язычникъ подымлетъ руки къ небу, смиренно признаетъ себя орудіемъ гнѣва Божія и отказывается отъ титла: „Іудейскій“.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОСЛѢДОВАВШІЯ ЗА РАЗРУШЕНІЕМЪ ІЕРУСАЛИМА.

Иисусъ Христосъ предсказываетъ, что іудеи отведутся въ плѣнъ и будутъ разсѣяны по всему свѣту, что надъ Іерусалимомъ станутъ господствовать чужіе.

И надутъ во остріи меча, и плѣнени будутъ во вся языки: и Іерусалимъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языковъ. (Лук. 21, 24).

Война эта, если взять въ счетъ всѣ числа (показанныя у Іосифа) убитыхъ въ продолженіе ея, истребила до 1,337,490 іудеевъ, исключая взятыхъ въ плѣнъ, гдѣ многіе изъ нихъ погибли на потѣшныхъ играхъ: одни въ борьбѣ между собою, другіе въ борьбѣ со звѣрями, а многіе проданы въ рабство. Черезъ семьдесятъ лѣтъ, по случаю новыхъ возмущеній

іудейскаго народа, Іерусалимъ опять взятъ былъ римскими легіонами: еще пролились рѣвки крови іудеевъ, еще сотни тысячъ ихъ отведены въ плѣнъ, и святой градъ вмѣсто освобожденія потерялъ самое имя свое. Императоръ Елій Адріанъ приказалъ разрушить въ немъ все, что было воздвигнуто изъ зданій со временъ Тита, и по развалинамъ храма прошелъ плугъ. Новый городъ, съ новыми жителями, съ новымъ именемъ (Еліи) и богами возникъ на мѣстѣ Іерусалима, — и онъ преданъ на поруганіе языкамъ доселѣ... Напрасно Юліанъ-отступникъ предпринималъ вновь построить храмъ и собрать разсѣянныхъ по всѣмъ странамъ міра іудеевъ, чтобы сдѣлать пророчество Іисуса Христа несбыточнымъ: самъ погибъ прежде, нежели успѣлъ положить какое-либо начало своему предпріятію. Христіанскіе императоры господствовали надъ Іерусалимомъ; ихъ благочестивое усердіе обновило и украсило мѣста, освященныя землею жизнью Богочеловѣка. Но на долго ли? На Голгоѣѣ

не прилично расти цвѣтамъ, село крови не должно быть жилищемъ веселія и тишины, — и вотъ Хозрой и Омары идутъ подновить развалины Иерусалима, рассыпать камни, успѣвшіе сложиться... На мѣстѣ Святаго Святыхъ является мечеть Мухаммеда! Не постигая судебъ Божіихъ, народы запада двинулись на освобожденіе святаго гроба Господня и града, но успѣхи ихъ были кратковременны: Иерусалимъ остается освобожденнымъ въ одномъ пѣснопѣніи Тасса... Да и кто можетъ перемѣнить то, что опредѣлено свыше: яже бо Богъ совѣща, кто разорить? и руку Его высокую кто отвратитъ? (Иса. 14, 27).

Разобранное нами пророчество о разрушеніи Иерусалима и судьбѣ всего народа іудейскаго имѣетъ всѣ признаки пророчества истинно-божественнаго. Оно произнесено было почти за сорокъ лѣтъ до исполненія, — произнесено не въ общихъ какихъ-либо чертахъ, но ясно и опредѣленно; въ немъ означены не только время событія (Мат. 24, 34. Лук. 21, 32) и сколько-нибудь важныя обстоятельства, но даже малѣйшія частности (напр. Лук. 19, 43). Здѣсь противники священнаго писанія, говорящіе о неясности нѣкоторыхъ пророчествъ, должны положить перстъ на уста свои. Иосифъ Флавій, свидѣтель и участникъ событій, описывая ходъ войны іудейской, не имѣлъ намѣренія иска-

жать истину въ пользу христіанской вѣры, — и одна-кожъ многія страницы его исторіи какъ будтобы написаны съ тою цѣлію, чтобы засвидѣтельствовать предъ потомствомъ, съ какою изумительною точностію исполнилось надъ народомъ іудейскимъ предсказаніе Іисуса Христа. И предсказаніе это возвыщено было не въ видѣ догадокъ, но съ такою силою и рѣшительностію, болѣе которой и быть не можетъ: *небо и земля мимо идетъ, а слова Мои не имутъ прейти* (Лук. 21, 33). А между тѣмъ происшествія были чрезвычайно случайны. Въ самомъ дѣлѣ, какая прозорливость человѣческая могла несомнѣнно сказать, что іудеи дойдутъ до такого незнанія своей политической слабости, что возстанутъ открытою войною противъ римлянъ, владѣвшихъ почти цѣлымъ свѣтомъ, которыхъ одно имя покоряло и держало въ повиновеніи народы, гораздо сильнѣйшіе іудейскаго? И сколько причинъ могло уничтожить эту войну въ самомъ началѣ, прекратить ее въ продолженіи, не допустить до тѣхъ послѣдствій, которыми она кончилась! Касаясь сихъ причинъ, іудейскій историкъ не-разъ изумляется ихъ недѣйствительности, и все изъясняетъ предопредѣленіемъ небесъ.

И дѣйствительно, все здѣсь происходило по предопредѣленію свыше. Страшныя бѣдствія, постигшія Іерусалимъ и народъ іудейскій, были не что иное, какъ грозное мщеніе правды Божіей за отверженіе и убіеніе обѣтованнаго Мессіи, истиннаго царя израильскаго, Спасителя міра. „Что ты сдѣлалъ народъ неблагодарный? говоритъ одинъ знаменитый писатель (¹). За что Богъ, нѣкогда избравшій тебя, теперь оставилъ, и гдѣ прежнее Его милосердіе къ тебѣ? Какое преступленіе, какое злодѣянніе, тягчайшее самаго идолопоклонства, навлекло на тебя казнь, которой ты не подвергался за твое идолослуженіе? Ты молчишь, ты не можешь или не хочешь понять, что сдѣлало Бога столь неумолимымъ къ тебѣ. Вспомни слова твоихъ предковъ: *кровь*

(¹) Bossuet—Discours sur l' Hist. univ. part. II, chap. XXIV.

Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ... (Мат, 27, 25)“. Вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдственная судьба іудейскаго народа служить и разительнѣйшимъ свидѣтельствомъ божественности святой вѣры Христовой. Іудеи, по разрушеніи Іерусалима, разсѣянные римлянами по разнымъ странамъ свѣта, и донынѣ остаются разсѣянными по всему міру, безъ храма, безъ священника, безъ жертвоприношеній, безъ утѣшеній пророческихъ. Не показываетъ ли это, что времена ветхозавѣтныя прошли, пришелъ обѣтованный Искупитель міра, установленъ новый завѣтъ? Не явно ли, что уже минуло время левитскаго богослуженія, ограничивающагося храмомъ іерусалимскимъ, наступило время всемірнаго служенія Богу въ духѣ и истинѣ, чрезъ посредство великаго первосвященника по чину Мельхиседекову—Господа нашего Іисуса Христа, принесшаго себя въ жертву за грѣхъ всего міра.

2.

Божественность истинно-христіанской вѣры, доказываемая изъ исторіи святой церкви Христовой.

Божественное величіе истинно-христіанской вѣры ясно и многоразлично раскрывается не только въ жизни и дѣлахъ Іисуса Христа, но и въ исторіи святой церкви Его.

Первое важнѣйшее и величайшее событіе въ церкви Христовой, которымъ началась и самая ея исторія, есть сошествіе Святаго Духа на апостоловъ. Какъ случилось оно, описываетъ святой евангелистъ Лука въ книгѣ дѣяній апостольскихъ. *Егда скончавашася днѣ пятидесятницы, бѣша вси апостоли единодушно вкутъ. И бысть внезапно съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну, и исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдѣще. И явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни, съде же на единомъ коемждо ихъ. И исполнишася вси*

Духа Свята, и начаша глаголати шыми языки, якоже Духъ дающе имъ проповѣсавати (Дѣян 2, 1—4).

Достовѣрность этаго чуда—несомнѣнна; оно засвидѣтельствовано безчисленнымъ множествомъ народа изъ іудеевъ и язычниковъ-прозелитовъ, собравшихся въ то время въ Іерусалимъ со всѣхъ сторонъ на праздникъ пятидесятницы. Изумленіе этихъ свидѣтелей было такъ велико, что, едва апостоль Петръ объяснилъ имъ необычайное явленіе, случившееся предъ ними, и сказалъ: *покайтесь, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ: и пріимете даръ Святаго Духа* (Дѣян. 2, 38), немедленно обратилось ко Христу въ одинъ день до трехъ тысячъ. Непререкаемымъ свидѣтельствомъ тому, что апостолы, дѣйствительно, получили даръ языковъ, оставшійся при нихъ навсегда, служить ихъ проповѣдь: какъ могли бы они пронести ее по всей землѣ, возвѣститъ вѣстмъ народамъ и во всѣхъ частяхъ міра основать общества вѣрующихъ безъ этого чуднаго дара?

А важность сего событія, т. е. сошествія Святаго Духа, какъ доказательства божественности христіанской вѣры, открывается частію изъ самаго его свойства,—оно, очевидно, есть событіе сверхъестественное, а частію изъ того, что это первое чудо въ церкви Христовой было началомъ и причиною всѣхъ послѣдующихъ въ ней знаменій.

Благотворное и спасительное дѣйствіе сошедшаго Всесвятаго Духа прежде всего мы видимъ на самыхъ апостолахъ, первенцахъ церкви: кромѣ дарованія имъ дара языковъ, оно измѣнило ихъ умственные и нравственные качества и облекло новою всепобѣждающею силою на великое служеніе роду человѣческому.

Апостолы были люди простые и некнижные (Дѣян. 4, 13). Хотя Спаситель различнымъ образомъ, и словомъ и дѣломъ, приготовлялъ ихъ на служеніе Евангелію, училъ ихъ не только вмѣстѣ съ народомъ, но и особо (Мат. 10, 27; 13, 18; 18, 1... Дѣян. 1, 3), нерѣдко давалъ имъ наставленія и изъясненія на тѣ или

другія свои изреченія и цѣлыя притчи (Мат. 13, 36... 15, 15... Мар. 10, 10 и дал.); при всемъ томъ будущіе просвѣтителн вселенной, всемірныя учителя многаго еще не постигали въ Его ученіи. Они не понимали, что такое воскреснуть, не смотря на многократныя имъ внушенія и оживленіе мертвецевъ: *что есть, еже воскреснущи* (Мар. 9, 10)? иногда прекословили своему Учителю (Мат. 16, 22) и не разъ претыкались и соблазнялись о Немъ. Петръ видѣлъ Его Богомъ на Таборѣ, и потомъ троекратно отрекся отъ Него. И даже, по воскресеніи Господа, послѣ новыхъ подробнѣйшихъ отъ Него наставленій, они все еще не доуразумѣвали тайнъ Божія домостроительства и не были совершенно свободны отъ ошибочныхъ мнѣній своихъ соотечественниковъ (Дѣян. 1, 6 и 7).—Но по сошествіи на апостоловъ Духа Святаго, они дѣлаются какъ бы иными, совершенно новыми, людьми. Духъ Божій, согласно обѣтованію Іисуса Христа, наставилъ ихъ на всяку истину (Іоан. 16, 13 и 14). Они уже ясно постигаютъ и проповѣдуютъ самыя высочайшіе предметы вѣры, уже не соблазняются словомъ крестнымъ, но торжественно и повсюду возвѣщаютъ его. Они смѣло вступаютъ въ состязанія съ книжниками и филосогами, и своею проповѣдію, состоявшею *не въ пренятельныхъ человѣческихъ премудрости словесныхъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. 2, 4), помрачаютъ блескъ учености языческой, приводятъ въ изумленіе Іудею и прочія страны. Видно, что Самъ Богъ даровалъ апостоламъ уста и премудрость (Лук. 21, 15).

Равно какъ и въ нравственной отношеніи апостолы, по сошествіи на нихъ Духа Святаго, сдѣлались несравненно выше, чѣмъ были прежде. Велико было ихъ самоотверженіе, когда они, оставивъ все, послѣдовали за Спасителемъ; но примѣръ сыновъ Зеведеевыхъ (Марк. 10, 35—37) показываетъ, что въ сердцахъ учениковъ Христовыхъ таились остатки нѣкотораго своекорыстія и привязанности къ выгодамъ житейскимъ. Велика любовь апостоловъ къ Господу; но она не

пересиливала еще, не подавляла въ нихъ любви къ себѣ: ибо когда наступила опасность, ученики оставили своего божественнаго Учителя и разбѣжались (Мат. 26, 56). Несомнѣнна была также ихъ любовь къ ближнимъ; но нѣкоторые случаи обнаружили и ея слабость (Лук. 9, 54). Все измѣнилось въ апостолахъ съ снисхожденіемъ на нихъ Святаго Духа. Ихъ самоотверженіе, любовь къ Богу и ближнимъ вдругъ достигаютъ самой высшей степени. Ради славы имени Божія и спасенія ближнихъ, они рѣшаются на все лишенія и скорби, и алчутъ, и жаждутъ, и наготуютъ, и страждутъ, и скитаются, и труждаются, дѣлающе своими руками; укоряемы, благословляютъ; гонимы, терпятъ; хулами мольятъ; становятся якоже отребки міру и поправіе всѣмъ (1 Кор. 4, 11—14). Неумомимый ревнитель Христовой вѣры святой апостоль Павелъ съ какимъ-то любочестіемъ, пространно и подробно исчисляетъ свои заключенія и страданія, претерпѣнныя имъ за Господа, и говоритъ о нихъ какъ о какихъ-нибудь блестящихъ знакахъ отличія и почестей (2 Кор. 11, 23—27). Онъ же съ поразительною смѣлостію и самонадѣяніемъ восклицаетъ: *кто ны разлучитъ отъ любви Божія: скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда или мечь? И еще: извѣстихомся, яко ни смерть, ни животъ, ни ангелы, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни инатварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любви Божія, яже о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ.* Рим. 8, 35, 38 и 39 (1).

(1) Понятіе о святости апостоловъ и высокихъ совершенствахъ ихъ не ослабляется тѣмъ, что оно составляется на основаніи собственныхъ ихъ писаній,—не ослабляется потому, что черты ихъ нравственности разсѣяны повсюду и нигдѣ не измѣняютъ своего вида. Такое изображеніе могло имѣть основаніемъ не минутное усиліе хитрости и обмана, но глубокое чувство истины, живущее въ сердцѣ. Притомъ же, свѣдѣнія о жизни и святости апостоловъ очерпаются не только изъ ихъ писаній, но также изъ преданія и памятниковъ послѣдующаго времени.

Наконецъ апостолы, по сошествіи на нихъ Духа Святаго, получили и обильный даръ чудотвореній, который обнаружился въ многочисленныхъ знаменіяхъ, совершаемыхъ ими. Святой Лука повѣствуетъ: *руками же апостольскими быша знаменія и чудеса въ людехъ многа.., наче же прилагашуся вѣрующіи Господеви, множество мужей же и женъ: яко и на стогны износити недужныя, и полагати на постеляхъ и на одръхъ, да грядущу Петру поне стнь его осымитъ нѣкоего отъ нихъ. Схождашеся же и множество отъ окрестныхъ градовъ въ Иерусалимъ, приносяще недужныя и страждущыя отъ духъ нечистыхъ, иже исцѣлявахуся вси* (Дѣян. 5, 12, 14—16).

Итакъ, мы видимъ въ апостолахъ, въ первыхъ свидѣтеляхъ св. вѣры Христовой, въ первыхъ ея провозвѣстникахъ, и образъ мыслей необыкновенно-высокій, и поступки безпримѣрные, и простоту изумительную, и мудрость дивную, и даръ чудотвореній чрезвычайный. А это показываетъ, что они были достойные служители завѣта, егоже водрузи Господь, а не человекъ (Евр. 8, 2), истинные посланники Божіи, и дѣйствовали на великомъ поприщѣ своего апостольства подъ особеннымъ наитіемъ высшей, божественной силы, — показываетъ, что, по-истинѣ, Духъ Святой, обѣтованный Спасителемъ подъ именемъ Инаго Утѣшителя (Іоан. 14, 16), неразлучно пребывалъ съ ними.

Но Духъ Святой обитаетъ не только въ апостолахъ, но и въ другихъ членахъ единого тѣла Христова — церкви. Особенно ощутительнымъ образомъ Онъ обнаруживался въ дарахъ благодатныхъ, которыхъ сподоблялись члены церкви Христовой. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ пишетъ: *раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ: и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь: и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствующій вся во всѣхъ. Кому же дается явленіе Духа на пользу. Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Духъ: другому же вѣра, тѣмъ же*

Духомъ: иному же дарованія исцеленій, о томъ же Духъ: другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роду языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ одинъ и тойжде Духъ раздѣляя властію коємуждо якоже хочетъ (1 Кор. 12, 4—11).

И вообще, Духъ Святый и сила Божія, всюду сопровождавшія святую вѣру Христову при первомъ ея появленіи, и послѣ всегда были и будутъ присущи ей до скончанія міра. Истина эта ясна всего открывается изъ необыкновенно-быстраго и чудеснаго распространенія церкви Христовой, а также изъ непрерывнаго ея пребыванія на землѣ, при всѣхъ враждебныхъ ей силахъ. Это суть новыя важнѣйшія и несомнѣнно-очевиднѣйшія доказательства божественности христіанской вѣры. А потому мы обратимъ здѣсь на нихъ особенное вниманіе.

Книга дѣяній, а также и писанія апостольскія свидѣтельствуютъ, съ какою изумительною быстротою распространялась христіанская вѣра и какъ далеко проникла она еще при жизни апостоловъ. Вездѣ возникали церкви Божіи, куда только достигали красныя ноги благовѣстниковъ Христовыхъ. Такъ возникали одна за другою церкви, послѣ Іерусалима, въ Палестинѣ и Сиріи, въ Кесаріи и Антіохіи, въ малоасійскихъ городахъ—Пафосѣ, Антіохіи писидійской, Иконіи, Листрѣ и Дервіи; въ городахъ македонскихъ и греческихъ—Филиппахъ, Солунѣ, Беріи, Аѳинахъ и Коринѣ, въ Ефесѣ и Милетѣ; потомъ въ самомъ Римѣ и сопредѣльныхъ съ нимъ странахъ даже до предѣловъ запада, далѣе въ Критѣ, въ Александріи, у Парфянъ и Индовъ, у Брахмановъ и Скиѳовъ. Святый Павелъ говорилъ о себѣ, что онъ наполнилъ благовѣствованіемъ все мѣста отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика (Рим. 15, 19),—о прочихъ апостолахъ, что со всю землю изыде възвѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ (Рим. 10, 18),—и вообще, что Евангеліе проповѣдуется во всемъ мірѣ, растеть и

приносить плоды (Кол. 1, 6).—Столькоже быстро распространялось христіанство и въ послѣдующее время. Плиній, проконсулъ Виѳаніи, касательно сего предмета, въ донесеніи своемъ къ императору Траяну, писалъ: „мнѣ кажется, дѣло достойно внимательнѣйшаго разсужденія, особенно по причинѣ множества находящихся въ опасности: ибо многіе всякаго возраста, всякаго сословія и обоюго пола подвергаются и будутъ подвергаться опасности: зараза сего суевѣрія распространилась не только по городамъ, но даже по селеніямъ и деревнямъ; храмы боговъ почти въ заустѣніи и торжества давно оставлены (¹)“. Около двадцати лѣтъ спустя послѣ сего, Іустинъ Мученикъ свидѣтельствовалъ, что „нѣтъ ни одного народа, ни между еллинами, ни между варварами, живутъ ли они въ шатрахъ, или кибиткахъ, или вовсе не имѣютъ жилищъ, переходя племенами съ одного мѣста на другое,—нѣтъ ни одного народа, среди котораго не возносились бы молитвы и благодаренія Отцу и Творцу всяческихъ во имя Іисуса Распятаго (²). Еще сильнѣе выражается Тертуллианъ въ своей апологіи, писанной въ концѣ 2-го вѣка; обращаясь къ римскому правительству и народу, онъ говоритъ: „мы существуемъ, такъ сказать, съ вчерашняго дня,—и уже наполняемъ все ваше: города, острова, крѣпости, мѣста собраній, самые лагери, трибы, декуріи, дворъ, сенатъ, торжище;—одни только храмы оставляемъ вамъ (³). Въ послѣдней половинѣ 3-го вѣка язычество уже представляется, какъ градъ завоеванный, котораго стѣны разрушены. А съ наступленіемъ четвертаго столѣтія церковь христіанская сіяетъ торжествомъ и славою, и пространствомъ своимъ, по словамъ святаго Аѳанасія (⁴) и Василия Великаго (⁵), равнялась пространству всей земли, извѣстной въ то

(¹) Lib. X. Epist. 97.

(²) Dialog. cum Tryphon, cap. 117.

(³) Apolog. c. 37.

(⁴) Lib. de fidei unitate.

(⁵) Epist. LXXII.

время. Согласно съ ними, Юлій Маврикъ писалъ: „гдѣ восходитъ и заходитъ солнце, гдѣ начинается сѣверъ и кончается югъ, все исполнено славою имени Христова (1)“.

Съ такою непостижимою, изумительною скоростію вѣра Христова распространилась по всему міру.—Но для насъ главнымъ образомъ здѣсь важно не то, какъ быстро распространилось христіанство, а то, что способъ его распространенія вполне достоинъ истинно-божественной вѣры и ясно свидѣтельствуетъ, что оно—подлинно дѣло Божіе.

Вникая въ исторію и наблюдая сердце человѣческое, легко открыть тѣ средства, при пособіи которыхъ люди могутъ сильно дѣйствовать на другихъ и приводить въ исполненіе отважныя свои предпріятія. Человѣка можно привлекать къ себѣ славою и знаменитостію, блестящими талантами и обширными знаніями; можно управлять имъ и употреблять для своихъ цѣлей хитрою и коварною политикою; можно обольщать его обѣщаніемъ блестящихъ выгодъ житейскихъ, богатства и чувственныхъ удовольствій; можно, наконецъ, покорять его силою. Вотъ обыкновенныя человѣческія средства пріобрѣтать себѣ многочисленныхъ сообщниковъ, имѣть надъ ними могущественное вліяніе и успѣвать въ своихъ замыслахъ!

Христіанская вѣра, при распространеніи своемъ, не пользовалась ни однимъ изъ этихъ средствъ.

Проповѣдники Евангелія были люди безвѣстные, не имѣвшіе никакой власти и силы между соотечественниками, лишеныя всѣхъ внѣшнихъ, видимыхъ преимуществъ, которыя влекутъ къ себѣ умы и сердца, и притомъ вышедшіе изъ среды низшаго класса, презираемаго тогда у всѣхъ народовъ. Апостолы не обладали ни обширною ученостію: такъ какъ

(1) Libel. *imp. imperatores de abolend. idolatriis ethnicis.* Смотри. Начерт. ад исторію пресвящен. Иннокентія, отд. 1-е, стран. 134.

были люди некнижные, совершенно незнакомые съ мудростію вѣка сего и сами называли себя *буими міра* (1 Кор. 1, 27), не имѣли ни сильнаго и пламеннаго краснорѣчія, увлекающаго толпы: ибо, по собственному ихъ сознанію, были невѣжды словомъ (2 Кор. 11, 6). И такіе-то люди рѣшились преобразовать все племена и народы, побѣдить весь міръ, и великое ихъ дѣло сопровождалось блистательнѣйшимъ успѣхомъ. Нравственный переворотъ, быстро произведенный ими въ современникахъ и столь же быстро распространившійся, и потомъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ страны въ страну, доселѣ еще продолжается. Не противоречитъ ли это всеѣмъ расчетамъ человѣческимъ? Не чудо ли это?

При распространеніи христіанской вѣры не было употреблено никакихъ средствъ недостойныхъ, нечистыхъ. Проповѣдники ея какъ сами были люди простые и чистосердечные, такъ отвращались отъ всякаго коварства и не терпѣли никакихъ хитростей. Исторія говоритъ, что апостолы вездѣ дѣйствовали откровенно, прямо, отъ души: въ Иерусалимѣ они проповѣдывали предъ Синодріономъ, въ Аѳинахъ—предъ Ареопагомъ, въ Римѣ при дворѣ самаго Кесаря. Апостолы не привлекали на свою сторону ни деньгами, ни подкупами: гдѣ могли взять сокровищъ бѣдные галилеяне, оставившіе ради Христа и то немногое, что прежде имѣли,—дома, имущество? Имъ заповѣдано было божественнымъ ихъ Наставникомъ, при апостольскомъ служеніи, не имѣть при себѣ не только золота, серебра и мѣди, но и двухъ одеждъ.

Проповѣдники христіанства не могли обольщать своихъ слушателей и обѣщаніемъ какихъ-либо блестящихъ выгодъ, богатства и чувственныхъ удовольствій. Они сами говорятъ: *утѣшеніе бо наше не отъ прелести, ни отъ нечистоты, ни лестию* (1 Сол. 2, 3). И точно, возвѣщаемое ими ученіе ни мало не ласкало страстей человѣческихъ, а напротивъ налагало на пріемлющихъ его обязанности самыя трудныя, требовало пожертвованій самыхъ тягостнѣйшихъ. Эгоистамъ оно

предписывало самоотверженіе, честолюбцамъ смиреніе, сребролюбцамъ обузданіе пожеланій чувственныхъ и удаленіе отъ всѣхъ нечистыхъ удовольствій. Кратко, оно заповѣдывало послѣдователямъ своимъ вести жизнь совершенно противоположную той, какую они вели прежде. Съ какимъ же буйнымъ упорствомъ должно было востать сердце язычника противъ евангельскаго ига, столь тяжкаго для его слабости и развращенія! Посему-то весьма справедливо замѣчаетъ одинъ глубокомысленный писатель ⁽¹⁾: „если крестъ восторжествовалъ надъ сердцами людей, то онъ сдѣлалъ такую побѣду, одержать которую гораздо труднѣе, нежели измѣнить порядокъ вселенной: ибо ничего нельзя найти въ мірѣ столь упорнаго, столь гордаго, столь неукротимаго, какъ сердце человѣческое“.

Проповѣдники христіанской вѣры не употребляли ни малѣйшаго насилія противъ непослушныхъ Евангелію. Они были въ мірѣ, по предреченію Самаго Господа, какъ овцы среди волковъ (Мат. 10, 16), и проходили страны съ словомъ благовѣстія, не имѣя при себѣ другаго оружія, кромѣ убѣжденія. Это не были и какіе-либо энтузіасты, — тѣмъ менѣе можно почестъ ихъ за фанатиковъ. Въ характерѣ фанатиковъ есть что-то мрачное, дикое и ужасное; ихъ ревность дышетъ убійствомъ и кровію; ихъ орудіе для достиженія успѣховъ — мечъ и пламень; они мстительны, совершаютъ злодѣйства во имя неба и не знаютъ угрызений совѣсти: вотъ фанатизмъ! Но судя по этимъ чертамъ, можно ли назвать фанатиками проповѣдниковъ вѣры Христовой, которые всегда дышали миромъ и любовію? Правда, они были ревностны къ вѣрѣ, не взирали съ холодностію на заблужденія и пороки язычниковъ и для обращенія ихъ охотно жертвовали даже самою жизнью; но при этомъ не проливали кровь, развѣ только свою.

(1) Bossuet. Смот. Хр. Чт. за 1836 г, ч. 3, статью о чудесномъ распространеніи христ. вѣры.

Были ли хотя одинъ язычникъ, котораго бы они заклали въ честь своей вѣры? Умышляли ли на гибель какого-либо Кесаря, ихъ гонителя? Никогда. Не смотря на то, что ихъ жесточайшимъ образомъ преслѣдовали и гнали, они не оказывали съ своей стороны ни малѣйшаго сопротивленія и всѣмъ насиліямъ противополагали одно лишь терпѣніе. Посему вовсе несправедливо и нечестиво считать проповѣдниковъ Евангелія и вообще древнихъ христіанъ энтузіастами и ихъ ревность къ распространенію вѣры производить изъ фанатизма.—А мученичество? Ужели и его должно приписать умоиступленію и фанатизму? Нѣтъ. Взирая на постоянное и непобѣдимое мужество мучениковъ, на крѣпкую и высокую силу духа, среди тяжкихъ мученій поставлявшую ихъ выше всѣхъ скорбей и страданій, нельзя здѣсь не видѣть содѣйствія божественной благодати, которая одна только могла укрѣплять цѣлыя милліоны людей всякаго пола, возраста и состоянія. Христіанское мученичество составляетъ истинное чудо силы Божіей и есть непререкаемое свидѣтельство божественности христіанской вѣры.

Итакъ, христіанство, при распространеніи своемъ, не пользовалось ни однимъ изъ тѣхъ средствъ, какія обыкновенно употребляютъ люди для достиженія своихъ цѣлей.—Чемъ же оно покорило Христу вселенную и преодолѣло всѣ препятствія? *Оружія воинства нашего, отвѣтствуетъ на это великій учитель языковъ, не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердемъ: помысленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающеся на разумъ Божій, и плтяюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово (2 Кор. 10, 4 и 5); живо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ (Евр. 4, 12); слово мое и проповѣдь моя не въ прерителныхъ человѣческихъ премудрости словесныхъ, но въ явленіи Духа и силы: да въра ваша не въ мудрости человѣчестній, но въ силу Божіей будетъ (1 Кор. 2, 3—5).* Вотъ

гдѣ скрывается тайна всего успѣха проповѣдниковъ вѣры Христовой. Они *изшедше проповѣдаша всюду, Господу споспѣшествующу, и слово утверждающе послѣдствующими знаменми, аминь* (Мар. 16, 20).

Христіанская вѣра, а вмѣстѣ и святая церковь Христова, необычайно скоро и чудеснымъ образомъ распространившаяся по всему міру, всегда пребывала и непрерывно будетъ пребывать на землѣ до конца вѣковъ. Новое доказательство божественности истинно-христіанской вѣры!

Сила сего доказательства откроется, когда рассмотримъ препятствія, угрожавшія церкви Христовой разрушеніемъ, преодоленіе ею всѣхъ препятствій къ ея существованію и наконецъ дѣйствія особеннаго попеченія Божія о сохраненіи ея на землѣ.

Созижду церковь Мою, сказалъ божественный Основатель церкви божественному исповѣднику Своему, и врата адава не одолѣютъ ей (Мат. 16, 18). Спаситель предвидѣлъ, что врата адава, отверстыя въ мірѣ грѣхомъ, при созданіи новой церкви христіанской, испустятъ противъ нея новыя силы: полчища гонителей, сонмище еретиковъ и скопище разныхъ соблазновъ.— И дѣйствительно, церковь, основанная Іисусомъ Христомъ, всегда, во всѣ времена, имѣла и имѣетъ многочисленныхъ и жесточайшихъ враговъ, какъ отвнѣ, такъ и внутри себя. Сперва іудеи, а потомъ язычники явились злѣйшими врагами новонасаждаемой церкви Христовой и усиливались всѣми средствами хитрости и жестокости уничтожить достояніе Божіе на землѣ. Императоры—Неронъ, Домиціанъ, Траянъ, Маркъ Аврелій, Септимій Северъ, Максиминъ, Децій, Валеріанъ, Діоклитіанъ, Максиміанъ, также Юліанъ богоотступникъ преемственно воздвигали гоненія на христіанъ и старались истребить самое имя ихъ. Потомъ, когда язычество въ римской имперіи не имѣло болѣе могущественныхъ покровителей и покорилося христіанской власти, со всею жестокостію оно (язычество) свирѣпствовало противъ исповѣдниковъ имени Христова въ

Персіи. Далѣе, съ появленіемъ мухаммеданства, послѣдователи ислама многіе вѣка были страшными и сильными врагами христіанства.—Еще болѣе церковь Христова имѣла враговъ внутреннихъ, которые различнымъ образомъ вредили ей. Во времена уже апостоловъ являлись такіе, о которыхъ сами они говорятъ: *отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ* (1 Іоан. 11, 19), которые отдѣлялись *отъ единости вѣры* (Іуд. 19). Въ послѣдующія времена плевелы ересей и расколовъ возникали еще въ большемъ количествѣ и усиливались съ большимъ успѣхомъ. Въ продолженіе борьбы христіанства съ язычествомъ, замѣчаетъ духовный нашъ исторіографъ ⁽¹⁾, умы добрые и злые, просвѣщенные и омраченные, приведенные въ движеніе необычайнымъ явленіемъ небеснаго ученія, сами устремлялись къ дѣятельности, хотѣли создать нѣчто подобное, и приносили плоды по роду своему. Сердце, всегда лукавое, усиливалось прикрывать свои язвы и нечистоты блестящими умозрѣніями. Тоже представляетъ дальнѣйшая исторія церкви: на священныхъ страницахъ ея, на ряду съ богосвѣтлыми именами Аѳанасіевъ, Василіевъ, Григоріевъ, Іоанновъ, Кирилловъ, легли, какъ темныя пятна, нечестивыя имена Савелліевъ, Аріевъ, Несторіевъ, Македоніевъ, Евтихіевъ и другихъ хульниковъ правовѣрія. Часто враги сіи усиливались до чрезвычайности, — какъ на пр. иконоборцы въ VIII вѣкѣ. Особенно въ новѣйшія времена множество враговъ церкви Божіей порождено лжеименнымъ любомудріемъ. Какихъ они ни употребляли средствъ, чтобы поколебать христіанство въ самыхъ основныхъ его началахъ! Пусть рѣдко они воздвигали противъ церкви брань посредствомъ огня и меча, подобно древнимъ гонителямъ; но тѣмъ опаснѣе были нападенія враговъ, воспитанныхъ лжемудрованіемъ, чѣмъ менѣе, повидимому, они были страшны и гибельны. Всѣ силы есте-

(1) Преосвщ. Иннокентій—Начерт. церк. исторіи, отд. 1-е, стр. 50.

ственного разума они употребляли на то, чтобы осмѣять, извратить и ниспровергнуть ученіе христіанское, такъ что едвали можно указать какую-либо отрасль человѣческихъ знаній, которую бы вольнодумцы не покушались употребить во вредъ ему. Кратко сказать: церковь Божія, среди множества враждебныхъ силъ, боримая столькими врагами, и явно и тайно дѣлавшими подкопы подъ всѣ столпы и стѣны града Христова, казалось, будетъ потрясена до основанія и неминуемо разрушится, слѣдуя обыкновенному порядку дѣлъ человѣческихъ.

Но не яко человекъ Богъ колеблется, ниже яко Сынъ человеческій измѣняется: Той глаголаше, не сотворитъ ли? речешъ, и не пребудетъ ли? (Числ. 23, 19)... Созданная Господомъ церковь пребываетъ непрерывно. Никакія нападенія на нее со стороны тѣхъ или другихъ враговъ и никакія бѣдствія, нерѣдко испытываемыя ею, не могли ни исторгнуть, ни подавить сего насажденія Божія. Всѣ противящіяся ей или возстающіе противъ нея, рано или поздно, ослабѣвали и падали, не смотря ни на какія усилія производящихъ брань, ни на какія покровительства сильныхъ земли, ни на какіе временные успѣхи и торжества свои. Пусть желающій видѣть славу церкви Христовой посмотритъ на великомъ пространствѣ время, которое протекла она,— пусть посмотритъ: гдѣ первые и древнѣйшіе враги Христовой церкви—Иудеи, которые въ самомъ еще началѣ хотѣли и усиливались разрушить ее? Вотъ они донынѣ для насъ служатъ свидѣтельствомъ праведнаго суда Божія надъ врагами Его Единороднаго сына, Спасителя и Бога нашего, и сохраняются въ бытіи, по вѣчнымъ опредѣленіямъ Божиимъ (Рим. 11, 25), во свидѣтельство грознаго мщенія правды Божіей предъ всѣми племенами и народами земными.— Чего достигли тѣ римскія полчища гонителей христіанства, которыя такъ, повидимому, могущественно и страшно дѣйствовали подъ сильнымъ покровительствомъ и руководствомъ Кесарей? Судьба самихъ

Кесарей — гонителей была ужасна; всё они умирали насильственной кровавою смертію, а полчища ихъ замѣтно разсѣивались и исчезали вмѣстѣ съ гибелью вождей своихъ. Воинство же Христова каждый разъ, какъ испытывало нападенія и видимыя пораженія отъ полчищъ ада, увѣнчивалось новыми доблестями и озарялось новымъ величіемъ, новою славою. Много ли успѣли и успѣваютъ и другіе враги имени Христова, вооружающіеся противъ святой вѣры? Каждое покушеніе ихъ противъ церкви Божіей служитъ новымъ доказательствомъ, съ одной стороны, безсилія враговъ, а съ другой могущества и твердости камня, на которомъ основана сія церковь, т. е. Иисуса Христа. Ибо всё враги одинъ за другимъ являлись и исчезали, оставляя по себѣ только слѣды собственнаго заблужденія и зловреднаго вліянія на другихъ, а церковь Христова стояла и стоитъ донинѣ. Науки, которыми лжемудрованіе пользовалось и пользуется къ ослабленію христіанства, въ дѣтствѣ своемъ, когда еще не достигли познанія своихъ основаній и не имѣютъ довольно опытовъ для опредѣленія началъ своихъ, могутъ быть направляемы противъ истины откровенія; но когда приходятъ въ зрѣлость, совершенствуются, тогда начинаютъ утверждать истину божественной вѣры.

Такъ, царство Иисуса Христа, Его церковь уже нѣсколько вѣковъ стоитъ незыблема, преоборая всё враждебныя ей силы, и до конца вѣковъ пребудетъ несокрушимую, непоколебимую, доколѣ изъ воинствующей не обратится въ церковь торжествующую. „Свидѣтельство сей истины можно заимствовать изъ откровенія святаго Іоанна Богослова, которое пророчесвенно изображаетъ судьбу церкви Христовой до скончанія вѣка. Въ семъ откровеніи непрерывно видимъ истинную церковь сперва въ образѣ двадцати четырехъ старцевъ окрестъ божественнаго престола (Апок. IV), *поклоняющихся живущему во вѣки вѣковъ*; потомъ, по мѣрѣ, можетъ быть, распространенія христіанства, въ числѣ ста сорока четырехъ тысячъ, *запечатлѣн-*

ныхъ печатию Бога живаго; далѣе, въ народѣ многомъ, его же исчесть никтоже можетъ, отъ всякаго языка, и колѣна, и людей, и племенъ, стоящемъ предъ престоломъ и предъ Агнцемъ (Ап. VII); далѣе, въ видѣ храма съ олтаремъ и поклонниками, который Иоанну повелѣно измѣрить (Ап. XI); еще далѣе, въ лицѣ жены, облеченной въ солнце, т. е. въ истину и добродѣтель Иисусъ-Христову, Который есть свѣтъ міру (Іоан. 8, 12), украшенной вѣнцемъ отъ звѣздъ двоионадесяте, т. е. боговѣдѣніемъ апостольскимъ, имѣющей подъ ногами луну, то есть, мудрость человѣческую, естественную (Ап. XII); еще далѣе, подъ бракомъ Агнца, она представляется женою Его, уготовившею себя и облеченною въ виссонъ оправданія святыхъ (XIX); и еще, послѣ изображенія Тайновидцемъ перваго воскресенія (XX. 5), она именуется у него святымъ стадомъ и градомъ возлюбленнымъ (XX, 9), доколѣ, наконецъ, съ новымъ небомъ и новою землею, обновляется и она въ Иерусалимъ новъ, сходящъ отъ Бога съ небеси (XXI, 2)⁽¹⁾.

На чемъ основывается твердость и незыблемость церкви Христовой? Какими силами она побѣдоносно противостоитъ нападеніямъ враговъ своихъ и торжествуетъ надъ всѣми ихъ злоумышленіями, выходя изъ бѣдствій и искушеній еще въ большей чистотѣ и свѣтлости?—Господь, владыка и глава церкви, хранитъ и защищаетъ ее Своею всеильною божественною благодатію; потому-то она и взываетъ къ Нему отъ лица вѣрующихъ: „утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, церковь“.

Для имѣющихъ очи видѣть—ясно открывается особенное попеченіе Божіе о сохраненіи церкви Христовой на землѣ. Иисусъ Христосъ даровалъ ей пастырей и учителей,—и сіе священнодѣйствіе донынѣ продолжается въ непрерывномъ порядкѣ отъ апостоловъ и запечатлѣвается благодатнымъ таинствомъ священства.

(¹) Смотр. собран. пропов. преосвящ. Филарета, ч. 2, стр. 35.

Онъ даровалъ ей, для руководства въ вѣрѣ и жизни, богодухновенное слово,—и сіе слово донинѣ *спасаемымъ сила Божія есть* (1 Кор. 1, 18); установилъ въ ней семь спасительныхъ таинствъ,—и сіи таинства донинѣ суть неисчерпаемые источники многообразной благодати Святаго Духа, благопотребной и подаваемой спасающимся въ различныхъ обстоятельствахъ духовной жизни. Иисусъ Христосъ, какъ царь благодатнаго царства, когда нужно бываетъ, для подкрѣпленія вѣры и надежды въ членахъ церкви, являетъ ей чрезвычайную Свою помощь, воздвигая мужей сильныхъ словомъ и дѣломъ и многообразно благоустраивая обстоятельства церкви на пользу ея.—Не оскудѣваетъ Христова церковь и чрезвычайными дарами. Такъ въ ней издревле сохраняются и вновь открываются нетлѣнные мощи святыхъ; это составляетъ самое величественное, вѣковое и всему міру явленное и являемое доселѣ, безмолвное, но никогда неумолкающее свидѣтельство о всемогущей силѣ и славѣ Бога христіанскаго, а равно и о божественности вѣры Христовой. Изъ писаній Святыхъ Отцевъ и изъ достовѣрныхъ преданій извѣстно, что нетлѣнные останки святыхъ, тучнѣя и процвѣтая во гробахъ своихъ, являли въ себѣ, яко тукъ и масть, духовную силу жизни, чудесно изливающуюся и на то, что окружало ихъ, и на тѣхъ, кто съ вѣрою къ нимъ приходилъ и прикасался. Въ церкви Христовой находятся благотворныя иконы, какъ кладези особенной благодати, подаваемой достойнымъ, по мѣрѣ ихъ нужды. Были въ ней во всѣ времена и другія знаменія присутствія божественной, сверхъестественной силы, какъ то: даръ вѣры чудодѣйственной, дѣйствія молитвъ, пророчества или прозрѣніе въ будущность, исцѣленія и под.

Всѣ сіи и другія дѣйствія особеннаго Божія промышленія о церкви ясно и несомнѣнно показываютъ, что Иисусъ Христосъ и Духъ святой (Мат. 28, 20. Іоан. 14, 16) всегда присутствуютъ въ ней и сохраняютъ бытіе ея Своею благодатною силою,—и это

божественное сохраненіе церкви продолжится до совершеннаго торжества свѣта надъ тьмою, добра надъ зломъ, когда будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.

Разсуждая о признакахъ истинно-божественной вѣры, мы поставили въ числѣ ихъ благотворность ея по отношенію къ роду человѣческому; теперь, въ заключеніе представленныхъ нами доказательствъ божественности истинно-христіанской вѣры, рассмотримъ: имѣетъ ли послѣдняя и этотъ признакъ?

Въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что истинно-христіанская вѣра, куда ни проникала, всюду приносила съ собою и доселѣ приноситъ самые благотворные и спасительные плоды.

Благотворныя дѣйствія христіанской вѣры въ первые вѣка ея существованія.—Чтобы видѣть эти дѣйствія, надобно взять во вниманіе нравственное состояніе тогдашняго міра, а равно какъ и вліяніе Христова ученія на жизнь истинно-пріемлющихъ оное. При появленіи христіанства, нравы народныя въ Греціи и Римѣ дошли до крайняго поврежденія. Всѣ страсти человѣческія были обоготворены въ олицѣтворенномъ видѣ, и боги примѣромъ своимъ какъ бы уполномочивали людей на всякія непотребства. Вѣка Тиверіевъ, Калигуль, Нероновъ и Каракаллъ извѣстны въ исторіи, какъ вѣка самаго печальнаго униженія достоинства человѣческаго. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ не только христіанскіе писатели, но и языческіе, и едва ли не всѣ книги, написанныя въ то время, подтверждаютъ сію истину. Въ доказательство можно указать на историческія сочиненія Саллюстія ⁽¹⁾, Тацита, Светонія, на сатиры Ювенала, Персея и др. У приведенныхъ писателей не только вообще представляются рѣзкія обличенія современныхъ пороковъ, но и приводятся многіе примѣры ужаснаго разврата и злодѣяній, которые показываютъ, до какого безстыдства и закоснѣнія во злѣ доходили нравы того времени. Не столько

(1) Особ. in cap. XI—XIII.

ли же или болѣе еще достовѣрно и то, какое удивительно-благодѣтельное дѣйствіе имѣла вѣра Христова на исправленіе сихъ нравовъ. Апостольская исторія показываетъ, что вѣрующіе во Іисуса Христа составляли совершенную противоположность невѣрующимъ: какъ эти предавались нечестію, исполнены были неправды, лукавства, злобы, вражды другъ противъ друга и т. п.; такъ, напротивъ, христіане дышали однимъ духомъ благочестія и любви къ Богу и ближнимъ, изобилующей всякими добродѣтелями, и составляли одно семейство, украшающееся высокими совершенствами. Съ такими свойствами изображаютъ первенствующую церковь Христову книга дѣяній апостольскихъ и посланія святыхъ апостоловъ. Святые Отцы и Учители церкви оставили также поучительныя свидѣтельства о святости и чудныхъ добродѣтеляхъ членовъ Христовой церкви первыхъ временъ. Такія свидѣтельства можно находить у Климента римскаго (въ 1 посл. его къ Коринѣ), Іустина мученика, Аѣинагора, Тертуліана (въ ихъ апологіяхъ), у Минуція Феликса, Лактанція и др. Даже и сами язычники удивлялись нравственному поведенію христіанъ, особенно ихъ кротости, смиренію и любви. Одни изъ язычниковъ чистосердечно выражали свое изумленіе предъ недостигаемою высотой христіанской жизни и невольно восклицали: „если здѣсь стали они (христіане) ангелами: то чѣмъ будутъ по отшествіи изъ сей жизни (1)?“. Другіе, правда, осыпали христіанъ насмѣшками и клеветами, но въ этихъ насмѣшкахъ высказывается прекрасная похвала христіанскимъ добродѣтелямъ (2), а въ клеветахъ видна только немоць зло-

(1) Злотоуст. Бесѣда 44 на Еванг. Матѳея.—

(2) На пр. Лукіанъ смѣется надъ христіанскою простотою: по его мнѣнію, христіане—жалкіе люди, на счетъ которыхъ можетъ поживиться всякій обманщикъ; смѣется надъ ихъ безкорыстіемъ, щедростію и милосердіемъ.—Предметомъ своего глумленія нечестивый язычникъ поставляетъ самыя высокія добродѣтели!

бы (¹)... Такая высоко-нравственная жизнь первенствующимъ христіанъ была плодомъ высшей, сверхъестественной божественной силы. Это было чудо, производимое благодатию въ сердцахъ людей!

Благотворныя дѣйствія христіанской вѣры во все время.— Не въ началѣ только христіанская вѣра была благотворна и обильна такими чудными плодами; но во все вѣка и донинѣ она остается такою же. Благотворныя ея дѣйствія открываются какъ въ отношеніи частныхъ лицъ, содержащихъ истинную вѣру во Іисуса Христа, такъ и въ отношеніи ко всему міру христіанскому вообще.

Исторія церкви весьма удовлетворительно показываетъ, какое высшее, благотворное вліяніе христіанская вѣра имѣетъ на жизнь истинно живущихъ по ея духу и заповѣдямъ. Спасительная вѣра Христова произвела исповѣдниковъ и исповѣдницъ, безчисленные сонмы свѣтлыхъ и добропобѣдныхъ мучениковъ и мученицъ, воспитала ревностныхъ пастырей и учителей, образовала лики стратотерпцевъ, преподобныхъ дѣвственниковъ и дѣвственницъ, неисчислимое множество и другихъ доблестныхъ подвижниковъ вѣры и благочестія, каковы аскеты... И вообще должно сказать, что церковь Христова во все время изобиловала чудными образцами истинныхъ добродѣтелей, и донинѣ, безъ сомнѣнія, изобилуетъ, гдѣ только господствуетъ живая и дѣятельная вѣра въ Господа Іисуса Христа.

Благотворныя дѣйствія христіанства, производимыя имъ въ родѣ человѣческомъ, безчисленны. Здѣсь покажемъ мы только нѣкоторыя черты ихъ, болѣе замѣтныя и болѣе общія. Христіанская вѣра возвысила понятія о достоинствѣ человѣка и о правахъ его личности, о добродѣтели и нравственности человѣческой, о человѣколюбіи и проч. Она произвела множество

(¹) Въ примѣръ, между прочимъ, можно указать на Юліана. Смотри. письм. его къ верх. жрецу Аркад.

благодѣтельныхъ учрежденій въ пользу бѣдныхъ, больныхъ и несчастныхъ; преобразовала также и улучшила состояніе рабовъ. Христіанство весьма сильно и могущественно содѣйствовало и содѣйствуетъ къ распространенію между народами истиннаго просвѣщенія; сообщаетъ лучшія понятія о дѣлахъ житейскихъ, облагораживаетъ самый вкусъ и свѣтскіе нравы. А потому, подѣ влияніемъ его частію искоренились, а частію ослабѣли многіе языческіе обычаи. Святая вѣра христіанская внесла истинное счастье и въ нѣдра семействъ. Она освободила жену отъ того презрѣнія, которое тяготѣло надъ женскимъ поломъ въ мірѣ языческомъ, и возвратила ей человѣческое достоинство. Она запретила своимъ послѣдователямъ многоженство и указала на истинный видъ супружества—единоженство, при которомъ одномъ только возможны какъ искренняя любовь и согласіе въ семействахъ, такъ и достиженіе всѣхъ нравственныхъ цѣлей супружеской жизни. Она освятила союзъ брачный таинственнымъ священнодѣйствіемъ, чрезъ которое подаются благодатныя силы къ благословенному, въ духѣ чистой любви, сожитію и такому же рожденію и воспитанію дѣтей, и объяснила духовное значеніе супружества, назвавъ его образомъ таинственнаго союза Христа съ церковію (Еф. 5, 29—33). Равно христіанство возвысило и освятило и взаимныя отношенія родителей и дѣтей; естественная любовь къ дѣтямъ получила въ немъ гораздо высшее свойство; на дѣтей стали смотрѣть, какъ уже на чадъ Божіихъ и членовъ царства небеснаго. Христіанская вѣра, гдѣ ее держатся истинно, имѣетъ благотворное влияніе и въ отношеніи къ гражданскимъ обществамъ. Проникая во всѣ начала гражданскихъ учрежденій, она внушаетъ такія постановленія и законы, которыми устанавливается и упрочивается благоденствіе народовъ. Посему съ того времени, какъ духъ евангельскаго ученія сталъ болѣе и болѣе входить въ государственныя дѣла и отношенія къ другимъ народамъ, войны сдѣлались и рѣже и менѣе

гибельны, а мирныя сношенія обширнѣе, благотворнѣе и тверже. Наконецъ, истинно-христіанская вѣра имѣетъ весьма благотѣльное вліаніе на взаимныя отношенія царей, или вообще правительства, и подданныхъ. Она заповѣдуетъ послѣднимъ: *Царя чтите* (Петр. 2, 17), *воздадите Кесаревѣ Кесареви* (Матѳ. 22, 21), *повинитесь всякому человеку начальству Господа ради: аще царю, яко преобладающему: аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ* (1 Петр. 2, 13 и 14). И это потому, что *нѣсть власть аще не отъ Бога: сущыя же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. 13, 1). А съ другой стороны внушаетъ и владыкамъ земли такія чувства, какихъ прежде они не знали по отношенію къ своимъ подданнымъ,—чувство справедливости, кротости и милосердія. Ибо она возвѣстила земнымъ правителямъ, что подданные ихъ суть дѣти одного и того же съ ними Отца Небеснаго (Мат. 5, 45; 6, 11) и братья ихъ во Христѣ Іисусѣ (Кол. 1, 2). вмѣстѣ съ тѣмъ святая вѣра Христова самымъ лучшимъ образомъ опредѣлила, возвысила и укрѣпила и взаимное отношеніе подданныхъ между собою;—и это она преимущественно сдѣлала заповѣдію о любви къ ближнимъ.

Такъ благотворна истинно-христіанская вѣра по отношенію къ роду человѣческому! Кто безъ предубѣжденія и упорства будетъ смотрѣть на всѣ дѣйствія, произведенныя ею въ мірѣ, тотъ не можетъ не убѣдиться, что она дѣло божественное и что чрезъ нее дѣйствуютъ сила, премудрость и благодать Божія. И можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, древо, приносящее столь добрые плоды, произрастать не отъ Бога?

Изъ представленнаго нами изслѣдованія о божественности вѣры православно-христіанской открывается, что она имѣетъ всѣ существенныя, отличительнѣйшіе признаки или свойства вѣры истинно-божественной.—Сдѣлаемъ здѣсь, въ заключеніе, краткое указаніе на нихъ.

Истинная вѣра христіанская во всѣхъ отноше-
ніяхъ содержитъ въ себѣ ученіе зъ высшей степени
превосходнѣйшее, — такое, лучше и совершеннѣе кото-
раго человѣкъ ни представить, ни пожелать не можетъ,
ученіе вполне сообразное съ высочайшими свойствами
Божіими. Догматическія истины ея отличаются особен-
ною глубиною, высотой и спасительностію; нравствен-
ныя — особенною чистотою, духовностію и животворно-
стію. Даже и внѣшнее ея богослуженіе носитъ на се-
бѣ ясную печать божественнаго происхожденія. И при-
томъ, все ученіе христіанское, во всѣхъ частяхъ сво-
ихъ, представляетъ совершеннѣйшее между собою един-
ство: все оно направлено къ тому, чтобы сообщить
намъ возможно-достаточное для настоящей жизни вѣ-
дѣніе о Богѣ, — особенно о Богѣ, какъ Искупителѣ
человѣческаго рода, Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ.
А потому, только въ истинной вѣрѣ христіанской чело-
вѣкъ падшій находитъ свое возстановленіе, чрезъ нее
единственно вступаетъ въ тѣснѣйшее нравственное об-
щеніе съ Богомъ: внѣ ея нигдѣ и ни для кого нѣтъ
и быть не можетъ спасенія.

Равнымъ образомъ и по внѣшнимъ признакамъ
своимъ вѣра православно-христіанская есть подлинно
вѣра истинно-божественная.

Основатель христіанства Исусъ Христосъ былъ
выше, нежели только посланникъ, подобный бывшимъ
прежде Его посланникамъ Божіимъ: жизнь Его пре-
исполнена очевиднѣйшими доказательствами божествен-
наго Его величія; объ этомъ величіи и славѣ Его пред-
возвѣстили другіе пророки, неоднократно свидѣтель-
ствовали съ небеси гласъ Бога Отца; Онъ и Самъ
творилъ такія дѣла, которыхъ никто изъ людей не мо-
жетъ творить...

Первые свидѣтели святой вѣры Христовой и пер-
вые ея провозвѣстники по вселенной — апостолы вполне
достойны чрезвычайнаго служенія своего: они были
сильны словомъ, дѣломъ и чудесами,

Тѣже несомнѣнные признаки божественности, какъ

мы видѣли, открываются и во всей исторіи истинной вѣры христіанской. — Она распространилась по всему міру съ изумительною скоростію и не чрезъ обыкновенныя средства человѣческія, но чудесно, безъ всякихъ пособій внѣшнихъ. Не смотря на множество жесточайшихъ враговъ, и внѣшнихъ и внутреннихъ, она, посреди всѣхъ опасностей и возстаній на нее, доблестно торжествуетъ надъ ними, непоколебимо пребываетъ и будетъ пребывать до конца вѣковъ. Святая вѣра христіанская наконецъ ознаменовала себя и обширными неисчислимо-благотворнѣйшими дѣйствіями въ отношеніи къ роду человѣческому.

Вообще, истинность православно-христіанской вѣры такъ непреложна, божественность ея утверждается на такихъ непоколебимыхъ основаніяхъ, что сомнѣваться въ ея истинности и божественности, значитъ — не вѣрить никакой существенности, никакой очевидности, отвергнуть вѣковыя и самыя разительнѣйшія доказательства опытовъ и письменныя свидѣтельства, возстать противъ убѣжденій ума, сердца и совѣсти...

О ЛЖИВОСТИ И МНИМО-БОЖЕСТВЕННОСТИ МУХАММЕДАНСКОЙ ВѢРЫ.

Переходя къ разсмотрѣнію мухаммеданства, мы уже не найдемъ здѣсь такой чистой истины и въ такомъ божественномъ свѣтѣ, какъ въ вѣрѣ православно-христіанской. Въ мухаммеданской вѣрѣ истина, — и то почти всегда въ несвойственномъ ей образѣ, — стоитъ на ряду съ ложью или съ примѣсью человѣческихъ вымысловъ, строгая нравственность съ явною поблажкою грубой чувственности, высокія мысли и благочестивыя чувствованія перемѣшаны съ пошлыми и соблазнительными до оскорбленія чувства цѣломудрія. Здѣсь встрѣтимъ заблужденія самыя жалкія, нелѣпости самыя сумасбродныя, басни до очевидности безсмысленныя... Словомъ сказать: мухаммеданство такъ мало самымъ дѣломъ оправдываетъ притязанія свои на названіе истинной, богооткровенной вѣры, что ему нельзя приписать и видимаго характера оной. И дѣйствительно, по приложеніи къ нему признаковъ истинно-божественной вѣры, тотчасъ откроется, что оно не только не въ состояніи удержать за собою хотя нѣкоторые изъ сихъ признаковъ, но даже не можетъ усвоить себѣ и одного какого-либо изъ нихъ во всей цѣлости и полнотѣ.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ самому разсмотрѣнію мухаммеданства (какъ предположено нами) на

основаніи признаковъ истинно-откровенной вѣры, — чтобы точка зрѣнія на предметъ была тверже установлена и взглядъ на него вполне правиленъ, — предпошлемъ нѣкоторыя предварительныя замѣчанія о мухаммеданскомъ вѣроученіи.

Мухаммеданская вѣра въ томъ видѣ, какъ ее исповѣдуютъ нынѣшніе мусульмане, очень отлична отъ религіознаго ученія самаго Мухаммеда. Взглядъ Мухаммеда на вѣру былъ простой, чисто-естественный, и притомъ общій, нисколько неразвитый въ подробностяхъ. Поклоненіе Богу, совершенная преданность Ему Единому, зависимость отъ Него людей, которые суть Его рабы во всѣхъ отношеніяхъ, и въ настоящемъ и въ будущемъ мірѣ, — вотъ сущность и, можно сказать, составъ предложенной Мухаммедомъ вѣры, подъ именемъ откровенной. Эти общія положенія неизмѣнно, въ различныхъ только словахъ и выраженіяхъ, излагаются во всемъ ал-коранѣ.

Впослѣдствіи же времени мухаммеданская вѣра развилась въ довольно-стройную, саму въ себѣ замкнутую систему. Богословы и комментаторы мусульманскіе не мало положили труда, пока ихъ вѣра не достигла такого развитія, не получила настоящаго вида ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Нынѣшняя система мухаммеданскаго вѣроученія основывается на слѣдующихъ четырехъ источныхъ началахъ. Первое — коранъ, или съ членомъ — ал-коранъ, главнѣйшій источникъ мухаммеданской вѣры въ отношеніи догматическомъ, нравственномъ и обрядовомъ; второе — суннетъ, или преданіе, которое соотвѣтствуетъ іудейской мишнѣ. Оно не признается мухаммеданами за божественное, какъ коранъ, и принимается не всѣми. Это не что иное, какъ устное ученіе основателя ислама, преданное письменно, спустя два вѣка, знаменитымъ Аль — Бохари, который изъ 200,000 преданій сомнительныхъ выбралъ 7265 вѣрныхъ. Онъ ходилъ каждый день молиться въ храмъ Мекки и тамъ совершалъ омовенія, чтобы лучше усвѣтъ въ предпринятомъ трудѣ, и когда кончилъ оный, положилъ произведеніе свое въ мечети, а потомъ на гробницѣ пророка (смот. у Кантю Hist. Univ. t. IV p. 69). Сперва исламъ и ограничивался этими только двумя источниками. Но когда новыя обстоятельства представляли новые затруднительные случаи,

Но поелику они, при разсужденіи о предметахъ вѣры, не давали мышленію своему достаточной свободы, не углублялись въ самыя основанія богословскихъ истинъ: то образовавшаяся подъ ихъ взглядами система вѣроученія необходимо должна была принять множество внѣшнихъ, пустыхъ утонченностей, и отъ того естественно превратиться въ формализмъ сухой, лишенный духа и жизни.

Далѣе, при изложеніи предварительныхъ замѣчаній о мухаммеданскомъ вѣроученіи, находимъ нужнымъ сказать здѣсь о томъ, какъ Мухаммедъ смотрѣлъ на вѣру вообще и, въ частности, въ какомъ отношеніи онъ поставлялъ исламъ свой къ истинному, божественному откровенію. Важность сего вопроса будетъ видна изъ самаго разсмотрѣнія его.

для которыхъ нельзя было найти ни въ ал-коранѣ, ни въ суннетѣ яснаго и удовлетворительнаго рѣшенія,—люди, пользовавшіеся общимъ уваженіемъ народнымъ (мюджтехиды), по праву, предоставленному силою нѣсколькихъ статей суннета, дѣлали собранія (иджмаа), гдѣ и рѣшали сомнительные вопросы. Приговоры этихъ собраній сдѣлались третьимъ источникомъ мухаммеданскаго вѣроученія. Въ то же время нѣкоторые изъ мюджтехидовъ, основываясь на извѣстныхъ мѣстахъ ал-корана, думали, что непременно о всякомъ дѣлѣ, особенно сколько-нибудь важномъ, касающемся вѣры, можно и должно найти рѣшеніе въ словѣ Божіемъ, какъ мусульмане величаютъ лжеоткровеніе свое, ибо тамъ говорится: «Мы ниспослали тебѣ (о Мухаммедъ!) сію книгу (коранъ) для изясненія всего (Сур. XVI, 91)»; «не существуетъ ни зернушка во мракахъ земли, ни свѣжаго, ни сухаго, о которомъ бы не было говорено въ святой книгѣ (Сур. VI, 59)». Слѣдовательно,—такъ думали мюджтехиды, — если яснаго, непосредственнаго рѣшенія въ ал-коранѣ и нельзя видѣть на нѣкоторые предметы: то по крайнѣй мѣрѣ можно найти въ немъ подобное, равносильное, хотя прямо и невыраженное. Соображая все это, богословы мухаммеданскіе постановили четвертымъ и дополнительнымъ источникомъ своего вѣроученія клятвъ — сравненіе или сравнительное приложеніе.

Основываясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ корана ⁽¹⁾, можно полагать, что Мухаммедъ въ общихъ чертахъ имѣлъ почти вѣрный взглядъ на вѣру. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на завѣтъ или нравственный союзъ между Богомъ и человѣкомъ. Союзъ этотъ самъ собою предполагаетъ условія какъ со стороны Бога, такъ и со стороны человѣка. Съ своей стороны Богъ, для поддержанія сего завѣта или союза, научаетъ людей всему тому, что они должны знать и дѣлать, и сверхъ того щедряетъ ихъ всякими благодѣянiями; а люди съ своей стороны обязаны вѣровать тому, чему они научаются свыше, должны совершенно предаться въ волю Божию и осуществлять въ дѣятельной своей жизни вѣру и преданность волѣ Божіей.

Наставленіе людей отъ Бога предметамъ вѣры и нравственности началось со времени перваго человѣка и вмѣстѣ перваго пророка — Адама и продолжалось чрезъ длинный рядъ откровеній, сообщаемыхъ избраннымъ Божиимъ до явленія его — Мухаммеда, послѣдняго пророка. Такъ, когда истинная вѣра приходила въ забвеніе, или теряла главное свое основаніе, Богъ посылалъ о томъ знаменія и новыя постановленія устами Своихъ пророковъ, которые должны были или только указать людямъ ихъ заблужденія и обратить отъ еувѣрія къ установленнымъ уже догматамъ, или утвердить нѣкоторые новые догматы, преобразовать и усовершенствовать древнія вѣрованія.

Отсюда можно видѣть, что Мухаммедъ не отвергалъ божественнаго посланничества ветхозавѣтныхъ патріарховъ и пророковъ; напротивъ, поставлялъ себя въ тѣсной, необходимой связи съ ними. Онъ неоднократно увѣрялъ своихъ послѣдователей, что учитъ ихъ

(1) Мѣста эти: сур. II, 25, гдѣ свидѣтельствуется о завѣтѣ Господнемъ, заключенномъ внутренно, — сур. VII, 171, гдѣ Богъ представляется договаривающимся съ людьми, — сур. VII, 100, гдѣ Богъ говоритъ о невѣрности людей завѣту. — Смотри еще сур. XX, 144; XXXIII, 7.

тойже самой вѣрѣ, которой первоначально учили Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей и Иисусъ Христосъ, что вѣра его есть только возстановленіе и усовершенствованіе вѣры іудейской и христіанской. Такъ, во второй сюрѣ онъ нѣсколько разъ повторяетъ это увѣреніе. „Мы поклоняемся, говоритъ онъ, Богу отцевъ нашихъ—Авраама, Измаила и Исаака, единому Богу, и Ему предаемъ себя. Мы послѣдуемъ закону правовѣрнаго Авраама, который не былъ идолослужитель. Мы вѣруемъ и въ то, что было ниспослано Аврааму, Измаилу, Исааку, Иакову и колѣнамъ ихъ. Мы также вѣруемъ и тому, что было открыто Моисею, Иисусу и другимъ пророкамъ отъ ихъ Господа; мы не дѣлаемъ ни какого между ними различія, и предаемъ себя Богу. Если прочіе такъ вѣруютъ, какъ мы вѣруемъ, то они во истину шествуютъ путемъ истиннымъ; если же отъ сего пути возвращаются вспять, то находятся въ расколѣ и заблужденіи (1)“.

Такимъ образомъ Мухаммедъ выдавалъ исламъ свой въ сущности за ту же самую богооткровенную вѣру, которую исповѣдывали древніе патріархи, руководимые и наставляемые самимъ Богомъ, которая впоследствии была начертана въ законѣ Моисеевомъ и которую, наконецъ, *многочаститъ и многообразитъ древле Богъ глаголюый отцемъ во пророцѣхъ* (Евр. 1, 1) раскрылъ во всей полнотѣ и всецѣлости чрезъ Единороднаго Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа.—Но это со стороны самозваннаго пророка есть дерзкое, святотатственное посягательство: исламъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не долженъ стоять на ряду съ ветхозавѣтною, тѣмъ болѣе съ новозавѣтною вѣрою. Христіанство и мухаммеданство—двѣ вѣры, не смотря на видимое въ нѣкоторыхъ пунктахъ сходство, по духу своему и главнымъ, кореннымъ истинамъ, совершенно противоположныя одна другой. Истинность

(1) Почти тоже говорится и въ сюрѣ XLII, 11.

первой необходимо исключаетъ истинность послѣдней. И дѣйствительно, мухаммеданство есть вѣрованіе ложное, самодѣльное, составляющее собственное изобрѣтеніе лжепророка, гдѣ отразились личные его недостатки и часто позорнѣйшія страсти, изобрѣтеніе, показывающее всякое отсутствіе истинно-божественной, свыше-откровенной вѣры.

Для раскрытія и показанія лживости и мнимо-божественности мухаммеданства, мы удерживаемъ тотъ же самый, весьма удобоприложимый, методъ изслѣдованія, которымъ доказывали истинность и божественность вѣры православно-христіанской, т. е. — приложеніе признаковъ истинно-божественной вѣры.

Мухаммеданское вѣрованіе не имѣетъ ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ признаковъ истинно-богооткровенной вѣры, даже, какъ мы уже и говорили, не въ состояніи выдержать и нѣкоторыхъ изъ сихъ признаковъ; мало того: къ нему нельзя приложить и одного какого-либо признака ея во всей цѣлости и полнотѣ.

А

МУХАММЕДАНСКАЯ ВѢРА НЕ ИМѢЕТЪ ВНУТРЕННИХЪ ПРИЗНАКОВЪ ИСТИННО-БОЖЕСТВЕННОЙ ВѢРЫ.

Чтобы сужденіе наше о лживости и мнимо-божественности мухаммеданской вѣры по внутреннимъ признакамъ имѣло твердое основаніе, изложимъ напередъ, сколько нужно для цѣли, содержаніе ея ученія. Для сего нѣтъ нужды слишкомъ подробно разбирать мухаммеданское вѣроученіе: довольно разсмотрѣть въ возможно-общихъ чертахъ двѣ главныя ея стороны — догматическую (имань) и нравственную (динь); также сдѣлаемъ краткій взглядъ и на внѣшнее богослуженіе мусульманъ.

ДОГМАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МУХАММЕДАНСКОЙ ВѢРЫ.

Догматическое учение мухаммеданской вѣры, по смыслу корана и по понятію богослововъ мусульманскихъ, главнымъ образомъ состоитъ изъ слѣдующихъ частныхъ пунктовъ: изъ вѣры въ Бога Единого, изъ вѣры во всевластіе Божіе или ученія о судьбѣ, изъ вѣры въ ангеловъ, изъ вѣры въ воскресеніе, день суда и воздаяніе по дѣламъ и, наконецъ, изъ вѣры въ писанія и пророковъ.

Разсмотримъ обстоятельнѣе исчисленные здѣсь пункты.

1. У Мухаммеда была вѣрная мысль о Богѣ, какъ неизобразимомъ Духѣ, чуждомъ всѣхъ условій матеріи, какъ о существѣ высочайшемъ, единомъ, вѣчномъ, премудромъ, всемогущемъ и милосердомъ, неограниченномъ царѣ и владыкѣ, которому все подчинено на небеси и на земли. Но какъ человѣкъ шаткій и непослѣдовательный въ религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ, Мухаммедъ допустилъ въ своемъ ал-коранѣ много ложныхъ и нелѣпыхъ понятій о сей важнѣйшей истинѣ вѣры. Напр. Богъ представляется у него совѣщающимся съ ангелами о созданіи человѣка (¹), попрекающимъ человѣка тѣмъ, что Онъ призываетъ его къ истинной вѣрѣ (²), перехитряющимъ людей (³), прельщающимъ ихъ и посылающимъ діавола побуждать ихъ ко грѣху (⁴) и проч. Также иногда Мухаммедъ приписываетъ Богу нечистые и предосудительные образы, вовсе недостойные существа всесовершеннѣйшаго...

Въ частности, касательно ученія о Богѣ, самый главный и существеннѣйшій догматъ мухаммеданской вѣры есть ученіе о единствѣ Божіемъ. Догматъ этотъ

(¹) Сюр. II, 30.—

(²) Сюр. XLIX, 17.—

(³) Сюр. IV, 136.—

(⁴) Сюр. VI, 107—112; XIV, 4; XXVII, 4.

такъ излагается въ символѣ мусульманскомъ: „слово единства: исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха. Онъ одинъ; нѣтъ у Него соучастника; Ему царство, Ему хвала; Онъ живить и мертвить; Онъ живъ и безсмертенъ; въ рукахъ Его счастье и Онъ всемогущъ“. Вѣра въ единство Божіе, по понятію мусульманъ, такъ важна, что безъ нея не возможно спасеніе, всѣ добрыя дѣла безъ соединенія съ нею ничего не значатъ и совершенно бесполезны. Потому въ ал-коранѣ находятся самыя строгія прещенія противъ непризнающихъ, по мнѣнію Мухаммеда, единства Божія. „Невѣрные говорятъ, часто восклицаетъ онъ, — Всесильный породилъ чадъ: какъ небеса не разрушатся, земля не разверзется, какъ горы не опрокинутся и не падутъ, когда они произносятъ это! Ибо не прилично Богу раждать дѣтей. Боже! отврати насъ отъ такого безумія. Хвала Ему! Онъ создалъ небеса и землю. Какъ Онъ можетъ имѣть дѣтей, когда у Него нѣтъ жены (¹)“?

2. Съ вѣрою въ единство Божіе тѣсно связана вѣра во всевластіе Божіе или въ ученіе о судьбѣ.—Все, что ни происходитъ въ мірѣ, происходитъ по изволенію Всевышняго Бога, по Его намѣренію и Его неизбѣжному опредѣленію. Все бывшее, сущее и имѣющее быть—отъ вѣчности написано по всемогуществу и предвѣднію всевѣдущаго Господа въ *ляуху-ль-махфузу* (²). Богъ есть творецъ не-

(¹) Сур. IV, 100 и 101, также сур. X, XIX и CXII.—последняя—о сущности Божіей—находится въ особенномъ почтеніи у мухаммеданъ: они столь высоко цѣнятъ ее, что равняютъ цѣлой трети всего ал-корана.

Когда въ коранѣ говорится отъ лица Божія, что мы сдѣлали то и то, намъ угодно то и то, и тому под.,—въ этомъ случаѣ подобныя выраженія отнюдь не показываютъ множественности лицъ въ Богѣ, а только означаютъ Его величіе.

(²) Именемъ этимъ у мухаммеданъ называется небесная скрижаль необъятной величины, которая, по ихъ представленію, такъ же длинна, какъ пространство, отдѣляющее небо отъ земли, и такъ же широка, какъ пространство отъ востока до запада, и которая охраняется тысячами ангеловъ, чтобы демоны не узнали ея содержанія.

Только самого человека, но и всѣхъ дѣлъ его. Всякому уготована известная степень счастья или несчастья; судьбу каждого человека Богъ привязалъ къ вѣи его, какъ бы ожерельникъ, который никакому смертному невозможно сбросить съ себя. Онъ же, всемогущій, творитъ невѣріе невѣрныхъ, праведность праведныхъ, нечестіе нечестивыхъ. „Богъ, учитъ Мухаммедъ, вводитъ въ заблужденіе и наставляетъ на путь правый—кого восхощетъ, ибо Онъ всемогущъ и премудръ (¹).“ Словомъ: все, когда-либо существовавшее, существующее и имѣющее существовать, должно существовать такъ и столько, какъ и сколько определено Богомъ, выполняемая своимъ существованіемъ, волею или неволею, Его божескую волю и намѣреніе.

Впрочемъ, въ ал-коранѣ все такъ смѣшано, безпорядочно и нестройно, что трудно и едва ли возможно съ точностію и определенностію высказать сущность того или другаго богословскаго понятія, и въ особенности это должно сказать по отношенію къ ученію о всевластїи Божіемъ или о судьбѣ. Въ джеоткроеніи мухаммедовомъ, при безчисленномъ множествѣ мѣстъ въ пользу безусловнаго предопредѣленія, есть нѣсколько мѣстъ, хотя и не рѣшительныхъ, и въ пользу свободы человѣческой. Видно, что Мухаммедъ колебался, совершенно ли отнять свободу у человека, или оставить ему хоть нѣсколько оной, и склонялся болѣе къ безусловному предопредѣленію.

Поэтому и послѣдователи Мухаммеда не одинаково разсуждаютъ относительно сего пункта ученія. Одни изъ нихъ допускаютъ чисто безусловное предопредѣленіе. Это вообще приписывается суннитамъ, а въ частности сектѣ Джабрійэ, по понятіямъ которой всѣ дѣйствія человека, добрыя и порочныя, происходятъ именно вслѣдствіе неотразимой необходимости. Шиты же,

(¹) Сур. XIV, 5; также мысли Мухаммеда о безусловномъ предопредѣленіи можно видѣть въ сур. VII, XXX, XLII, LXXVIII, LXXXIII..

и преимущественно образованный классъ между ними, или вовсе не вѣрятъ въ ученіе о неизбѣжномъ рокѣ (доказывая, что такого страннаго догмата пророкъ и не думалъ внушать, и вслѣдствіе того мѣста алкорана, въ которыхъ прямо говорится въ пользу безусловнаго предопредѣленія, толкуютъ аллегорически и мистически), или хотя и признаютъ этотъ догматъ, но значительно смягчаютъ его, исповѣдая такъ: „Богъ хочетъ въ насъ нѣчто и хочетъ отъ насъ нѣчто: то, что хочетъ въ насъ, Онъ скрылъ; что же хочетъ отъ насъ, открылъ намъ. Какъ дурно дѣлаемъ мы, когда стараемся проникнуть въ то, что Богъ хочетъ въ насъ, пренебрегая тѣмъ, что хочетъ отъ насъ“.

Вообще же, надобно допустить, что ученіе о безусловномъ предопредѣленіи или судьбѣ составляетъ одинъ изъ существенныхъ догматовъ исламизма, что подтверждается особенно практикою мухаммеданъ: они всюду видятъ владычество рока, какъ въ дѣлахъ житейскихъ, такъ и въ нравственно-религіозныхъ дѣйствіяхъ. Отсюда-то главнымъ образомъ происходитъ и ихъ нравственное и умственное усыпленіе...

3. Весьма важное мѣсто въ мухаммеданской догматикѣ занимаетъ ученіе объ ангелахъ.

Коранъ предписываетъ непремѣнную вѣру въ бытіе ангеловъ; по его взгляду, тотъ невѣрный, кто говоритъ, что нѣтъ такихъ существъ. Собственно же ученіе мухаммеданъ объ ангелахъ можно представить въ слѣдующемъ: ангелы суть существа высшія человѣка; они имѣютъ тѣло чистое и тонкое, созданное изъ огня; они ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни распространяютъ своего рода. Ангелы имѣютъ различныя должности: одни изъ нихъ служатъ Богу различными тѣлодвиженіями, другіе воспѣваютъ Ему похвалы, иные записываютъ дѣянія людей и возносятъ къ трону Бога молитвы ихъ, или отправляютъ другія должности.

Четыре ангела особенно близки къ Богу: это—Гавріиль—ангелъ откровенія, Михаилъ—раздаятель даровъ Божіихъ, потребныхъ людямъ на землѣ, Азра-

иль — ангель смерти, который отдѣляетъ души отъ тѣлъ (этотъ же ангель, гласитъ мухаммеданское преданіе, принесъ Богу землю, изъ которой Онъ сотворилъ перваго человѣка), и Израфиль, который будетъ трубить въ день воскресенія.

Діаволь, котораго Мухаммедъ называетъ Иблисъ (*diabolos*) за его отчаяніе, былъ одинъ изъ числа ближайшихъ къ престолу Божію ангеловъ; онъ назывался Азазиль. Паденіе его въ грѣхъ, по ал-корану ⁽¹⁾, послѣдовало отъ того, что онъ отказался воздать поклоненіе Адаму. Когда, по одушевленіи статуи послѣдняго, вылепленной изъ глины семи разныхъ слоевъ и разныхъ цвѣтовъ, Богъ сказалъ ангеламъ: „простритесь предъ Адамомъ и бейте ему челомъ за то, что онъ умнѣе васъ: ибо умѣлъ дать имена всѣмъ тварямъ земнымъ“; тогда свѣтоносный Иблисъ и полчища другихъ гордыхъ духовъ воспротивились Божію повелѣнію, за что и были низвержены съ неба...

Между безплотными ангелами и плотяными людьми находится особый видъ существъ, такъ называемыхъ джинновъ или геніевъ. Они созданы изъ воздуха и по природѣ своей грубѣе ангеловъ. Общее у нихъ съ ангелами то, что они имѣютъ крылья, могутъ летать, какъ ангелы, съ одного конца міра на другой, и имѣютъ нѣкоторое познаніе будущаго; а общее съ людьми то, что они ѣдятъ и пьютъ, распространяютъ свой родъ и подвержены смерти.

4. Весьма часто и весьма много Мухаммедъ говоритъ о послѣдней судьбѣ міра и людей.

Будеть, по ученію корана, воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ и воздаяніе по дѣламъ. — Время воскресенія извѣстно только Одному Богу; даже самъ архангель Гавріиль признавался Мухаммеду въ своемъ невѣдѣніи касательно этого предмета. Впрочемъ, о близости послѣднихъ судебъ міра можно судить по нѣкоторымъ

(1) Сюр. II, 30—34.

чрезвычайнымъ знаменіямъ. Главныя между ними, по преданію мусульманъ, слѣдующія: солнце взойдетъ на западъ и потечетъ на востокъ; луна разсѣчется на двѣ половины, изъ коихъ одна явится на сѣверѣ, а другая на югѣ; выйдеть изъ нѣдръ земли чудовище невиданной, ужасной величины. Вотъ описаніе этаго чудовища: форма его будетъ состоять изъ разныхъ частей разныхъ животныхъ,—оно будетъ съ головою быка, ушами слона, глазами свиньи, рогами оленя, шею страуса, грудью льва, ногами верблюда и крикомъ осла. За тѣмъ послѣдуетъ взятіе Константинополя, явленіе антихриста, котораго Евреи признають за Мессію, сына Давидова, и который возстановитъ іудейское царство,—сошествіе Иисуса Христа на землю, который будто бы приметъ исламъ, вступитъ въ бракъ, убьетъ антихриста и будетъ царствовать 40 лѣтъ. Но, вдругъ вторгнутся въ его царство Гогъ и Магогъ, разрушатъ храмъ въ Меккѣ—Каабу, разобьютъ черный камень и осквернятъ гробъ Мухаммеда“.

Впрочемъ, эти признаки воскресенія рѣшительно еще не опредѣляютъ часа его. Непосредственно предшествующій часу сему признакъ долженъ быть первый изъ трехъ звуковъ трубы архангела. Этотъ звукъ называется звукомъ смущенія: потому что всѣ живущіе на небесахъ и на землѣ исполнятся великаго ужаса, исключая тѣхъ, которыхъ Самъ Богъ возжелаетъ изъять отъ сего ужаса ⁽¹⁾. Коранъ, для большаго возбужденія страха къ дню воскресенія, приписываетъ удивительныя дѣйствія первому звуку архангельской трубы. Такъ, напр., что земля разверзетъ свои нѣдра и будетъ трястись; не только зданія сравняются съ землею, но и горы; небеса поколеблются, солнце померкнетъ, звѣзды спадутъ на землю, моря иссохнутъ, или превратятся въ огонь и проч. За первымъ звукомъ вослѣдуетъ другой, называемый звукомъ умерщвленія.

(1) Сюр. XXXIX, 68 и 69.

Тогда всѣ твари, населяющія небо и землю, умрутъ; послѣднимъ умретъ ангелъ смерти. Все это произойдетъ въ мгновеніе ока, или въ одинъ мигъ. Спустя 40 лѣтъ послѣ втораго звука, раздастся третій звукъ воскресенія, когда трижды протрубитъ въ трубу архангелъ Израфилъ, который вмѣстѣ съ Гавріиломъ и Михаиломъ будетъ воззванъ къ жизни прежде всѣхъ другихъ существъ. По этому тройственному звуку трубы всѣ умершіе воскреснутъ, и тогда тотъ же Израфилъ, ставши на утесѣ іерусалимскаго храма, позоветъ всѣхъ къ суду.

По вѣрованію мухаммеданъ, воскресеніе будетъ общее, распространенное на всѣ твари — ангеловъ, джинновъ, людей и животныхъ.

Родъ человѣческій будетъ судимъ не тотчасъ же, какъ только соберутся всѣ народы; прежде суда ангелы разставятъ всѣхъ по чину и порядку, и люди въ такомъ положеніи станутъ ожидать суда 40 лѣтъ, по другимъ 70, — 300, а по мнѣнію нѣкоторыхъ даже 50,000 лѣтъ. Каждое изъ сихъ мнѣній основывается на авторитетѣ пророка.

Когда послѣ воскресенія пройдетъ опредѣленный срокъ, Богъ, наконецъ, явится на судъ. Мухаммедъ вступитъ въ должность ходатая, послѣ того, какъ Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей и Іисусъ будутъ исключены изъ сей должности, довольствуясь испрошеніемъ освобожденія отъ мученій только своимъ душамъ.

Послѣдній судъ продолжится не долго: Богъ всегда скоръ въ произведеніи суда. Именно, по представленію мухаммеданъ, Богъ будетъ судить только полдня, или, какъ нѣкоторые сокращаютъ, менѣе мгновенія ока.

Для соблюденія справедливости, будутъ поставлены вѣсы; архангелъ Гавріилъ будетъ держать ихъ. Чашки этихъ вѣсовъ, изъ которыхъ одна будетъ повѣшена надъ раемъ, а другая надъ адомъ, столь огромны, что могли бы поддержать небо и землю. Хотя нѣкоторые понимаютъ въ смыслѣ аллегорическомъ то, что

въ коранѣ говорится о вѣсахъ, но древнее мнѣніе правовѣрныхъ принимаетъ повѣствованіе о вѣсахъ буквально. Поелику же дѣйствія и слова не могутъ быть взвѣшиваемы, то на вѣсы будутъ положены книги, въ которыхъ записаны оныя. Приговоръ будетъ произнесенъ смотря потому, куда перетянетъ книга добрыхъ или злыхъ дѣлъ.

Послѣ суда, получившіе право войти въ рай пойдутъ съ правой стороны, а осужденные — съ лѣвой; но тѣ и другіе по мосту, называемому сиратъ, устроенному поверхъ ада. Мостъ этотъ будетъ тонше волоса и острѣе острія меча. Добрые безъ всякаго затрудненія, легко и скоро, какъ молнія или какъ вѣтеръ, пройдутъ по этому страшному мосту въ слѣдъ за Мухаммедомъ, — и тотчасъ же вступятъ въ рай, восклицая при вратахъ его: „хвала Богу, благоволившему совершить свои обѣтованія! рай Его есть наслѣдство наше“. А нечестивые прямо низвергнутся въ разверженный подъ ними адъ.

Ни о чемъ такъ часто не упоминается въ алкоранѣ, какъ о раѣ и адѣ. Нѣтъ почти сюръ, въ которой бы не было сказано о томъ и другомъ нѣсколько словъ; и притомъ вездѣ, гдѣ только говорится о семъ предметѣ, говорится съ особеннымъ воодушевленіемъ и увлеченіемъ въ сильныхъ, пламенныхъ и энергическихъ стихахъ. Видно, что то былъ любимый предметъ Мухаммеда.

Все, что могла придумать пылкая, неистощимая на вымыслы, восточная фантазія пріятнаго, радостнаго и увеселительнаго, находится въ изображеніи Мухаммедова рая. Такъ станемъ говорить словами корана, земля въ раю будетъ изъ наилучшей пшеничной муки или изъ чистѣйшаго шафрана; камни въ немъ, какъ перлы и іацинты; стѣны усыпаны золотомъ и серебромъ; стволы всѣхъ деревъ чисто-золотые. Между деревьями красивѣйшее и наиболѣе лучшее дерево Тюба, или древо счастья. Древо это хотя будетъ находиться въ палатахъ пророка, но по отростку его будетъ въ

домѣ и у каждаго вѣрующаго. Оно отягчено гранатовыми яблоками, виноградомъ, финиками и другими прекрасными плодами, необыкновенными по своей величинѣ, неизвѣстными по вкусу для смертныхъ. Такъ какъ обиліе водъ дѣлаетъ извѣстныя мѣста пріятными, то въ коранѣ часто говорится объ источникахъ райскихъ. „Тамъ рѣки всегда чистой воды, тамъ рѣки молока, всегда сладкаго для вкуса, тамъ рѣки вина, всегда пріятнаго для питья, тамъ рѣки свѣтлаго меду (¹)“. Кроме рѣкъ, рай будетъ орошаемъ безчисленнымъ множествомъ источниковъ и фонтановъ.

Правовѣрные, обитая въ такомъ раю, будутъ проводить жизнь веселую, исполненную всякихъ удовольствій, — будутъ покоиться на пышныхъ ложахъ и мягкихъ возглавіяхъ, покрытыхъ златошвейными покрывалами, и на прекрасныхъ коврахъ, подъ сѣнію самаго престола Божія; будутъ облечены въ зеленыя одежды изъ превосходнаго шелку и атласа и украшены ожерельями и браслетами изъ золота и жемчужинъ, бѣлѣйшихъ снѣга. И Господь будетъ говорить имъ: „Ѣшьте и пейте, услаждая чрево свое въ награду за сдѣланныя вами добрыя дѣла; возлежите на ложахъ, стройно поставленныхъ (²)“.

Но главное украшеніе рая и главное блаженство правовѣрныхъ составятъ плѣнительныя гуріи. Онѣ существа прекраснѣйшія, безъ всякаго недостатка: созданы не изъ глины, какъ обыкновенныя смертныя женщины, но изъ чистаго мускуса. Онѣ свободны отъ всѣхъ нечистотъ и слабостей пола. „Я дамъ вамъ, говорится въ коранѣ отъ лица Божія, въ супруги дѣвъ черноокихъ и голубоокихъ: воистину я создалъ для васъ райскихъ дѣвъ особливымъ созданиемъ, создалъ вѣчными дѣвственницами и равными по лѣтамъ съ вами, для вашего увеселенія (³)“.

(¹) Сюр. XLVII, 16 и 17.

(²) Сюр. LI, 19 и 20.

(³) Сюр. LV, 45.

Степени блаженства будутъ различны: на высшей степени онаго будетъ столько наслажденій и удовольствій, что для того, чтобы вполнѣ воспользоваться ими, недостаточно обыкновенныхъ силъ человѣческихъ. Посему Богъ одаритъ каждого, предназначеннаго къ высшему блаженству, сотнею силъ человѣческихъ. И притомъ, блаженные всегда будутъ имѣть молодость неизмѣняемую, ростъ ихъ будетъ величественный, одинаковый съ ростомъ Адама, т. е. (какъ думаютъ мухаммедане) не мѣнѣе 60 лактей.

Такъ, рай Мухаммедовъ попреимуществу рай чувственный, исполненный земныхъ наслажденій, сладострастія и празднаго покоя. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ корана и встрѣчаются указанія на блага духовныя, которыя будутъ состоять въ созерцаніи личности Божіей утромъ и вечеромъ, въ общеніи съ ангелами и молитвенныхъ занятіяхъ: то объ этихъ благахъ Мухаммедъ говоритъ очень мало и какъ бы между прочимъ. Главнымъ же образомъ обращаетъ вниманіе своихъ послѣдователей на такія удовольствія, которыми можетъ наслаждаться только одна нисшая половина существа человѣческаго, одно тѣло.

Сколько Мухаммедъ описалъ рай чувственно-соблазнительными, пріятными картинами, столько же воображеніе его позаботилось населить адъ всѣмъ, что есть скорбнаго, мучительнаго и ужаснаго.

Для составленія себѣ понятія объ адѣ и адскихъ мученіяхъ, по взгляду мусульманъ, возьмемъ нѣсколько мѣстъ изъ ал-корана и также изъ преданій.

Отъ рая адъ будетъ отдѣляться стѣною необъятной широты и величины;—это, кажется, копія съ непроходимой пропасти, находящейся между раемъ и адомъ, пропасти, упоминаемой въ Св. Писаніи (Лук. 16, 26). Самый адъ будетъ раздѣленъ на 7-мь отдѣленій, одно другаго ниже. въ которыхъ должны помѣститься грѣшники разнаго рода. Поверхъ cadaго отдѣленія станеть бодрствовать стража изъ 19 ангеловъ.

Что касается мученій, которымъ подвергнутся заключенные въ адѣ, то эти мученія подробно и самыми черными красками описаны въ коранѣ и преданіяхъ. Мученія ада главнымъ образомъ будутъ состоять въ нестерпимомъ жарѣ и холодѣ, ничемъ неутолимой жаждѣ и голодѣ; особенно страшно для нечестивыхъ будетъ дерево „Закумъ“, возвышающееся изъ глубины преисподней, плоды котораго стольже смертельны, какъ жало зміино... Степень адскихъ мученій будетъ различна, сообразно степени самыхъ преступленій. Мученія не для всѣхъ вѣчны: мухаммедане-грѣшники, послѣ очищенія наказаніями, освободятся по ходатайству за нихъ пророка; противное сему мнѣнію у нихъ признается еретическимъ. Напротивъ, невѣрные вѣчно будутъ мучиться въ адѣ. „Невѣрующихъ я повергну въ адъ, говоритъ Богъ, да горятъ въ огнѣ геенскомъ, и когда сгорятъ на нихъ кожи, Я дамъ имъ кожи другія, да возчувствуютъ болѣзненное мученіе: ибо Богъ премудръ и всемогущъ (1)“.

5. Наконецъ, въ коранѣ также не рѣдко заповѣдуются вѣра въ писанія и пророковъ, безъ чего не возможно быть и истымъ мослемомъ. Это не чисто-догматическая часть мухаммеданскаго вѣроученія, но собственно историко-догматическая.

Книгами, именуемыми священными, мухаммедане называютъ тѣ части божественнаго откровенія, которыя, по ихъ понятію, написаны были перстомъ божественнымъ. И всѣ онѣ суть не иное что, какъ выписки изъ небесной скрижали.

Всѣхъ священныхъ, богооткровенныхъ книгъ, по исчисленію мухаммеданъ, 104: изъ нихъ 16 даны были Адаму, 50 Сифу, 30 Еноху 10 Аврааму; Пятокнижіе же, Псалмы, Евангеліе и Коранъ преемственно сообщены Богомъ Моусею, Давиду, Іисусу и Мухам-

(1) Сур. IV, 54.

меду. За исключеніемъ четырехъ послѣднихъ, всѣ остальные книги потеряны. А изъ этихъ четырехъ три первыя потерпѣли столько измѣненій и поврежденій, что хотя, быть можетъ, и есть въ нихъ нѣкоторая часть истиннаго слова Божія, однакожь никакъ нельзя полагаться на списки, находящіеся теперь въ рукахъ іудеевъ и христіанъ.

Число пророковъ, которыхъ Богъ время отъ времени посылалъ на землю, по преданію мухаммеданскому, простирается до 224,000, или по другому—до 124,000. Эти огромныя числа отчасти объясняются тѣмъ, что арабы разумѣли пророчество совсѣмъ иначе, нежели мы. Предсказаніе будущаго у нихъ не характеризуетъ пророка, такъ что въ числѣ пророковъ Мухаммедъ поставляетъ на-пр. и Александра Македонскаго и вообще людей, оказавшихъ значительное вліяніе на судьбу различныхъ народовъ, какъ въ дѣлахъ религіозныхъ, такъ и гражданскихъ. — Не всѣ пророки равны между собою по своему достоинству; одни изъ нихъ превосходятъ другихъ. Одни посылаемы были съ частнымъ порученіемъ апостоловъ, т. е. обязаны обращать людей отъ ихъ невѣрія и суевѣрія; другіе имѣли важнѣйшее предназначеніе—преобразовать и усовершенствовать вѣру...

Всѣ пророки вообще были изъяты отъ тяжкихъ грѣховъ и не впадали въ большія заблужденія. Всѣ они проповѣдывали одну и ту же вѣру (исламъ), которая отъ начала міра была и до конца міра, будетъ и должна быть единою истинною, православною вѣрою, хотя частныя постановленія и обряды, устанавливаемые избранными Божиими, по волѣ Провидѣнія, и могутъ измѣняться въ разныя времена.

По словамъ самаго Мухаммеда, особенною силою Божіею были исполнены Моисей, Іисусъ и онъ-самъ, послѣдній изъ пророковъ, послѣ котораго уже не будетъ болѣе посланниковъ Божіихъ.

Въ коранѣ часто и съ уваженіемъ говорится объ Іисусѣ Христѣ, какъ великомъ пророкѣ, издревле пред-

возвѣщенномъ въ законѣ, имѣвшемъ всѣ доказательства своего высшаго, божественнаго посланничества. Такъ, Онъ называется тамъ Апостоломъ Божіимъ, Мессією, Словомъ Божіимъ, Духомъ Божіимъ, ниспосланнымъ отъ Ветхаго деньми въ непорочную утробу Дѣвы Маріи чрезъ благовѣстіе архангела, — Чудотворнымъ Учителемъ Евангелія, Наставникомъ на путь истины и спасенія и другіими именами. При всемъ томъ, Иисуса Христа Мухаммедъ считалъ нисшимъ себя; а тѣмъ болѣе, по его понятію, Иисусъ Христосъ не есть Богъ, ни Сынъ Божій. „Тѣ невѣрныя, училъ Мухаммедъ, которые говорятъ, что Иисусъ-Сынъ Маріи есть истинный Богъ и Сынъ Божій: не приличествуетъ Богу имѣть Сына. Христосъ только апостоль Божій, рабъ Божій, одаренный духомъ пророчества и назначенный быть примѣромъ для сыновъ израилевыхъ, ибо Онъ Самъ, будучи еще младенцемъ въ колыбели, изрекъ о себѣ: Я есть слуга Божій; Господь далъ Мнѣ книгу новаго завѣта, поставилъ Меня пророкомъ, повелѣлъ Мнѣ творить чудеса, наблюдать молитвы и творить милостыню (¹).

Что касается собственнаго лица, то Мухаммедъ называлъ себя высшимъ и чрезвычайнымъ посланникомъ Божіимъ, всенароднымъ проповѣдникомъ истины, мужемъ, превосходнѣйшимъ всѣхъ древнихъ пророковъ, печатію ихъ. Арабскіе писатели такъ описываютъ разговоръ Бога съ Мухаммедомъ, когда послѣдній восходилъ на 7-е небо. „Я сотворилъ Адама со славою, будто бы говорилъ Богъ Мухаммеду, но по причинѣ его невѣрности ко мнѣ обезславилъ его. Авраама Я принялъ другомъ Моимъ, но тебя приѣмлю возлюбленнымъ моимъ. Если Я близко обращался съ Моисеемъ на горѣ Синайской: то не находишься ли и ты здѣсь—на небѣ предо Мною, гдѣ Я говорю тебѣ и ты говоришь Мнѣ? Если восхитилъ Я Еноха въ превысшнюю, и ты теперь не отстоишь ли отъ Меня только

(¹) Сюр. XIX, 29—31; также сюр. XLIII, LXXIV...

на разстояніи двухъ луковъ? Если Я далъ Давиду псалмы: то не далъ ли и тебѣ коранъ? „Если Я покорилъ Соломону вѣтры и птицъ: то тебѣ покорю народы. Если Я сотворилъ изъ Моего духа и Моего слова Иисуса: то написалъ имя твое рядомъ съ Моимъ (¹)“. Продолжимъ далѣе словами самаго корана: „Я послалъ тебя, о Мухаммедъ! какъ милость ко всѣмъ тварямъ. Вѣрующіе въ пророковъ прежде бывшихъ! бойтесь Бога и вѣруйте въ апостола Мухаммеда: высочайшее достоинство принадлежитъ Богу и посланнику Его (²)“.

Отсюда можно судить и о томъ, какую важность мухаммедане усвояютъ своей священной книгѣ. Ал-коранъ, по ихъ убѣжденію, выше всѣхъ книгъ—Моисеевыхъ, Пророческихъ и даже Евангелія; онъ есть несомнѣнное утвержденіе того, что открыто было прежде, и изъясненіе всего писанія; это—истинное направленіе людей и увѣщаніе отъ Господа ко всѣмъ тварямъ. Ал-коранъ—книга превосходнѣйшая, истинно-божественнаго происхожденія. „Я клянусь, говоритъ Мухаммедъ, заходящими звѣздами, и это есть великая клятва,—клянусь, что ей ей аравійскій коранъ есть превосходная книга и безъ сомнѣнія, начертанъ на первоначальной предопредѣленной скрижали, которая хранится у престола Божія, исполненная величественнаго слога и премудрости (³)“. „Я Господь, будто подтверждаетъ Богъ слова Мухаммеда, ниспослалъ книгу сію, именуемую на арабскомъ языкѣ ал-коранъ, исполненную обѣтованій и угрозъ, да боятся люди Бога и да возбудятся умы ихъ къ познанію Его“ (⁴).

Но мы увидимъ, какъ далеко книга эта недостойна такихъ похвалъ,—и что она не только не можетъ назваться книгою божественною, но и замѣчатель-

(¹) См. у Ганіера кн. II гл. 10 стр. 310 и 311.—

(²) Сур. VII, 159; также IX, XV и др.—

(³) Сур. XXV и XLIII.—

(⁴) Сур. IV, XX, XLI и др.

нымъ произведеніемъ человѣческимъ, основательно составленнымъ.

Представивъ въ общихъ чертахъ главные существенные догматы мухаммеданскаго вѣроученія, сдѣлаемъ теперь нужныя замѣчанія на нихъ.

Прежде всего надобно сказать, что внутреннее содержаніе мухаммеданскаго вѣроученія крайне скудно, и то, что въ немъ есть, почти все заимствовано—частію изъ раввинскихъ сказаній касательно нѣкоторыхъ мѣстъ ветхаго завѣта, частію изъ апокрифическихъ книгъ христіанскихъ, частію изъ ученія сабеевъ, маговъ и древнихъ протеческихъ вѣрованій арабовъ, и все это переработано, только очень поверхностно, собственнымъ мышленіемъ Мухаммеда, восполнено и украшено его фантазіею. Такимъ образомъ мухаммеданское вѣроученіе представляетъ не всегда разумное и не вполне сознательное усвоеніе того богатаго наслѣдства, которое досталось самозванному пророку отъ предшествовавшихъ вѣковъ. Это сборъ многихъ несовмѣстныхъ понятій,—это неестественное, насильственное соединеніе разнаго рода теорій, безъ всякой внутренней связи. А потому, догматика мухаммеданъ теряетъ почти всю свою цѣну, при первомъ прикосновеніи къ ней критики.

Мы видѣли, что Мухаммедъ не всегда вѣрно училъ и о Богѣ—этой первоисточной, основной истинѣ вѣры. Богъ у него представляется то полнотою всевозможныхъ совершенствъ, такъ что, скажемъ собственными его словами, „если бы и волны морскія обратились въ

У истыхъ мослемовъ даже особымъ членомъ вѣры полагается, что ал-коранъ есть книга вѣчная, несозданная, безначально пребывающая въ существѣ Божіемъ. Потому они съ великимъ тщаніемъ и уваженіемъ читаютъ его, и не смѣютъ къ нему прикоснуться, не очистившись или не омывшись по закону, а чтобы этаго не случилось по неосторожности или по невѣдѣнію, то на немъ надписываютъ: «никто, кромѣ чистыхъ, да не касаетъ сей книги».

чернила для описанія высочайшихъ свойствъ Божіихъ: то и ихъ бы не достало для достойнаго прославленія Господа всяческихъ“; — то въ нѣкоторомъ отношеніи источникомъ многихъ недостатковъ...

Мухаммедъ часто хвастался ученіемъ своимъ о единствѣ Божіемъ: но вѣра въ Единого Бога глубоко внѣдрена въ душу cadaго челоуѣка и составляетъ существенную ея потребность. Потому здѣсь нѣтъ особенной заслуги со стороны Мухаммеда. И притомъ, догматъ этотъ, по всей вѣроятности, заимствованъ имъ: ибо и христіане всѣхъ сектъ, и евреи, и сабеи, и маги, жившіе тогда въ Аравіи, согласно признавали одно верховное существо, создавшее міръ и управляющее имъ. Что, дѣйствительно, Мухаммедъ - язычникъ не понялъ и не умѣлъ понять во всей полнотѣ и чистотѣ самой первой истины вѣры, это яснѣе всего открывается изъ того, что онъ не уразумѣлъ сущности и высоты истиннаго христіанскаго ученія о Богѣ Трїединомъ, приписывая христіанамъ въ этомъ отношеніи небывалыя вѣрованія, на примѣръ—будто они поставляютъ въ число Лиць Пресвятыя Троицы и Дѣву Марію (4).

Другой догматъ мухаммеданской вѣры, т. е. о безусловномъ предопредѣленіи или неизбѣжной судьбѣ совершенно ложенъ и вовсе недостойнъ Бога, существа высочайше-премудраго, всеблагаго и праведнаго. По этому догмату Богъ представляется не премудрымъ правителемъ міра, а скорѣе деспотомъ, который распоряжается всѣмъ, и міромъ физическимъ и міромъ существъ нравственныхъ, безъ всякаго отношенія къ свободѣ послѣднихъ, по какому-то слѣпому произволу, и который, не извѣстно почему, однихъ предопредѣляетъ къ райскому блаженству, а другихъ къ

(4) Къ такому пониманію христіанскаго ученія о Троицѣ, вѣроятно, привела Мухаммеда секта Коллиридіанская, процвѣтавшая въ Аравіи и дарившая Пресвятую Дѣву именемъ Богини. Эта секта принесена въ Аравію нѣкоторыми еракійскими женщинами и получила свое названіе отъ *κολλυρίς*—пирога, приносимаго ими въ жертву Богоматери (Hottinger, Biblioth. orient. p 225.—228

вѣчнымъ мученіямъ во адѣ. Мухаммедъ боялся сказать, что Богъ имѣетъ законъ для себя и дѣйствуетъ по закону, изъ опасенія, какъ бы тѣмъ не ограничить существа Божія и не назначить предѣла Его дѣйствованію; между тѣмъ какъ мысль о законѣ, приличествующемъ Богу, нисколько не ограничиваетъ и не стѣсняетъ безпредѣльности существа Божія. Богъ имѣетъ законъ и всегда дѣйствуетъ по закону, только этотъ законъ—такой, котораго никто и никогда не предписывалъ Ему: Онъ Самъ для Себя законъ. Иначе сказать: Богъ дѣйствуетъ всегда въ высочайшей степени свято и премудро, а не по какому-то неразумительному произволу, какъ думаетъ Мухаммедъ.— Далѣе, догматъ о неизбѣжной судьбѣ или неотразимомъ рокѣ возмутителенъ и для человѣка—существа нравственно-свободнаго: потому что онъ дѣлаетъ послѣдняго существомъ не дѣйствующимъ, безличнымъ, какъ бы одною тѣнью... Кромѣ того: догматъ мухаммеданскій о роковой судьбѣ находится въ противорѣчій съ самимъ собою и съ другими истинами. Мухаммедъ училъ о безусловномъ предопредѣленіи; но онъ же долженъ былъ говорить и о свободѣ человѣка, и о вмѣняемости дѣлъ нашихъ. Ясно, что ни то, ни другое нисколько не гармонируетъ другъ съ другомъ и не имѣетъ для себя никакой примиряющей среды. Наконецъ, все приписывая Богу и не принимая никакого различія между поущеніемъ и самымъ дѣйствіемъ, Мухаммедъ долженъ былъ выставить Бога причиною, производящею въ мірѣ не только добро, но и зло, не только жизнь, но и смерть. Богъ—виновникъ зла и смерти!? Не богохульство ли это?

Ученіе объ ангелахъ у Мухаммеда стоитъ на ряду съ важнѣйшими истинами, составляющими сущность вѣры; а между тѣмъ онъ не позаботился о томъ, чтобы передать оное во всей чистотѣ и простотѣ. Къ мыслямъ вѣрнымъ и назидательнымъ, заимствованнымъ изъ ветхаго и новаго завѣта, Мухаммедъ привнесъ разныя преданія изъ еврейскаго талмуда и смѣшалъ оныя съ

ученіемъ о добрыхъ и злыхъ духахъ изъ древнѣйшей вѣры персидской, и все это подкрасилъ вымыслами собственнаго своего воображенія, суевѣрными и недостойными существъ духовныхъ. Вообще ученіе объ ангелахъ, какое содержитъ въ себѣ мухаммеданская вѣра, слишкомъ чувственно, слишкомъ отзывается антропоморфизмомъ. Сверхъ сего, Мухаммедъ изобрѣлъ какой-то особый, небывалый родъ существъ между ангелами и людьми...

Ученіе мухаммеданской вѣры о послѣдней судьбѣ міра и людей темно, сбивчиво и неопредѣленно; кромѣ того, исполнено нелѣпыхъ разсказовъ и странныхъ басень.—Но гдѣ особенно Мухаммедъ далъ широкій разгулъ своей, неистощимой на вымыслы, фантазіи, и гдѣ вполнѣ отразилась личность его—страстнаго восточнаго человѣка, то это въ изображеніи рая и ада. Истинно-христіанское чувство оскорбляется грубостію и нелѣпостію красокъ, которыми Мухаммедъ описалъ удовольствія рая. Сладострастіе, праздность, кушанья, питье, жены, великолѣпные сады и т. п.,—вотъ главныя составныя части Мухаммедова рая, съ извѣстными ограниченіями въ этомъ свѣтѣ, но безъ границъ и конца въ будущемъ. Чистыя же наслажденія души, каковы: созерцаніе Бога, сообщеніе съ ангелами и молитвенныя занятія—съ одной стороны стоятъ у него какъ-то въ тѣни въ картинѣ рая, а съ другой находятся въ совершенномъ противорѣчій съ общимъ ея характеромъ—чувственнымъ и сладострастнымъ. Равно какъ и адъ Мухаммедовъ чисто-вещественный; онъ наполненъ исключительно ужасами земными...

Наконецъ, касательно историко-догматической части мухаммеданскаго вѣроученія должно сказать, что тутъ нѣтъ ни догматики, ни исторіи. Да Мухаммедъ и вообще не любилъ разсуждать о догматахъ: омраченный чувственностію его разумъ былъ почти вовсе неспособенъ къ тому; здѣсь же и фантазія его мало находила для себя пищи. Собственно же историческая часть, представляющая длинный рядъ посланниковъ

Вожіихъ, не имѣеть истиннаго историческаго достоинства. Здѣсь непрестанно попадаются то противорѣчія, то анахронизмы, то явныя нелѣпости; это—плохое произведеніе современнаго невѣжества и часто самаго сумазброднаго безсмыслія. Сказанія ветхаго завѣта о древнихъ патріархахъ и пророкахъ такъ обезображены вымыслами обманщика, искажающаго до отвратительности все, къ чему онъ не прикоснется, что едва можно узнать въ нихъ тѣ самыя лица и дѣянія, о которыхъ съ такимъ умиленіемъ и назидательностію читаешь въ священной библии. Всѣ пророки у Мухаммеда выходятъ болѣе воображаемыми, небывалыми существами, чѣмъ дѣйствительными лицами, съ ихъ отличительными свойствами. Каждому изъ нихъ приписалъ онъ свой собственный образъ мыслей и выраженій, всѣхъ ихъ сдѣлалъ настоящими мусульманами, вѣчно проповѣдующими одно и тоже; потому всѣ изображенія этихъ лицъ выходятъ у Мухаммеда выкроенными, такъ сказать, по одной мѣркѣ и чрезвычайно между собою сходными.

Мы видѣли, что мухаммеданское вѣроученіе большею частію заимствовано; видѣли, какъ оно несостоятельно, какъ свѣтлыя и чистыя истины божественнаго откровенія въ немъ извращены или перемѣшаны съ разными человѣческими вымыслами, съ такими баснями и заблужденіями, которыя почти совершенно затмѣваютъ ихъ и подавляютъ.—Сверхъ всего этого, оно неполно, въ немъ не достаетъ много такого, что существенно необходимо въ дѣлѣ вѣры. Такъ, мухаммедане не признаютъ высочайшаго и важнѣйшаго таинства искупленія рода человѣческаго, такого таинства, которое составляетъ средоточіе богооткровенной вѣры.

И разумъ, и свидѣтельство истинно-божественнаго откровенія увѣряютъ насъ, что родъ человѣчскій находится въ состояніи паденія, и слѣдовательно не можетъ не чувствовать потребности возстановленія. Мухаммеданское вѣроученіе въ нѣкоторой степени допускаетъ первую часть этой несомнѣнной истины, т. е. паденіе

человѣка. Мухаммедъ включилъ въ ал-коранъ свой разсказъ о паденіи нашихъ прародителей ⁽¹⁾, говорилъ о судѣ Божіемъ, лишившемъ ихъ и потомство ихъ первобытнаго блаженства, сознавалъ и слабость, удобопреклонность людей ко злу; но онъ не далъ въ своемъ вѣроученіи мѣста таинству искупленія, — и тѣмъ разорвалъ два другъ отъ друга неразрывныя событія въ домостроительствѣ нашего спасенія, изъ которыхъ одно безъ другаго не можетъ имѣть никакого значенія.

Отъ чего же это произошло у Мухаммеда? Какъ Мухаммедъ смотрѣлъ на паденіе первыхъ людей, почему онъ отдѣлилъ эту истину отъ истины искупленія и почему не допускалъ необходимости послѣдняго?

Мухаммедъ, а за нимъ и его послѣдователи понимали и понимаютъ грѣхопаденіе первыхъ людей не такъ вѣрно и не совсѣмъ полно, какъ слѣдуетъ, — не такъ глубоко, какъ научаетъ насъ смотрѣть на это величайшее въ мірѣ событіе истинно-божественная, православно-христіанская вѣра. Правда, мусульманинъ чувствуетъ грѣхъ и живо сознаетъ свою грѣховность предъ Богомъ, но между тѣмъ касательно сего предмета онъ имѣетъ много совершенно-ложныхъ понятій, вслѣдствіе которыхъ далекъ отъ мысли о необходимости высшей, чрезвычайной помощи для избавленія его отъ грѣховъ, для освященія и обновленія растлѣннаго его существа. Грѣхъ, по понятію мухаммеданъ, слишкомъ великъ и ужасенъ, потому что имъ оскорбляется величіе и святость Бога, который жестоко караетъ нарушителей и презрителей Его святой воли. За то, по ихъ же представленію, Богъ весьма милосердъ и милостивъ. Онъ знаетъ, какъ человѣкъ слабъ и немощенъ, какъ поползновененъ ко грѣху, и потому охотно прощаетъ и милуетъ его. Когда человѣкъ поскорбитъ, ударитъ себя въ грудь, повергнется предъ Богомъ въ слезахъ

(1) Сур. VII. 20—26.

умиленія и раскаянія, Всемилостивый и Милосердый все позабудетъ, все проститъ, переменитъ гнѣвъ на милость, — и человекъ будетъ правъ предъ Богомъ. А потому, слѣдствія грѣха, какъ думаютъ мухаммедане, отнюдь не простираются на самую природу человека, на существо его. Какъ глубоко грѣхъ повреждаетъ и растлѣваетъ естество наше, этаго мусульмане не знаютъ: тлѣніе и смерть, по ихъ мнѣнію, въ порядкѣ вещей и опредѣлены самимъ Богомъ. Очевидно, съ такими взглядами на грѣхъ и слѣдствія его, трудно придти къ мысли объ искупленіи и искупителѣ. По понятію мусульманъ, искупленіе и искупитель вовсе не нужны, потому что грѣшникъ и послѣ грѣха все тотъ же человекъ по природѣ, безъ всякаго поврежденія и растлѣнія своихъ силъ и способностей. Чтожъ касается самой вины за грѣхъ, то Богъ, если только захочетъ, можетъ снять ее съ человека и простить; потому что Онъ милостивъ и милосердъ, неограниченный царь и владыка всего. Пагубно-успокоительная мысль!

Не станемъ опровергать такого лжеученія мухаммеданскаго вѣрованія. Говоря объ истинности и божественности вѣры православно-христіанской, мы изложили истинное православное ученіе объ этихъ двухъ высочайшихъ и важнѣйшихъ догматахъ — паденіи и искупленіи. Здѣсь позволяемъ себѣ только повторить двѣ—три мысли изъ прежде высказанныхъ. — Человекъ, согрѣшивъ, поступилъ, выражаясь ближе къ понятію мусульманъ, противъ собственной души⁽¹⁾, которая, сама собою, стремилась къ выполненію закона божественнаго, и въ тоже время далъ обратное направленіе своимъ силамъ. Силы человека стремились по природѣ въ одну сторону, именно—къ добру, а онъ далъ имъ другое направленіе—невѣрное, и

(¹) Обличая слушателей своихъ въ какомъ-либо преступленіи, Мухаммедъ довольно часто выражается такъ: «вы поступили противъ собственной своей души». Сюр. IV, 100; XXXIX и др.

такимъ образомъ, если можно такъ выразиться, сдвинулъ ихъ съ надлежащаго пути, повредилъ, испортилъ. словомъ—нарушилъ законъ своей природы. И потому, удалившись отъ Бога, источника жизни, онъ внесъ въ свою природу безпорядокъ, разрушеніе и смерть. Для приведенія человѣка въ первобытное состояніе потребны были сверхъестественныя средства, — необходимо было чрезвычайное лице для избавленія его отъ грѣха и смерти. Чтожъ касается того, что Всемилостивый и Милосердый можетъ снять съ человѣка вину за грѣхъ и простить его безъ особеннаго со стороны его удовлетворенія разгнѣванной правдѣ Божіей, должно сказать, что вина человѣка за грѣхъ предъ Богомъ такова, что Богъ при всей Своей милости, милости безпредѣльной, не могъ и не можетъ простить человѣка безъ должнаго со стороны его удовлетворенія; потому что сколько съ одной стороны велика милость Божія, столько же съ другой стороны безконечно велико и правосудіе Его.

Не уразумѣвъ во всей полнотѣ истины паденія, какъ человѣкъ душевный, — не имѣя возможности принять въ сердце свое ученія о высочайшемъ таинствѣ искупленія, какъ человѣкъ плотяный, — обманувъ многихъ, его послушавшихъ, зловѣстіемъ о легкости спасенія собственными силами, какъ духъ лестчій, — Мухаммедъ лишилъ послѣдователей своихъ величайшаго блага, драгоцѣннѣе котораго нѣтъ для человѣка, т. е. освобожденія отъ вѣчной духовной смерти, ожидающей ихъ за предназначенною всѣмъ тѣлесною, временною смертію. Страшно и подумать о такомъ лишеніи. тѣмъ болѣе, что оно произвольно и уже ничѣмъ не можетъ быть вознаграждено. Это не какой-либо посторонній догматъ, не имѣющій вліянія на участь нашу, но самый существенный, на которомъ основано все наше спасеніе и въ которомъ убѣждаетъ обуревающее насъ чувство грѣховности нашей, взывающее о помощи свыше.

Не признавъ, при своемъ взглядѣ на грѣхъ и на слѣдствія грѣха, потребности искупленія и искупителя, Мухаммедъ не призналъ, и не могъ уже

признать, и на самомъ дѣлѣ совершеннаго Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ искупленія. Мы видѣли, что въ коранѣ часто и съ уваженіемъ говорится объ Іисусѣ Христѣ, какъ великомъ пророкѣ, но вовсе отвергается Его служеніе роду человѣческому, какъ ходатая и искупителя, равнымъ образомъ отвергается и Его божество. „Іисусъ въ глазахъ Божіихъ тоже, говоритъ Мухаммедъ, что и Адамъ; Богъ создалъ его изъ перети и сказалъ: будь, и онъ былъ. Это слова истины отъ Самаго Бога; страшитесь сомнѣнія (¹)“. И не удивительно, что чувственный разумъ Мухаммеда не могъ возвыситься до духовнаго созерцанія божественнаго естества въ лицѣ Іисуса Христа. Омраченный плотскими помыслами, самозванный учитель вѣры не понялъ и возможности для человѣка иного, духовнаго рожденія,—онъ не внесъ въ свое ученіе догмата о божественной благодати, возраждающей насъ. Тѣмъ болѣе Мухаммедъ не въ состояніи былъ постигнуть предвѣчнаго рожденія Сына Божія отъ существа Отцаго...

И вообще Мухаммедъ былъ вовсе неспособенъ къ пониманію высокихъ и чистѣйшихъ истинъ вѣры, о которыхъ въ его ученіи или совершенно нѣтъ ничего, или встрѣчаются одни намѣки. Потому важнѣйшіе вопросы о Богѣ, человѣкѣ и мірѣ скорѣе имъ разсѣкаются, чѣмъ разрѣшаются. Напротивъ, о другихъ предметахъ, ненужныхъ или мало полезныхъ въ дѣлѣ вѣры, онъ говоритъ непрестанно и распространяется съ чрезвычайно-утомительною подробностію.

Такимъ образомъ догматическое ученіе мухаммеда нской вѣры совершенно не достойно вѣры истинно-божественной. Мухаммедъ—язычникъ отчасти не понялъ основныхъ истинъ откровенія, отчасти извратилъ ихъ по своему взгляду, такъ что и тѣ немногія истины, которыя заимствованы имъ изъ ветхаго и новаго завѣта, почти совершенно затемнены и подавлены разнаго рода заблужденіями, баснями и нелѣпыми присказками.

(¹) Сюр. IV, 32 и 33.

ПРАВСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ МУХАММЕДАНСКОЙ ВѢРЫ.

Нѣкоторые превозносятъ похвалами нравственное ученіе корана и находятъ, что оно почти не уступаетъ или мало уступаетъ христіанскому.—Мнѣніе чрезъмѣру пристрастное въ пользу мухаммеданства и ни на чемъ не основанное,—мнѣніе нелѣпое. Но съ другой стороны нельзя не сказать и того, что въ нравственномъ ученіи мухаммеданской вѣры есть не мало и добрыхъ правилъ и постановленій. И въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго. Святой апостоль Павелъ говоритъ, что и язычники, *не имуще закона, естествомъ законное творятъ* (Рим. 2. 14). Слѣдовательно, кто только внимаетъ гласу совѣсти, тотъ уже близокъ къ добру, хотя не имѣетъ достаточно силы совершать оное безъ благодати, свыше даруемой отъ Бога. Тѣмъ болѣе Мухаммедъ, который выступилъ въ качествѣ учителя вѣры спустя 6-ть столѣтій послѣ того, какъ утвердилась Христова вѣра на востокъ, и который заимствовалъ ученіе свое частью и изъ христіанства, могъ имѣть предъ собою чистые источники для почерпанія нравственныхъ истинъ;—и если чему здѣсь должно удивляться, то это самовольному уклоненію Мухаммеда къ „инымъ началамъ“, въ которыя вовлекли его отчасти невѣжество, отчасти честолюбіе и чувственность.

Нравственное ученіе мухаммеданской вѣры, не смотря на то, что въ немъ много заимствовано изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, далеко не есть ученіе истинно-откровенной вѣры, а развѣ только извращеніе онаго. Прежде всего, недостаточность нравственнаго ученія ислама открывается изъ того, что оно крайне односторонне, ограничивается почти исключительно внѣшнимъ поведеніемъ чловѣка, безъ всякаго отношенія къ внутреннему расположенію сердца, и почти все заключено въ обрядовыя дѣйствія.

По смыслу корана, сущность мухаммеданской практики состоитъ въ исполненіи узаконенныхъ молитвъ съ предшествующими омовеніями, въ раздаваніи милостыни,

въ строгомъ соблюденіи поста въ мѣсяцъ рамазанъ и священномъ странствованіи въ Мекку.

1) *О молитвѣ.* Молитву у мухаммеданъ предваряютъ омовенія, которыя составляютъ необходимое къ ней приготовленіе. Кто хочетъ молить Всевышнее Существо, тотъ долженъ быть чистъ, долженъ прежде омыть лице, голову, руки и ноги ⁽¹⁾. Мухаммедане вѣрятъ, что эти омовенія древни; они будто предписаны были Богомъ еще Аврааму, а архангелъ Гавріиль, явившись въ видѣ хорошенькаго мальчика, показалъ самый способъ совершенія ихъ. Для побужденія къ точнѣйшему выполненію сей обязанности, т. е. омовенія, Мухаммедъ объявилъ, что практика вѣры основывается на чистотѣ, которая есть половина закона; безъ чистоты и молитва не будетъ услышана. А чтобы это приготовленіе, столь необходимое для мухаммеданской набожности, не было оставляемо по недостатку воды или другимъ причинамъ, Мухаммедъ повелѣлъ употреблять вмѣсто воды песокъ или пыль ⁽²⁾.

Самая же молитва есть необходимѣйшая обязанность; мусульмане называютъ ее столпомъ вѣры и ключемъ къ раю. Чтобы молитва не была пренебрегаема, Мухаммедъ заповѣдалъ молиться пять разъ въ сутки: утромъ, въ полдень—вскорѣ послѣ наклоненія солнца къ западу, вечеромъ—предъ захожденіемъ солнца и послѣ захожденія солнца, потомъ ночью—предъ первою стражею. Повелѣніе относительно сего порядка, по увѣренію лжепророка, получено имъ во время ночнаго путешествія его на небо. Мухаммедане во время молитвы дѣ-

⁽¹⁾ Сур. V, 7.

⁽²⁾ «Когда вы правовѣрные готовитесь къ молитвѣ, то вымойте свои лица и руки до локтей, вытрите головы и ноги до лядвій, и когда осквернитесь, очистите все тѣло ваше. И если для очищенія себя не найдете воды, то отрите свои лица и ноги чистымъ, мелкимъ пескомъ. Богъ не хочетъ подвергать васъ затрудненію. Помните милость къ вамъ Господа и завѣтъ Его съ вами» Сур. IV, 46; V, 7—9.

лаютъ опредѣленные въ числѣ и порядкѣ наклоненія, преклоненія на землю и сидѣнья. Всѣ эти движенія сопровождаются произнесеніемъ, неизмѣнно-установленныхъ при каждомъ изъ нихъ, молитвъ и стиховъ алкорана. Сюра, именуемая „введеніе“ составляетъ неотъемлемую принадлежность каждаго молитвословія мусульманъ; она находится у нихъ въ великомъ уваженіи и называется главою молитвы, хвалы и благодаренія Богу и даже сущностію корана (1).

У мухаммеданъ есть особенные дни, нарочито посвящаемые молитвѣ. Пятница, или какъ они называютъ ее—день собранія, самимъ Мухаммедомъ назначена для народнаго богослуженія, частію въ воспоминаніе окончанія—въ вечеръ пятницы—сотворенія Богомъ всего міра, частію въ благодареніе Господу за сохраненіе жизни пророка, по изгнаніи изъ Мекки, прибывшаго въ Медину въ пятницу. „О правовѣрные, говоритъ Мухаммедъ, молитесь непрестанно и наблюдайте учрежденные времена молитвы; а когда васъ позовутъ на молитву въ день собранія (въ пятницу), то спѣшите къ воспоминанію дѣлъ Божіихъ, оставляя куплю и прочія работы житейскія (2)“.

2) *О милостынь.* Милостыня стольже важная добродѣтель, какъ и молитва. Мало главъ въ коранѣ, въ которой бы не говорилось о милостынь. „Да подается милостыня для вспомоцествованія бѣднымъ, неимущимъ, собирающимъ оную, совершенно во всемъ предающимся волю Божіей, для выкупа плѣнныхъ, для уплаты долговъ, путешественникамъ, и для подкрѣпленія священной войны. Злословящіе же милостыню вѣрныхъ и смѣющіеся ихъ вѣрѣ будутъ сами предметомъ посмѣ-

(1) Читается такъ: «Хвала Богу, Господу міровъ, всемилостивому, премилосердому Царю въ день судный. Тебѣ поклоняемся и у Тебя просимъ помощи; настави насъ на путь истинный, на путь благоугодившихъ Тебѣ, тѣхъ, которые не носятъ на себѣ гнѣва Твоего и не ходятъ путемъ строптивымъ». Сюр. 1.

(2) Сюр. IV, 5, 22 и проч.

янiя Божiя и жертвою мученiй (1)“. Коранъ заповѣдуетъ, какъ можно чаще, подавать милостыню, и особенно во время молитвъ, которыя становятся дѣйствительнѣе отъ милостыни. Мухаммедане смотрятъ на милостыню, какъ на дѣло великой заслуги. Она, по выраженiю корана, славное одолженiе Господу. Одинъ изъ первыхъ калифовъ (Омаръ) говаривалъ: „молитва доводитъ насъ до половины пути къ раю, а милостыня открываетъ намъ самый входъ въ него“.

3) *О постѣ*. Постъ — обязанность столь важная, что Мухаммедъ назвалъ его дверiю вѣры и говорилъ, что запахъ устъ постящагося Богу прiятнѣе мускуса.

Постъ заповѣданъ мухаммеданамъ въ мѣсяць рамазанъ, съ появленiя новой луны до другой. Въ продолженiе каждаго дня рамазана, они должны воздерживаться отъ пищи и питiя съ восхожденiя до захожденiя солнца, а ночью могутъ разрѣшать на все. Въ этотъ постъ, по сказанiю Мухаммеда, былъ ниспосланъ ал-коранъ съ высшаго, седьмаго неба на самое нижнее, откуда архангелъ Гавриилъ сообщалъ оный Мухаммеду разновременно, въ продолженiе 23 лѣтъ, и раздѣльно, статьями и отрывками; равно какъ и другiе пророки—Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей и Исусъ въ тотъ же мѣсяць получали свои откровенiя отъ Бога. „Поститесь правовѣрные, учитъ Мухаммедъ, установленное число дней. Особенно вы должны поститься въ мѣсяць рамазанъ, въ который вы получили коранъ съ неба, руководство людямъ, наставленiе на путь правый и различенiе между добромъ и зломъ. Но вамъ, правовѣрные, законно и въ постъ входитъ ночью къ женамъ вашимъ: онѣ одежда вамъ, вы одежда имъ. Богъ знаетъ немощи ваши и прощаетъ вамъ. Итакъ идите къ женамъ, вкушайте и пейте съ ними до утра, пока возможно будетъ различать бѣлую нить отъ черной, и потомъ

(1) Сур. II, 176.

поститесь до ночи и будьте непрестанно на мѣстахъ молитвы. Таковы уставы Божіи (¹)“.

Въ соблюденіи поста мұхаммедане строги болѣе, чѣмъ въ чемъ либо: постъ уничтожается, если кто, умываясь, ненамѣренно проглотитъ нѣсколько капель воды; нѣкоторые даже протираютъ свою точность въ постѣ до того, что не открываютъ рта для разговора, изъ опасенія, чтобы не вошелъ внутрь воздухъ. Но послѣ захожденія солнца мұхаммедане разрѣшаютъ на все, предаются всякимъ непотребствамъ, всѣмъ удовольствіямъ плоти.

Примѣръ и удостовѣреніе самаго Мұхаммеда одобряетъ посты произвольные; но особенно важны посты въ извѣстные дни мѣсяцовъ, почитаемыхъ священными (²). Одинъ день поститься въ священный мѣсяць лучше, нежели три дня не въ священный; а одинъ день поста въ мѣсяць рамазанъ выше трехъ дней поста въ эти священные мѣсяцы.

4. *О священномъ странствованіи въ Мекку.* Каждый мұхаммеданинъ обязанъ совершить путешествіе въ Мекку хоть однажды въ жизни, если здоровье и средства позволяютъ—для поклоненія Богу въ Каабѣ (³). Послушаемъ, какъ объ этомъ у же пророка въ коранѣ говоритъ Самъ Богъ: „О чада израилевы! вспомните милости Мои къ вамъ и то, что я предпочелъ васъ

(¹) Сюр. II, 184—188.

(²) Въ каждомъ году у мусульманъ четыре мѣсяца почитаются священными; въ теченіе этихъ мѣсяцевъ запрещается звѣриная ловля, война и проч.

(³) Кааба древнѣйшая и священнѣйшая изъ мечетей. Древность ея по арабскимъ рассказамъ восходитъ ко временамъ Измаила и Авраама. Придо—Опис. жиз. Мухам. стр. 72.—Въ Каабѣ особенными предметами почитанія для мусульманъ служатъ: а) черный камень—первоначальное ядро земли, какъ выражаются арабскіе писатели, рубинъ нѣкогда пламенѣющій, который, падавъ съ неба, озарилъ всю Аравію блескомъ авроры и который почернѣлъ отъ развращенія людей; б) стопа или слѣдъ ноги Авраама и в) источникъ земземъ.

всѣмъ народамъ. Вспомните, когда Я, послѣ искушенія праотца вашего Авраама, рекъ ему: воистину я поставлю тебя образцемъ богослуженія для всего рода человѣческаго, а онъ Мнѣ отвѣтствовалъ: и для всего потомства моего. И Я назначилъ святой домъ Мекки быть убѣжищемъ роду человѣческому, мѣстомъ безопасности и храмомъ молитвы. И Я поставилъ съ Авраамомъ и Измаиломъ завѣтъ, да сохранятъ домъ мой чистымъ для притекающихъ къ нему и въ немъ присѣдящихъ и молящихся съ благоговѣніемъ“. „Воистину, учитъ Мухаммедъ, первый домъ, учрежденный для богомолья есть тотъ, который въ Меккѣ—домъ благословенный, къ которому должны обращаться всѣ твари въ своихъ молитвахъ. Тамъ есть ясныя знаменія: тамъ мѣсто (на черномъ камнѣ), гдѣ стоялъ Авраамъ, тамъ безопасность для всякаго туда входящаго. Посѣщать этотъ домъ есть обязанность по отношенію къ Богу каждаго, кто можетъ туда путешествовать. Ибо самъ Богъ назначилъ Каабу святымъ домомъ, убѣжищемъ для человѣческаго рода; самъ Онъ учредилъ священные мѣсяцы для путешествій, обряды, жертвоприношенія, украшенія, которыми святой домъ должно обвѣшивать. Итакъ, совершайте правовѣрные путешествіе въ Мекку и посѣщайте Бога. Кто замедлитъ посѣтить храмъ Мекки, долженъ принести приношеніе, какое будетъ для него удобнѣе. Такъ надлежитъ поступать и тому, кто совсѣмъ не посѣтитъ святаго храма Каабы⁽¹⁾.

Мухаммедане совершаютъ путешествія съ разными предписанными обрядами. Прежде, чѣмъ путешественникъ вступитъ въ Мекку, долженъ очиститься чрезъ омовеніе, надѣть свое лучшее платье, намазаться самыми дорогими ароматами и подать милостыню. Пришедши же въ самую Мекку, онъ тотчасъ входитъ въ храмъ, также съ извѣстными обрядами. Обряды

(1) Сюр. II, 197; III, 90; XXII, 28 и дал.

состоятъ сначала въ хожденіи кругомъ Каабы, потомъ между горами Сафа и Мерва, — далѣе путешественникъ останавливается на горѣ Арафатъ, закалаетъ жертвы и остригаетъ голову въ долину Милà. — Шествіе вокругъ Каабы начинается съ того мѣста, гдѣ находится черный камень. Дѣлается обыкновенно семь круговъ; въ три первые — шаги малые и скорые, а въ четыре послѣдніе — шаги большіе и медленные. Шествіе между Сафа и Мерва совершается также семь разъ — частью тихо, частью бѣгомъ.

Послѣ поклоненія Богу въ Каабѣ, путешественникъ отправляется въ Медину — на поклоненіе гробу Мухаммеда. Вступивъ во владѣнія Медины, онъ безпрестанно долженъ повторять извѣстныя формулы. А приближаясь къ мечети, обыкновенно говоритъ: „о Господи! Будь милостивъ къ Мухаммеду и его роду. О Господи! отпусти мнѣ мои прегрѣшенія и отверзи мнѣ двери Твоего милосердія“. Потомъ уже приступаетъ къ гробницѣ пророка, и тутъ молится въ различныхъ мѣстахъ, выполняя при этомъ разные обряды...

Къ обрядовой же сторонѣ ислама надобно отнести и обрѣзаніе. Хотя въ коранѣ положительно не предписывается обрѣзаніе, и потому, по взгляду мусульманъ, оно не есть дѣло необходимое; однакожъ этотъ обрядъ считается важнымъ и полезнымъ, установленіемъ древнимъ и божественнымъ. Обрѣзаніе было въ обыкновеніи у арабовъ еще до Мухаммеда и, по преданію, перешло къ нимъ отъ Измаила. Но измаилиты обрѣзывали своихъ дѣтей не въ 8-й день, какъ дѣлали іудеи, но на 12-мъ или 13-мъ году жизни: ибо въ этомъ возрастѣ обрѣзанъ былъ ихъ родоначальникъ. Мухаммедане дѣтей своихъ обрѣзываютъ тогда, когда они будутъ въ состояніи произносить слова: „вѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Мухаммедъ пророкъ Его“. Именно, время обрѣзанія они выбираютъ болѣе удобное, отъ 3 до 8 лѣтъ. Нѣкоторые этотъ обычай основываютъ на повелѣніи, данномъ Аврааму, а дру-

гіе полагають, что онъ внушенъ былъ еще Адаму архангеломъ Гавріиломъ. для того, чтобы удовлетворить проклятію обрѣзаніемъ плоти, которая послѣ растлѣнія грѣхомъ стала воевать на духъ...

Таковы главные обряды, безъ исполненія которыхъ не возможно быть истымъ мослемомъ, ученикомъ Мухаммеда и жителемъ рая. И жалкій мусульманинъ дѣйствительно вѣритъ, что безъ точнаго и мелочнаго исполненія внѣшнихъ обрядовыхъ дѣйствій самое чистое сердце, самая искренняя вѣра, самая святая любовь не достигнутъ того, чтобы быть пріятными Богу; тогда какъ путешествіе въ Мекку или постъ въ мѣсяцъ рамазанъ уничтожаетъ всякое преступленіе. Потому-то мухаммедане самымъ строгимъ образомъ, неопустительно, буква въ букву, исполняютъ всѣ предписанія обрядоваго закона. Для нихъ пятикратное посѣщеніе каждый день мечети, омовенія, милостыня и т. п. суть дѣла первой важности, выше которыхъ они не знаютъ. Ими свидѣлствуютъ они свою преданность Богу, чрезъ нихъ надѣются получить высшую или нисшую степень райскаго блаженства. Послѣдователь Мухаммеда, будучи весь погруженъ въ одну внѣшность и обрядность и отъ того будучи не въ состояніи понять высокой духовности христіанской вѣры, отражающейся во всѣхъ дѣйствіяхъ истинныхъ христіанъ и проникающей ихъ, не можетъ надивиться съ своей точки зрѣнія, какъ христіане вообще мало служатъ Богу. Видя, что у христіанъ совершается служба три раза въ сутки, и то въ городахъ, тогда какъ у нихъ производится она неопустительно пять разъ въ день, будетъ ли то въ городѣ или селѣ, гдѣ есть мечеть, мухаммеданинъ отсюда заключаетъ о забвеніи христіанами Бога, нерадѣніи ихъ въ отношеніи къ Нему и стало-быть къ своему собственному блаженству.

И пусть бы обряды, которые съ такою точностію исполняютъ мухаммедане, ищущіе въ нихъ своего опасенія, заключали въ себѣ высокое знаменованіе, а-то они не со-

держатъ въ себѣ никакого глубокаго смысла. Такъ, внѣшнія омовенія, ежедневно повторяемыя у мухаммеданъ только для чистоты внѣшней, не заключаютъ въ себѣ никакого внутренняго, духовнаго значенія: ибо они не возращаютъ изъ естественной въ жизнь духовную, какъ у христіанъ единственное, неповторяемое таинство крещенія, омывающее насъ отъ первороднаго грѣха. Равнобѣрно и обрѣзаніе крайней плоти, служившее знаменіемъ ветхаго завѣта у евреевъ до установленія новаго завѣта обѣтованнымъ Мессіею, не имѣетъ и не можетъ имѣть у мухаммеданъ никакого духовнаго значенія: ибо они не ожидаютъ Мессіи. Оно даже не служитъ имъ и нравственнымъ знаменіемъ обрѣзанія плотскихъ страстей: ибо нигдѣ, какъ у нихъ, не открыто болѣе свободы для постыдныхъ страстей...

Такимъ образомъ нравственная часть мухаммеданской вѣры лишена почти всякаго духовнаго содержанія; во всемъ видна формальность, внѣшность, а не „поклоненіе Богу въ духѣ и истинѣ“. А такая вѣра, которая состоитъ изъ однихъ обрядовъ, не соединяетъ человѣка съ Богомъ и ведетъ скорѣе къ суевѣрію, чѣмъ къ добродѣтели. Дѣйствительно, самое строгое, постоянно-неизмѣнное исполненіе мухаммеданами обрядовыхъ дѣйствій нисколько не содѣйствуетъ къ нравственно-религіозному ихъ усовершенствованію: потому что въ основаніе исполненія сихъ дѣйствій не полагается сердечное расположеніе и благочестивое чувство. Отъ того-то, можно сказать, вся нравственность мусульманъ болѣе дѣло обычая, нежели совѣсти и вѣры.

Если же въ мухаммеданскомъ вѣроученіи и содержатся правила и предписанія собственно нравственныя: то ихъ весьма мало, и всѣ они, притомъ, или нечисто истинныя, или совершенно ложныя. Въ самомъ ал-коранѣ упоминается только о нѣкоторыхъ добродѣтеляхъ, напр. о честности; справедливости, употребленіи имѣнія въ защиту вѣры и т. п; упоминается также и о нѣкоторыхъ порокахъ, коихъ должно удаляться,

преимущественно же о многобожии, объ отпадении отъ вѣры, убійствѣ и т. п. Правда, въ коранѣ не рѣдко предписывается и любовь къ Богу, но эта любовь необходимо превращается въ рабскій страхъ, который есть начало нравственности, по учению Мухаммеда. На каждой почти страницѣ онъ повторяетъ: „бойтесь Бога, ибо Онъ жестоко наказываетъ“. Въ ал-коранѣ также говорится и о любви къ ближнимъ, но число ближнихъ ограничивается только одними правовѣрными, т. е. мухаммедами, и къ тому же друзьями, по отношенію же къ иновѣрнымъ заповѣдуются непримиримая ненависть, преслѣдованіе и даже убійство. „О правовѣрные! не входите въ искреннее дружество ни съ кѣмъ, кромѣ самихъ себя—мослемовъ; не принимайте въ друзья себѣ ни евреевъ, ни христіанъ; не берите себѣ въ друзья всѣхъ, получившихъ прежде васъ писанія, и невѣрныхъ, смѣющихся вашему закону и считающихъ оный за ложь и обманъ“. „О пророкъ! будто говоритъ Богъ, нападай на невѣрныхъ съ оружіемъ и поступай съ ними жестоко. Я поражу страхомъ сердца невѣрныхъ, а вы отсѣкайте имъ головы и всѣ концы ихъ перстовъ за то, что они сопротивляются Богу и Его апостолу (¹)“. Въ отношеніи же человека къ самому себѣ, въ ал-коранѣ нѣтъ или почти нѣтъ никакихъ собственно-нравственныхъ обязанностей, потому что въ немъ вовсе, кажется, не обращается вниманіе на усовершенствованіе и внутреннее исправленіе сердца. О самоотверженіи, благодати души, кротости и смиреніи въ исламѣ ничего не говорится. Будучи далекъ отъ того, чтобы приписать какую-либо важность высшей изъ добродѣтелей—цѣломудрію, Мухаммедъ установилъ своимъ ученіемъ и уполномочилъ своимъ примѣромъ все то, что противно этой добродѣтели. „О правовѣрные! дайте сирымъ дѣвамъ, пришедшимъ въ возрастъ, пропитаніе; а если съ сиротами женскаго пола вы не

(¹) Сюр. V, 39. VIII, 10. IX, 6, 39 и 75.

можете поступить по правдѣ, то берите изъ нихъ въ супружество тѣхъ, которые нравятся вамъ,—двѣ, три, четыре... Вы можете разводиться съ своими женами дважды и опять оставлять ихъ у себя съ любовію; но если мужъ разведется въ третій разъ, то уже не законно будетъ ему взять ее опять прежде, нежели она будетъ за-мужемъ за другимъ. О правовѣрные! вы имѣете въ апостолѣ Божіемъ превосходный примѣръ, а ему дозволено имѣть множество (до десяти) женъ и сколько угодно невольницъ, пріобрѣтенныхъ куплею, или военною добычею. Зачѣмъ воздерживаться отъ позволеннаго Богомъ (¹)“.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ, можно сказать, заключается почти все собственно нравственное ученіе мухамеданской вѣры! Изъ него видно, какъ это ученіе не чисто, жестко, часто ложно и нелѣпо. Главный его недостатокъ—это отсутствіе духа святой любви, который проникаетъ и просвѣтляетъ все истинно-человѣческое, любви, которая бы простиралась не только на друзей, но и на враговъ. И въ самомъ дѣлѣ, все почти ученіе Мухаммеда проникнуто духомъ брани, а не любви и мира. Коранъ не только заповѣдуетъ ненависть ко всѣмъ иновѣрнымъ, но и укоряетъ тѣхъ, которые чуждаются брани. „Вамъ предписали войну, а вы гнушаетесь ею (²)“! восклицаетъ Мухаммедъ. Кто говоритъ эти воинственные рѣчи?—Конечно, какой-нибудь завоеватель славолюбивый?—Нѣтъ. Такъ говоритъ духовный законодатель и учитель вѣры. Мухаммедъ думалъ, что онъ уже довольно справедливъ, когда произнесъ слѣдующія слова: „когда ты мстишь за нанесенныя тебѣ обиды, старайся, чтобы месть твоя была соразмѣрна съ ними“. Мухаммедъ превозноситъ законъ Моисеевъ: „око за око и зубъ за зубъ“, какъ лучшее законодательство, хотя также велитъ руководствоваться и Евангеліемъ. Но онъ не извлекъ изъ него сихъ высокихъ

(¹) Сюр. II, 224, IV, 3. XXXVI, 50...

(²) Сюр. XLVII, 4.

истинно-божественныхъ словъ: *слышасте, яко речено бысть: око за око, и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще ты кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мат. 5, 39). И послушные своему пророку, мусульмане въ точности исполняютъ его предписанія. Въ глазахъ ихъ нѣтъ святѣе закона, какъ презирать всѣхъ тѣхъ, которыхъ исламизмъ назвалъ именемъ невѣрныхъ. Все-возможныя несправедливости, всѣ утѣсненія, всѣ оскорбленія, всѣ безстыдства позволительны для нихъ въ отношеніи къ недѣржащимся одной съ ними вѣры. Это самое первое ученіе, которое напечатлѣваютъ имъ еще въ юности.

Чтожь касается чистѣйшихъ внѣшнихъ добродѣтелей, для Мухаммеда онѣ какъ будто бы не существовали. Онъ оставлялъ безъ всякаго вниманія высшую, духовную сторону чловѣка, а о ниспей, тѣлесной сторонѣ уже слишкомъ много заботился, и все въ существенный вредъ первой. Это особенно открывается изъ ученія Мухаммеда о многоженствѣ. Здѣсь же самымъ яснымъ образомъ высказался чувственный и низкій образъ мыслей лжепророка. Самозванный учитель вѣры не стыдился ласкательствовать низкимъ слабостямъ своихъ послѣдователей. вмѣсто того, чтобы умѣрять и обуздывать страстные порывы своихъ послѣдователей въ жаркихъ странахъ, гдѣ всѣ страсти пылки и раздражительны, онъ разрѣшалъ почти на все, дозволивъ всякому имѣть до 4-хъ женъ, давъ полную волю разводиться съ ними до трехъ разъ. Ни о какомъ предметѣ такъ многоглаголиво и такъ красно-рѣчиво Мухаммедъ не распространяется въ своемъ небесномъ коранѣ, какъ о чувственности и удовлетвореніи плотской похоти чрезъ многоженство и наложничество. Ясно, что это былъ одинъ изъ любимѣйшихъ его предметовъ, который онъ раскрываетъ и изъясняетъ во многихъ суряхъ разными способами, всегда соблазнительными и оскорбительными для благочестія, цѣломудрія и несквернаго ложа супружескаго. Отвраща-

тительно даже слѣдовать за всѣми изворотами сладострастія и женскими интригами, которыя были неразъоговариваемы въ коранѣ и подавали поводъ къ какому-либо новому узаконенію, выдаваемому за видѣніе свыше. И это случалось не рѣдко. Надобно удивляться, что есть еще люди, которые превозносятся похвалами нравственное ученіе мухаммеданъ, когда оно такъ низко и когда святѣйшее имя Божіе столь хульно и часто пріемлется всеу для предметовъ грубой чувственности!

Кромѣ сказаннаго, въ восполненіе нашего изслѣдованія о нравственномъ ученіи мухаммеданской вѣры, должно еще присовокупить:—оно не имѣетъ ни твердыхъ основаній, ни достаточно сильныхъ побужденій; не представляетъ ни дѣйствительныхъ средствъ къ выполненію налагаемыхъ обязанностей, ни истинно-высокой цѣли.

Нравственное ученіе мухаммеданской вѣры, говоримъ, не имѣетъ твердыхъ основаній. Всѣ правила и предписанія корана, разбросанныя и разъединенныя между собою, большею частію касающіяся только внѣшнихъ обрядовыхъ дѣйствій, не имѣютъ никакой внутренней, взаимно связующей ихъ живой связи, не имѣютъ никакого средоточнаго начала, изъ котораго бы они вытекали и къ которому бы опять примыкали. А это происходитъ отъ того, что обрядность ислама, въ чемъ и состоитъ его нравственность, оторвана Мухаммедомъ отъ понятія о добродѣтели, которая должна быть основою всего служенія нашего Богу.

Нравственное ученіе Мухаммедовой вѣры не имѣетъ достаточно сильныхъ и высшихъ побужденій. Въ коранѣ ясно высказаны только два побужденія: это—рабскій страхъ и обѣщаніе награды, состоящей главнымъ образомъ въ наслажденіяхъ чувственныхъ въ настоящей и будущей жизни. Но не смотря на всю обаятельную заманчивость, въ раю Мухаммедовомъ пожелаетъ жить развѣ человекъ самый нецѣломудренный, развратный и преданный всѣмъ земнымъ страстямъ.

человѣкъ, не имѣющій понятія о высшихъ чистыхъ наслажденіяхъ своего духа и о неизрѣченномъ блаженствѣ праведниковъ въ вѣчномъ соединеніи съ безплотными ангелами и Самымъ Богомъ, святѣйшимъ и совершеннѣйшимъ Духомъ. Очевидно, побужденія къ нравственности, какія предлагаетъ мухаммеданская вѣра, самыя нисшія; о любви же къ Богу—Законодателю, которою мы должны руководиться при выполненіи нравственныхъ обязанностей своихъ, не говорится ничего.

Мухаммеданская вѣра не даетъ своимъ послѣдователямъ никакихъ средствъ къ легчайшему выполненію нравственнаго закона и всѣхъ обрядовыхъ предписаній: она предоставляетъ каждому дѣйствовать собственными силами. Словомъ: въ мухаммеданскомъ вѣроученіи нѣтъ ни малѣйшаго понятія объ одномъ изъ важнѣйшихъ догматовъ истинно-откровенной вѣры, именно—о божественной благодати, безъ которой человекъ самъ по себѣ ничего не можетъ творить добраго.

Нравственное ученіе мухаммеданской вѣры не имѣетъ и истинно-высокой цѣли. Мы видѣли, что нравственность мусульманъ заключена въ одни внѣшнія обрядовыя дѣйствія, которыя, очевидно, нимало не преобразуютъ и нравственно не усовершенствуютъ человекъ, а тѣмъ менѣе могутъ дѣлать его существомъ святымъ и истинно-блаженнымъ, что составляетъ непремѣнную цѣль истинной богооткровенной вѣры.

Вообще, должно сказать, что если бы нравственность откровенной вѣры была такова, какова—мухаммеданской: то она была бы вовсе неудовлетворительна для рода человѣческаго, нисколько не содѣйствовала бы къ духовному его усовершенствованію. Нравственное ученіе мухаммеданства крайне односторонне и не только не дополняетъ естественнаго необходимыми истинами вѣры и правилами жизни, но и извращаетъ послѣднее во многихъ отношеніяхъ. Если же и есть въ немъ добрыя начала и предписанія, то они находятся въ явномъ разногласіи съ общимъ духомъ и характеромъ всего нравоученія...

ВЗГЛЯДЪ НА ВНѢШНЕЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ МУХАММЕДАНСКОЙ
ВѢРЫ.

Внѣшнее богослуженіе мухаммеданской вѣры состоитъ изъ обрядовъ, не имѣющихъ никакого высокаго смысла и значенія. изъ обрядовъ большею частію пустыхъ и суевѣрныхъ.

Внѣшнее богослуженіе мухаммеданской вѣры не достойно ни Бога, Существа достопокланяемаго, ни человѣка, существа покланяющагося. Оно не возбуждаетъ ни удивленія величію Божію, ни благоговѣнія къ таинственному присутствію вездѣприсущаго Господа всяческихъ, — не возбуждаетъ въ душѣ молящагося ни умиленія сердечнаго, ни размышленія разумнаго. Совершаемая народомъ въ мечетяхъ молитвословія, въ которыхъ предстаетъ имамъ, состоятъ въ монотонномъ чтеніи и пѣніи положенныхъ молитвъ и стиховъ корана. Они такъ однообразны, такъ стѣснены числительнымъ рядомъ поклоновъ, стояній, сидѣній и разныхъ поворотовъ, что трудно допустить, чтобы при отправленіи ихъ могло возникнуть чувство благочестія и чтобы умъ могъ углубиться въ смыслъ произносимыхъ словъ, и это тѣмъ болѣе, что малѣйшее уклоненіе отъ устава для молитвы, опущеніе нѣкоторыхъ, хотя очень не важныхъ, словъ, положеніе руки не на установленномъ мѣстѣ, по понятію мусульманина, отнимаетъ все достоинство и цѣнность молитвы. Моленіе же соединенныхъ между собою дервишей, мусульманскихъ аскетовъ — суфіевъ, состоящее въ различныхъ круженіяхъ подъ тактъ голоса или музыки и оканчивающееся изнеможеніемъ и изступленіемъ, нелѣпо въ высшей степени и показываетъ только или безумный фанатизмъ, или жалкое изувѣрство.

По внѣшнему виду своему, богослуженіе мухаммеданской вѣры бѣдно и крайне несовершенно. Это и естественно: какъ скоро пусто самое содержаніе вѣры, нѣтъ въ ней красоты внутреннихъ, то не можетъ быть

и внѣшняго благолѣпія. Такъ, напр. обрядъ жертвоприношенія (курбана), совершаемый мухаммеданами въ мѣсяць зуль-хидже и состоящій въ принесеніи въ жертву Богу какого-либо животнаго изъ домашняго скота, хотя основанъ, по ученію мухаммеданскому, на желаніи жертвоприносящаго выразить свою покорность Богу, свое исповѣданіе Его владыкою всего живущаго и умирающаго; но какъ обрядъ, въ основаніи котораго лежитъ одинъ человѣческій произволъ смертію благоугождать Животворящему, есть обрядъ суетный. Видна только здѣсь пресмщенность преданія, перешедшаго отъ отцевъ, но уже утратившаго духовную силу вмѣстѣ съ духовнымъ значеніемъ. Авраамъ и Измаиль, родоначальники арабскаго племени, приносили жертвы, и Моисей установилъ законный ихъ порядокъ для народа израильскаго: но что предзнаменовали сіи жертвы? Ибо, по словамъ св. апостола Павла, *не возможно крови юнчей и козлей отпущати грѣхи, и жертвами сими воспоминаніе грѣховъ на каждое лѣто бываетъ* (Евр. 10, 3 и 4). Теперь, послѣ принесенія великой голгооской жертвы, совершилось то, что предзнаменовали ветхозавѣтныя жертвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершилось и отпущеніе грѣховъ, о коихъ они воспоминали. Поэтому жертвы теперь должны быть упразднены. Христосъ, говоритъ апостоль, *единемъ приношеніемъ совершилъ есть во вѣки освящаемыхъ*. (Евр. 10, 14).

Но Мухаммедъ, не постигнувъ своевременнаго совершенія сихъ таинственныхъ образовъ, удержалъ ихъ въ своемъ законѣ, и доселѣ проливается у его послѣдователей кровь безсловесныхъ животныхъ, вмѣсто безкровнаго приношенія умиловительной жертвы, въ воспоминаніе той, которая примирила Бога съ человѣкомъ. Праотецъ Авраамъ, видѣвшій, по словамъ Евангелія, день Христовъ (Іоан. 8, 46), предвидѣлъ духомъ и сію искупительную жертву, когда, ради послушанія, хотѣлъ принести Богу во всесожженіе возлюбленнаго сына своего Исаака, который былъ прообразомъ Сына Божія, за насъ пострадавшаго, — и тогда обѣщано ему

было, что въ сѣмени его, т. е. въ томъ, кто имѣлъ произойти отъ его рода, благословятся всѣ племена земныя (Быт. 22, 18). Сказаніе о вольной жертвѣ Авраама находится и въ коранѣ, ⁽¹⁾, хотя не объясненъ настоящій, таинственный ея смыслъ. Когда же исполнилось предсказанное благословеніе надъ родомъ чело-вѣческимъ въ лицѣ Іисуса Христа, искупившаго кровію Своею міръ: то Мухаммедъ, жившій спустя шесть сотъ лѣтъ послѣ сего благодатнаго событія, не уразумѣлъ тайны, которую за двѣ тысячи лѣтъ созерцалъ уже его праотецъ Авраамъ. — Столь зорко око духовное, предвидящее за тысячи лѣтъ, и столь слѣпо око чувственное, незамѣчающее и того, что уже предъ нимъ совершилось!

Разсмотрѣвъ внутреннее содержаніе мухаммеданской вѣры, изложивъ съ должными замѣчаніями ученіе ея догматическое и нравственное, сдѣлавъ краткій взглядъ и на внѣшнее ея богослуженіе, покажемъ вытекающія изъ всего этого слѣдствія, т. е. что мухаммеданская вѣра совершенно не имѣетъ внутреннихъ признаковъ истинно-божественной вѣры.

Дѣйствительно, на какую сторону мухаммеданской вѣры мы ни взглянемъ, вездѣ увидимъ недостатки совершенно противоположные достоинствамъ истинно-божественной вѣры.

Мухаммеданская вѣра недостойна Бога. Она не только не содержитъ истинъ совершенно чистыхъ и высокихъ, отличающихся спасительностію и животворностію, но въ ней едвали можно найти и одну какую-либо истину въ свойственномъ ея достоинству видѣ. Мало того: мухаммеданская вѣра заключаетъ въ себѣ много ложнаго. Такъ, напр., она представляетъ Бога ви-

(1) Сюр. XXXVII, 99 - 107; только будто бы принесенъ былъ въ жертву не Исаакъ, а Измаиль.

новникомъ заблужденій человѣческихъ и даже зла, представляетъ его пекущимся объ одной тѣлесной сторонѣ человѣка и пр... Далѣе, ученіе исламизма проникнуто многими нелѣпыми и безразсудными понятіями о самыхъ коренныхъ и важнѣйшихъ истинахъ вѣры и нравственности, — и кромѣ того, дышетъ фанатическою злобою, столько гибельною для всѣхъ иновѣрныхъ. Также чрезвычайно легкомысленъ и безразсуденъ взглядъ въ мухаммеданствѣ на способъ примиренія падшаго человѣка съ Богомъ. По сказанію корана, Адамъ и Ева, обитавшіе въ раю на 4-мъ небѣ,⁴ пали оттуда, по кознямъ сатаны, одинъ на островъ Цейлонъ, а другая на гору Арафатъ близъ Мекки, и чрезъ 200 лѣтъ покаянія и плача о грѣхахъ своихъ прощены Богомъ. и въ знакъ этаго умилоствленія Богъ соединилъ ихъ на Арафатѣ, удовлетворенный ихъ слезами. Наконецъ, мухаммеданская вѣра недостойна Бога и потому, что представляетъ въ себѣ много противорѣчій. Въ подысканіи противорѣчій въ ней затруднятся нечего. Первое противорѣчіе касательно возможности спасенія въ той или другой вѣрѣ. Мухаммедъ сначала допускалъ возможность спасенія въ христіанствѣ, іудействѣ и вообще въ каждой вѣрѣ, только бы человѣкъ вѣровалъ въ Бога, воскресеніе мертвыхъ и судъ (¹). Но такой взглядъ стоитъ въ явномъ противорѣчій съ духомъ всего корана, и въ частности — съ слѣдующимъ опредѣленнымъ стихомъ СХІ-й сюры: „Истинный законъ въ очахъ Божіихъ есть исламъ. Всякій, кто слѣдуетъ другому закону, а не исламу, слѣдуетъ напрасно: благоговѣніе и молитвы не будутъ здѣсь приняты отъ него, а за гробомъ онъ будетъ одинъ изъ вѣчно погибающихъ. Ибо нѣтъ другаго закона, кромѣ божественнаго ислама“.— Другое противорѣчіе въ мухаммеданствѣ касательно распространенія вѣры. На первыхъ порахъ своего проповѣдничества, когда у Мухаммеда еще не было

(¹) Сюр. II, 59.

значительнаго числа послѣдователей, и потому никакой внѣшней силы, онъ высказывалъ, въ тонѣ скромнаго вѣропроповѣдника, довольно умѣренныя требованія, именно, чтобы его соотечественники отреклись отъ идолопоклонства, признали возвѣщаемое имъ единобожіе первобытной вѣры и увѣровали въ него, какъ уполномоченнаго свыше. Принуждать къ вѣрѣ своей онъ считалъ за грѣхъ. Но когда счастливые успѣхи увѣнчали его первое предпріятіе, а энтузіазмъ его приверженцевъ сообщилъ смѣлый полетъ и его фантазіи, и его честолюбивымъ стремленіямъ: тогда онъ совершенно иначе сталъ дѣйствовать. Во имя неба онъ объявилъ войну за законъ Божій и утверждалъ, что надобно воевать до тѣхъ поръ, пока на землѣ не будетъ одной истинной вѣры. Тогда въ коранѣ явились стихи, дышущіе убійствомъ и кровію. Множество и другихъ противорѣчій можно найти въ исламизмѣ...

Мухаммеданская вѣра не имѣетъ надлежащаго приложенія и къ человѣку. Не смотря на то, что мухаммедане утверждаютъ, будто каждый, по самой природѣ своей, раждается мослемомъ, только родители или воспитаніе дѣлаютъ изъ него или еврея, или христіанина, или послѣдователя другой какой-либо вѣры: на самомъ дѣлѣ мухаммеданская вѣра въ высшей степени несообразна съ природою души нашей. Она не служитъ высшимъ освященіемъ благороднѣйшихъ силъ и способностей человѣка. Такъ, она запрещаетъ всякое разсужденіе о вѣрѣ: но цѣль, съ которою Богъ даровалъ человѣку разумъ, та, чтобы человѣкъ разумно познавалъ Бога и сознательно служилъ Ему. Мухаммеданская вѣра догматомъ своимъ о безусловномъ предопредѣленіи слишкомъ ослабляетъ или почти уничтожаетъ свободу человѣка. Дозволеніемъ многоженства и всякихъ чувственныхъ удовольствій развращаетъ сердце, или чувство, и дѣлаетъ его совершенно неспособнымъ къ наслажденію благами духовными.—Мухаммеданская вѣра не удовлетворяетъ и высшихъ потребностей души нашей:—ни потребности истины, потому что

она и не проповѣдуетъ чистой истины и не ведетъ къ ней;—ни потребности святости, потому что она, напротивъ, подавляетъ эту потребность и не даетъ никакой вѣрной идеи о святости;—ни потребности блаженства, ибо то блаженство, о которомъ она говоритъ и которое обѣщаетъ своимъ послѣдователямъ—ложное блаженство, совершенно недостойное существа богоподобнаго.

Далѣе, мухаммеданская вѣра не имѣетъ и предмета истинно-божественной вѣры. Изъ содержанія ея ученія видимъ, что она не заключаетъ въ себѣ ни чистыхъ и высокихъ истинъ догматическихъ, ни животворныхъ и спасительныхъ истинъ нравственныхъ. Большею частію вся она наполнена сказаніями, похожими на басни, и притомъ часто нелѣпыми и безразсудными. О важнѣйшихъ же вопросахъ, касающихся настоящей жизни и жизни будущей, о вопросахъ, которые содѣйствуютъ къ достиженію нашего предназначенія, въ ней или нѣтъ и намека, или если и говорится, то вопросы эти скорѣе разсѣкаются, чѣмъ разрѣшаются. Кратко: мухаммеданская вѣра, разсматриваемая въ отношеніи къ ея предмету, чрезвычайно пуста,—и болѣе всего бросается въ глаза пустота ея формализма, самаго сухаго, лишеннаго духа и жизни.

Мухаммеданская вѣра не имѣетъ и истинно-высокой цѣли, достойной свыше-откровенной вѣры. Мухаммеданская вѣра не просвѣщаетъ человѣка свѣтомъ истиннаго религіознаго ученія, не служитъ для него необходимымъ пособіемъ въ дѣлѣ богопознанія. Тѣмъ менѣе мухаммеданская вѣра имѣетъ силы дѣлать человѣка нравственно-лучшимъ, нежели каковъ онъ въ состояніи естественномъ, дѣлать его существомъ святымъ и праведнымъ. Ибо она не предлагаетъ никакихъ истинно-дѣйствительныхъ средствъ къ оправданію человѣка и примиренію его съ Богомъ. Отъ того несчастный мусульманинъ, сколько бы точно ни исполнялъ всѣ предписываемые въ коранѣ обряды, за всѣмъ тѣмъ необходимо остается подъ тяжестію грѣховъ, какъ первороднаго, такъ и произвольныхъ, и стало-быть—подъ

тяжестію проклятiя божественнаго. А потому, если бы свыше-откровенная вѣра была такова, какъ мухаммеданская, то человѣкъ неизходно пребывалъ бы во тьмѣ и сѣни смертнѣй... Отсюда уже само собою открывається и то, что мухаммеданская вѣра не приближаетъ и не можетъ приближать человѣка къ послѣдней высочайшей цѣли нашей—къ благодатному союзу съ Богомъ, въ удаленіи отъ котораго нѣтъ для человѣка ни истиннаго счастья, ни блаженства.

И такая-то вѣра, которая недостойна Бога, которая не сообразна съ природою души нашей и ея высшими потребностями, которая не имѣетъ ни истиннаго предмета и почти никакой цѣли,—и такая-то вѣра, по убѣжденію мухаммеданъ, будто бы дана для всего рода человѣческаго и навсегда. Нѣтъ, она нисколько не оправдываетъ самымъ дѣломъ такихъ притязаній, усвояемыхъ ей жаркими ея послѣдователями. Та вѣра не можетъ быть истинно-божественною вѣрою, назначенною для всего рода человѣческаго, которая не возвѣщаетъ обще-человѣческихъ истинъ, которая болѣе обращаетъ вниманіе на внѣшнее и случайное, чѣмъ на существенное и необходимое для человѣка, которая почти вся состоитъ изъ пустыхъ и мелочныхъ правилъ и предписаній. Та вѣра не можетъ быть истинно-божественною вѣрою, дарованною на всѣ времена, которая передана въ формѣ споровъ и опроверженій, которая оставляетъ безъ надлежащаго рѣшенія многіе существенно-важнѣйшіе для насъ вопросы. Напрасно Мухаммедъ говорилъ, что вѣра, возвѣщаемая имъ, есть полное руководство, въ которомъ находится все нужное ко спасенію:—всякому, сколько нибудь знакомому съ мухаммеданствомъ, извѣстно, что такое хвастовство самозваннаго пророка—явная и самая безсовѣстная ложь.

Разсмотрѣвъ на основаніи внутреннихъ признаковъ истинно-божественной вѣры мухаммеданскую вѣру, заключаемъ, что она, по содержанію своему, дѣйствительно, вѣрованіе ложное и мнимо-божественное.—И притомъ, нельзя представлять такъ, что мухаммеданская

вѣра въ началѣ была чище, ближе подходила къ вѣрѣ свыше-откровенной, а потомъ искажилась и обезобразилась ложными и суемудрыми взглядами своихъ послѣдователей. Нѣтъ, мухаммеданская вѣра ложна въ самомъ своемъ основаніи, въ самомъ источномъ началѣ. Для подтвержденія высказаннаго положенія, рассмотримъ, сколько и какъ нужно для нашей цѣли, лжеоткровеніе мусульманъ,—эту небесную ихъ книгу, которой они не знаютъ и цѣны.

Хотя, по убѣжденію мухаммеданъ, ал-коранъ есть истинное откровеніе Божіе, изъясненіе и запечатлѣніе всѣхъ прежде бывшихъ откровеній; но это съ ихъ стороны не болѣе, какъ святотатственное усвоеніе: ал-коранъ есть самодѣльное изобрѣтеніе ума естественнаго, человѣческаго, изобрѣтеніе, показывающее довольно низкую личность его составителя и полное отсутствіе истинно-божественнаго откровенія. И въ самомъ дѣлѣ, если отдѣлить отъ него все заимствованное изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, что составляетъ почти цѣлую треть корана, то останутся только вымыслы плодovитой фантазіи Мухаммеда, басни, присказки, нелѣпости, часто самыя сумазбродныя.

Почему же мухаммедане такъ высоко смотрятъ на коранъ, что не находятъ словъ для достойнаго выраженія своего благоговѣнія къ нему и удивленія?—Такой высокій взглядъ на свое лжеоткровеніе Мухаммедъ самъ же внушилъ своимъ послѣдователямъ.

Извѣстно, что Мухаммедъ искалъ доказательства божественнаго происхожденія корана въ его красотахъ. „Еслибы, говорилъ онъ, всѣ духи и люди соединились вмѣстѣ, чтобы составить нѣчто подобное корану, то не произвели бы ничего ему равнаго, хотя бы на то сложили въ одно всѣ свои силы (¹)“. И точно, удивленіе, какое эта книга, т. е. коранъ, внушила къ

(¹) Сур. XVII; также сур. X, 38; XI, 14.

себѣ въ мухаммеданахъ, происходитъ главнымъ образомъ отъ красоты слога и того тщанія, съ какимъ изобрѣтатель ея украсилъ свою прозу прелестію поэзіи, сообщая ей гармоническое теченіе и дѣлая рифмованные стихи и періоды. Но красота языка, изящество слога, витіеватость, блескъ выраженій и т. под. ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить доказательствомъ высшаго, чѣмъ человѣческаго, происхожденія корана. Иначе наравнѣ съ нимъ, или еще справедливѣе, должно приписать тоже сочиненіямъ Платона, Демосѣена, Цицерона и многихъ другихъ неподражаемыхъ писателей на разныхъ языкахъ. Напротивъ, эти выхваляемыя красоты корана отнюдь не служатъ ему благопріятствующимъ обстоятельствомъ. Истина не любитъ прикрасъ: она величественна сама по себѣ и можетъ убѣждать однимъ естественнымъ представленіемъ внутренняго своего достоинства. Внѣшнія же красоты извѣстнаго произведенія наводятъ весьма сильное подозрѣніе: это часто значитъ, что оно именно съ тѣмъ расчетомъ разукрашено и мастерски отдѣлано, чтобы хитростями искусства и прелестями слога очаровавъ слухъ и воображеніе, не допустить читателя или слушателя обратить болѣе серьезное и глубокое вниманіе на пустоту содержанія самой книги.

Какъ по внѣшней своей формѣ, такъ и по внутренней организациіи мыслей коранъ не можетъ объявить притязанія не только на откровеніе, но и на замѣчательное произведеніе человѣческое, основательно составленное. Кромѣ разбросанности и нестройности въ мысляхъ, нерѣдко встрѣчаются въ немъ самыя вопіющія, непростительныя погрѣшности противъ логики. Правда, коранъ есть произведеніе поэтическое, но и поэзія имѣетъ свои законы и свою логику. Здѣсь все перемѣшано—и времена и лица, такъ что говоря о прошедшемъ, Мухаммедъ употребляетъ будущее время, и напротивъ, говоря о будущемъ, онъ рассказываетъ какъ прошедшее; часто переноситъ рѣчь свою отъ перваго лица на третье и на оборотъ: оттого-то въ кора-

нѣ такая темнота и неясность.—Далѣе, непрестанно попадаетя повтореніе однихъ и тѣхъ же исторій, мыслей и фразъ. Многоглаголаніе и пустословіе—самая обыкновенная вещь въ коранѣ. Потому-то чтеніе его, при всемъ его поэтическомъ достоинствѣ, дѣлается скучнымъ, тяжелымъ и несноснымъ. Въ каждой сурѣ почти можно найти все ученіе корана; вездѣ читаемъ одно и то же: опроверженіе идолопоклонства и многобожія и неразлучныя съ этимъ исторіи о предшествовавшихъ пророкахъ отъ Адама до самаго Мухаммеда включительно,—и защищеніе, что онъ человекъ не сумасшедшій, не чародѣй, что онъ проповѣдуетъ не старинныя басни ⁽¹⁾. Отсюда объясняется отчасти и то, почему такъ трудно составить полное и положительное понятіе о какой-нибудь истинѣ мухаммеданской вѣры, отъ чего мухаммедане сами хорошо не знаютъ своей вѣры и имѣютъ столько противорѣчащихъ взглядовъ на нее.

И можетъ ли быть, въ самомъ дѣлѣ, такое произведеніе свыше дарованнымъ откровеніемъ, когда въ немъ почти ничего нѣтъ положительно-твердаго? Выше, при разсматриваніи признаковъ истинно-божественной

(1) Правда, нельзя отвергать и того, что такая разбросанность, нестройность и частое повтореніе одного и того же произошло отъ самаго способа собранія корана. Извѣстно, что Мухаммедъ декламировалъ стихи свои въ разныя времена и по случаю различныхъ обстоятельствъ. Коль скоро онъ издавалъ какой-либо новый стихъ, его послѣдователи тотчасъ принимали его на память, и потомъ записывали на пальмовыхъ листьяхъ, костяхъ, лоскутахъ кожи и проч. Эти стихи впоследствии положены были въ ящикъ и ввѣрены одной изъ жевъ Мухаммеда. Спустя довольно времени, одинъ изъ его секретарей собралъ ихъ; но собиратель не обратилъ должнаго вниманія ни на порядокъ времени, ни на самое содержаніе стиховъ. Отъ чего часто помѣщено въ концѣ то, что ясно относится къ началу, что объявлено въ Мединѣ—смѣшано съ тѣмъ, что было въ Меккѣ; и даже въ одной и той же главѣ есть стихи, открытыя въ различныхъ городахъ. Однимъ словомъ: собиратель не держался никакого порядка: стихи были прилаживаемы одинъ къ другому, какъ попадались подъ руку.

вѣры, мы показали, что откровеніе естественно должно быть излагаемо такимъ тономъ, изъ котораго бы прямо слѣдовало, что здѣсь вѣщаетъ Самъ Богъ, иначе сказать: въ откровеніи долженъ господствовать тонъ положительно - твердый. Напротивъ, въ ал-коранѣ на многіе предметы вѣры и дѣятельности даются отвѣты предположительные, въ которыхъ нельзя быть увѣрену; выраженіе „можетъ быть“ въ немъ очень обыкновенное.

Если, далѣе, обратимъ вниманіе на самое образованіе корана, на побужденія къ составленію той или другой его сюры; то и здѣсь не найдемъ ничего такого, что бы подтверждало притязанія мухаммеданъ на высокое названіе его божественнымъ откровеніемъ. Почти весь ал-коранъ составленъ для того, чтобы оправдать то или другое предпріятіе Мухаммеда, и смотря потому, какъ измѣнялись его обстоятельства, такъ точно измѣнялись и получаемыя имъ откровенія. Если его занимало какое-нибудь новое дѣло, или если нужно было устранить возраженіе со стороны враговъ противъ его и его ученія, или слѣдовало уничтожить какую-либо трудность, или успокоить неудовольствіе народа, или оправдать сдѣланный соблазнъ. въ такомъ случаѣ Мухаммедъ прибѣгалъ къ архангелу Гавріилу, чтобы получить отъ него откровеніе, — и тотчасъ являлось новое прибавленіе въ ал-коранѣ, которое вполне соотвѣтствовало желанной цѣли. Такимъ-то образомъ составлялось лжеоткровеніе мухаммеданъ, къ которому они вовсе незаслуженно имѣютъ безпредѣльное уваженіе.

Наконецъ, яснѣе всего лжебожественность ал-корана, а вмѣстѣ и ложность мухаммеданской вѣры открывается изъ того, что коранъ наводненъ множествомъ басенъ, разныхъ безразсудныхъ исторій, нелѣпостей и противорѣчій. Какъ именно много находится въ немъ мѣсть суевѣрныхъ, баснословныхъ или совершенно-ложныхъ, — ео всею точностію и подробностію указано

трудолюбивымъ Маракчи (¹). Мы не станемъ перечислять басни и нелѣпости корана: довольно ихъ можно видѣть и изъ представленнаго нами ученія мухаммеданской вѣры;—здѣсь скажемъ только о находящихся въ лжеоткровеніи мусульманскомъ противорѣчіяхъ. Это тѣмъ важнѣе для насъ, что самъ Мухаммедъ доказывалъ истинную божественность своего творенія отсутствіемъ въ немъ всякаго противорѣчія.

По словамъ Мухаммеда, въ коранѣ нѣтъ противорѣчій, коранъ—слово Божіе, а слова Божіи исполнены истины и справедливости, они неизмѣнны, ибо нѣтъ премѣненія глаголамъ Божіимъ (²). Тоже говоритъ Мухаммедъ и въ другихъ мѣстахъ: „Не разсматривали ли они внимательно коранъ? Еслибъ онъ былъ не отъ Бога, то въ немъ нашли бы, безъ сомнѣнія, много противорѣчій (³)“. Видно, что Мухаммедъ старался избѣжать противорѣчій въ своемъ коранѣ; и не смотря однакожъ на то, какъ человекъ непослѣдовательный и нисколько нелогичный, онъ допустилъ въ немъ множество противорѣчій, прямыхъ и не прямыхъ, которыхъ вообще насчитываютъ около 150-ти (⁴). Стоитъ только анализировать слова Мухаммеда, разсмотрѣть мысль логически, въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, непременно найдется противорѣчіе въ словахъ и мысляхъ. Еще современники лжепророка замѣчали это и съ укорами говорили ему: „ты ковачь этихъ стиховъ (⁵)“. Мухаммедъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости, чтобы защитить себя отъ легкомыслія и непостоянства: онъ сталъ доказывать, что противорѣчія въ коранѣ не суть противорѣчія въ собственномъ смыслѣ, а только отмѣненія однихъ опредѣленій другими, лучшими. И по этому случаю онъ заставилъ Бога сказать ему: „на мѣсто

(¹) См. Prodr. ad Refut. Alc. part. IV. p. 27.

(²) Сюр. VI, 115; X, 65; XXXV, 41. L, 28.

(³) Сюр. IV, 84.

(⁴) Жизнь Мухам. Прилѣ, стр. 117.

(⁵) Сюр. XVI, 102.

всякаго стиха, который мы уничтожили, или повелѣли забыть тебѣ, принесемъ новый лучшій, или подобный ему (¹)“. Такъ Мухаммедъ защищался отъ допущенныхъ имъ въ коранѣ противорѣчій. Послѣдователи его пошли еще далѣе. На основаніи выше приведенныхъ мѣстъ корана, у нихъ образовался цѣлый отдѣлъ богословія—объ отмѣняющемъ и отмѣненномъ въ коранѣ, гдѣ съ точностію опредѣлены, какіе стихи должно считать отмѣняющими и какіе отмѣненными и слѣдовательно неимѣющими силы и значенія. Желая сколько-нибудь уменьшить противорѣчія, они всячески старались примирить ихъ между собою разными софизмами, и наконецъ рѣшили дѣло такъ: въ коранѣ нѣкоторые стихи отмѣнены и по смыслу и по буквѣ, а слѣдовательно вовсе остаются недѣйствующими (²), другіе стихи отмѣнены только по смыслу, а по буквѣ остаются въ силѣ, а иные—только по буквѣ, а смыслъ остается. Но такое объявленіе противорѣчій корана, очевидно, недостаточно, нимало не освобождаетъ его отъ нихъ.

Такимъ образомъ совершенно несправедливо представлять себѣ такъ, что мухаммеданская вѣра сначала была гораздо чище, ближе подходила къ истинно-откровенной вѣрѣ, а потомъ будто обезобразилась. Нѣтъ, мухаммеданство есть вѣрованіе ложное въ самыхъ своихъ основаніяхъ, въ самомъ источномъ началѣ.

Б.

МУХАММЕДАНСКАЯ ВѢРА НЕ ИМѢЕТЪ НИ ВНЕШНИХЪ ПРИЗНАКОВЪ ИСТИННО-БОЖЕСТВЕННОЙ ВѢРЫ.

Между внѣшними признаками известной вѣры первое, что обращаетъ на себя вниманіе, это—лице ея

(¹) Сюр. II, 100.

(²) Такъ 59 стихъ второй сюры отмѣненъ 79 стихомъ СХІ-й сюры; 241 ст. ХІ сюр.—134 тойже самой сюры; 53 ст. ХХІІІ сюр. отмѣненъ тойже сюры 49 стихомъ.

проповѣдника. Посему естественно, при сужденіи о внѣшнихъ признакахъ мухаммеданской вѣры, сначала остановить вниманіе свое на основателѣ ея—Мухаммедѣ, сынѣ Абдаллы.

Трудно съ точностію опредѣлить побужденія, заставившія Мухаммеда рѣшиться принять на себя лице пророка и посланника Божія, уполномоченнаго будто свыше возстановить и исправить древнюю вѣру Авраама и слѣдовавшихъ за нимъ патріарховъ. Такъ много существуетъ разныхъ пристрастныхъ взглядовъ на самозваннаго пророка Аравіи въ средѣ враговъ и ревностныхъ его почитателей, что едва ли возможно показать, чего въ немъ было болѣе—мечтательности, самопрельщенія, или обмана. Но какъ онъ самъ понималъ свое дѣло, какъ смотрѣлъ на свою вѣру—какъ на цѣль или какъ на средство?

Изъ ал-корана видимъ, что современники долго не соглашались признать Мухаммеда посланникомъ Божиимъ. Они называли его многими укорительными именами, выражающими ту или другую частную черту его характера:—мечтателемъ и льстецомъ, сумасшедшимъ и разстроеннымъ духомъ и тѣломъ⁽¹⁾, лицемеромъ⁽²⁾, обманщикомъ⁽³⁾, поэтомъ, имѣющимъ въ себѣ демона⁽⁴⁾. Но всѣ таковыя подвергаются въ ал-коранѣ ужаснымъ проклятіямъ и осуждаются на страшныя мученія.

Можно полагать, что въ началѣ своихъ замысловъ Мухаммедъ, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе возстановить въ своемъ идолопоклонническомъ отечествѣ древнее единобожіе;—и это свыше-вдохновенное, по его понятію, намѣреніе поддерживалось въ немъ энтузіазмомъ, свойственнымъ арабу, возникшимъ въ немъ въ слѣдъ за мыслию преобразовать своихъ соотечествен-

(¹) Сюр. LXVIII, 81.

(²) Сюр. III, 181.

(³) Сюр. III, 155; XXIV, 17.

(⁴) Сюр. II, 30; XV, 6.

никовъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Такъ смотрѣть на Мухаммеда заставляютъ и собственный личный его характеръ, пылкій, мечтательный и въ высшей степени предприимчивый, равно и окружавшія его обстоятельства, которыя вообще были такого рода, что возбуждали сильнѣйшую потребность въ религіозно-нравственномъ преобразованіи арабовъ ⁽¹⁾.

Но Мухаммедъ не остался вѣрнымъ первоначальному своему намѣренію, по вступленіи своемъ на поприще духовнаго законодателя и возстановителя древней, праотеческой вѣры. Онъ не всегда смотрѣлъ на вѣру свою, какъ на цѣль; какъ только усилился, онъ сталъ смотрѣть на нее, какъ на средство къ возвышенію. Потому инымъ онъ представляется какъ пустыжникъ пещеры горы Хира, инымъ—какъ проповѣдникъ Мекки, другимъ—какъ завоеватель Аравіи и князь своего народа.

И въ самомъ дѣлѣ, когда обратимъ вниманіе на то, что Мухаммедъ, сперва ревнитель чистоты и святости вѣры, сдѣлавшись сильнымъ и принявъ на себя лице владыки и судіи, непрестанно мѣняетъ свои постановленія и предписанія, выдаетъ за божественныя откровенія такія мысли и слова, которыя не могутъ назваться даже разумно-человѣческими и, сверхъ того, влагаетъ въ руки своихъ послѣдователей огонь и мечь противъ непокорныхъ его исламу: то мы не можемъ не усмотрѣть въ немъ не только энтузіаста до самопрельщенія, но и намѣреннаго обманщика, желающаго обольщать другихъ.

⁽¹⁾ Аравія во времена Мухаммеда была сборищемъ почти всѣхъ восточныхъ вѣрованій. Тамъ были послѣдователи грубаго язычества и тогоже язычества въ формахъ сабеизма и магизма, юдеи разныхъ толковъ и еретики изъ христіанъ. Можно вообразить себѣ, какую разнообразную смѣсь исповѣданій тогда представляли вѣрованія разнородныхъ обитателей Аравіи и какая отсюда возбуждалась потребность въ религіозно-нравственномъ преобразованіи арабовъ.

Сколь мало, дѣйствительно, Мухаммедъ соотвѣтствовалъ въ своей жизни и дѣйствіяхъ самовольно и святотатственно принятому имъ высокому, пророческому служенію, — показываетъ его характеръ, нечистый и мрачный, обнаруживающій рѣзкія черты самыхъ позорныхъ страстей и самыхъ низкихъ пороковъ, словомъ — характеръ вовсе не пророческій.

Мухаммедъ въ посланничествѣ своемъ, которое выдавалъ за истинно-божественное, имѣлъ цѣлю не славу Божію, а самого себя. Такъ за проповѣданіе своего корана онъ именемъ Божіимъ требовалъ любви къ себѣ отъ своихъ соотечественниковъ, любилъ величать себя пророкомъ, апостоломъ Божіимъ, и всѣми мѣрами добивался громкой славы...

Мухаммедъ показывалъ сильную страсть къ преобладанію и корысти. „Корысти городовъ, по его словамъ, дарованныхъ Богомъ апостолу, принадлежатъ Богу и апостолу Его (1)“. Въ званіи уже пророка, Мухаммедъ построилъ домъ себѣ въ Мединѣ. И вообще — все онъ обращалъ въ свою пользу, и свои частныя выгоды подкрѣплялъ печатію неба: „вы перестали внимать гласу пророковъ, Богъ накажетъ васъ за ваше неповиновеніе“, — говорилъ онъ своимъ невсегда покорливымъ слушателямъ.

Мухаммедъ обнаруживалъ рѣзкія черты фанатизма и безчеловѣчія. Онъ не жалѣлъ опустошать города и веси, и нещадно, безжалостно проливалъ кровь человѣческую. По покореніи Мухаммедомъ Мекки силою оружія, а болѣе голодомъ и коварствомъ, вождь корейшитовъ — Абу Софіанъ, впоследствии тестъ пророка, разъ пришелъ къ нему и сказалъ: „заклинаю тебя Богомъ и родствомъ между нами, скажи мнѣ, ужели дѣйствительно думаешь, что ты милость, ниспосланная намъ отъ Господа? Ибо ты отцевъ нашихъ погубилъ мечемъ, а дѣтей поморилъ голодомъ“. Жестокость и

(1) Сур. VIII, 1.

кровожадность были врождены Мухаммеду, и онъ почти ни мало не старался умѣрять ихъ. Сдѣлавшись чрезъ происки и хитрости предводителемъ толпы суевѣрныхъ фанатиковъ, Мухаммедъ не выпускалъ изъ рукъ своихъ оружія, и послѣднія десять лѣтъ его жизни были, можно сказать, одною непрерывною кровавою бранью. Даже среди жестокихъ мученій, которымъ подвергался предъ своею смертію, онъ мечталъ только о войнѣ. Какъ Мухаммедъ самъ любилъ войну, такъ заповѣдалъ и своимъ послѣдователямъ непримиримую вражду противъ всѣхъ невѣрныхъ, внушая имъ страсть къ ужасамъ опустошенія, кровопролитія и насилія въ самыхъ сильныхъ и энергическихъ стихахъ. Кровавымъ пятномъ на Мухаммедѣ лежатъ его предписанія относительно священной войны и истребленія идолопоклонниковъ. Этого пятна ни чѣмъ нельзя смыть съ его памяти.

Мухаммедъ преданъ былъ особенно грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ и не заботился объ ограниченіи своихъ страстей. По словамъ даже своихъ историковъ—панегристовъ, онъ имѣлъ сильное пристрастіе къ женскому полу—свойство, совершенно недостойное духовнаго законодателя. И какъ странно такое чувственное развитіе въ преклонныхъ уже лѣтахъ, послѣ пятнадцати-лѣтняго пребыванія въ бракѣ съ Хадиджею! И до такой степени все болѣе и болѣе разгаралась чувственность Мухаммеда, что онъ для удовлетворенія своего сладострастія не упускалъ ни малѣйшаго случая въ своихъ походахъ и на богомольяхъ вступать въ новыя супружества, нерѣдко родственныя и противозаконныя. Въ то время, какъ Мухаммеду было 50-ть лѣтъ, онъ имѣлъ одновременно девять женъ, изъ коихъ нѣкоторыя были даже близкія его родственницы. Но что особенно нечестиво,—это то, что Мухаммедъ, въ оправданіе незаконнаго своего многоженства, кровосмѣсительныхъ браковъ и любострастной жизни, неоднократно объявлялъ своимъ послѣдователямъ, будто бы онъ на все это имѣетъ по-

велѣніе отъ самаго Бога, — и на этомъ основаніи Мухаммедъ разрѣшалъ себѣ въ качествѣ пророка болѣе, чѣмъ другимъ. Не грѣшно ли такимъ образомъ играть вдохновеніемъ для своихъ плотскихъ наслажденій?!

Мухаммедъ и самъ чувствовалъ свои недостатки и видѣлъ многіе свои пороки. Потому-то во всемъ обнаруживалъ чрезмѣрную заботливость о предохраненіи себя отъ порицаній, которыя онъ, по собственному внутреннему сознанію, заслуживалъ за многіе соблазнительные поступки свои. Таковы всегда обманщики: имъ кажется, что всѣ ихъ подозрѣваютъ. Опасаясь быть изобличенными, они непрестанно оглядываются вокругъ себя, для предотвращенія внезапныхъ нападеній, и неусыпно заботятся о томъ, какъ бы имъ еще напередъ отразить непріязненные улыки.

Все это несомнѣнно показываетъ низкую въ нравственномъ отношеніи личность Мухаммеда и срываетъ съ него личину пророка, которою онъ такъ недостойно дерзнулъ облечь себя.

Знаменія божественнаго посланничества пророковъ, равно какъ и разительнѣйшія, яснѣйшія доказательства истинности свыше-откровенной вѣры — суть чудеса и пророчества. — Посмотримъ теперь, доказалъ ли Мухаммедъ какимъ-либо чудомъ свое, какъ онъ говорилъ, посольство отъ Бога? Или вообще: можетъ ли мухаммеданская вѣра представить хотя одно истинное чудо въ подтвержденіе своего притязанія на высшее происхожденіе?

Самъ основатель мухаммеданской вѣры въ продолженіе всей своей лжепророческой жизни не совершилъ ни одного чуда, и самъ нѣсколько (около пятнадцати) разъ прямо сознавался въ томъ ⁽¹⁾.

Такъ какъ посланничество древнихъ пророковъ сопровождало было множествомъ чудесъ: то и отъ Мухаммеда современники его требовали, чтобы онъ

(1) Сур. II, 19; XVII, 60.

подтвердилъ посольство свое, если оно истинно, какимъ-либо чудомъ. Объ этомъ мы читаемъ въ ал-коранѣ слѣдующее: „невѣрующіе говорятъ, что коранъ есть не иное что, какъ смѣсь сновидѣній, или произведеніе фантазіи поэта, или собраніе разсказовъ чародѣя, и требуютъ, чтобы ты явился къ нимъ съ какимъ-нибудь чудомъ. Такъ, на-примѣръ, чтобы ты извелъ имъ источникъ изъ скалы, или двинулъ горы съ своихъ мѣстъ, или повелѣлъ проглатовать мертвецу, или взошелъ какъ бы по лѣствицѣ на небеса и принесъ на землю книгу, свидѣтельствующую о тебѣ, или низвелъ бы съ неба ангеловъ для засвидѣтельствованія твоего ученія, или повелѣлъ бы разрушиться небесамъ и пасть на нихъ, какъ угрожалъ ты имъ за невѣріе, или создалъ бы домъ для себя изъ золота, устроилъ сады изъ пальмовыхъ и виноградныхъ деревьевъ и провелъ среди ихъ обильныя рѣки“. Чтоже въ такомъ случаѣ дѣлалъ Мухаммедъ? Онъ пускался тогда въ обычное свое краснорѣчіе, рассказывалъ занимательныя исторіи, фантазировалъ о будущемъ, указывалъ на внутреннее, будто исполненное высокихъ тайнъ, содержаніе своихъ словъ и т. п. Но когда этимъ не удавалось успокоить своихъ возражателей, Мухаммедъ прямо принужденъ былъ отказываться отъ совершенія чудесъ. „Я не говорю вамъ, отвѣчалъ тогда онъ, что владѣю сокровищемъ Божиимъ, что я знаю тайны, что я ангелъ; я исполняю только то, что мнѣ открыто (1)“.

Причины на то, почему не творить чудесъ, Мухаммедъ представлялъ своимъ послѣдователямъ и непослѣдователямъ слѣдующія: во 1) вѣра есть совершенно свободный даръ Божій, и чудеса тутъ вовсе не имѣютъ никакого значенія, здѣсь все дѣло зависитъ отъ свободы Божіей; во 2) прежніе пророки, которые предшествовали ему, довольно совершали чудесъ для убѣжденія людей къ принятію вѣры: этихъ чудесъ вполне достаточно и теперь для препобѣжденія невѣ-

(1) Сур. VI, 30.

рія невѣрныхъ, — предшествовавшіе примѣры доказываютъ это; наконецъ въ 3) чудеса во власти Единаго Бога, и Онъ какъ не всѣмъ пророкамъ назначаетъ одинаковыя должности, такъ и не всѣхъ ихъ надѣляетъ силою творить чудеса, а только даетъ эту силу тѣмъ, кому нужно. — Такъ Моисей посланъ былъ преимущественно для доказательства и подтвержденія providѣнія Божія; Соломонъ для обнаруженія своей премудрости, славы и величія; Христосъ для откровенія людямъ истины и правды, вѣдѣнія и силы: для откровенія правды, — поколику жилъ безъ грѣха, вѣдѣнія, — поколику предсказывалъ будущее, силы, — поколику творилъ чудеса, свойственныя единому Богу. Притомъ прежнимъ пророкамъ необходима была сила чудесъ потому, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ власти понуждать людей къ вѣрѣ, а онъ — Мухаммедъ — возвѣщая вѣрнымъ блаженство рая и невѣрнымъ мученія ада, для доказательства всемогущества Божія, имѣетъ нужду въ мечѣ, а не въ чудесахъ, чтобы принуждать къ вѣрѣ непокоряющихся. Такими и подобными умствованиями Мухаммедъ отвѣчалъ своимъ послѣдователямъ, язычникамъ, а больше всего іудеямъ и христіанамъ, когда они требовали отъ него чудесъ. Приведемъ для подтвержденія своихъ словъ нѣсколько мѣстъ изъ алкорана.

Такъ, жители Мекки и Медины, послѣ неоднократнаго прошенія чудесъ отъ Мухаммеда и отказовъ съ его стороны, говорили: „не вѣруемъ ему, если онъ не низведетъ на себя какое-либо знаменіе отъ Господа своего“. „Ты отвѣтствуй имъ. — будто Богъ повелѣваетъ Мухаммеду — это воистину тайна Божія, потому вы ожидайте ее и я буду ожидать (1)“. Въ другомъ мѣстѣ корана такъ пишется о жителяхъ Медины-идолопоклонникахъ: „клятвою клянемся святѣйшему Богу, что еслибъ онъ чрезъ Мухаммеда совершилъ предъ нами чудо, поистинѣ мы увѣрвали бы въ него“. „Ска-

(1) Сур. X, 20.

жи имъ: чудеса во власти Божіей и онъ не попускаетъ имъ уразумѣвать ихъ; подлинно когда бы по ихъ желанію были совершены чудеса, они и тогда не увѣровали бы: потому что я отвращу сердца и глаза ихъ, чтобы они не увѣровали съ перваго слова, такъ что еслибъ сошли съ небесъ къ нимъ ангелы и мертвые стали бы говорить съ ними, и тогда бы не увѣровали (¹)“. И еще: іудеи представляя причины, почему не вѣруютъ въ Мухаммеда, между прочимъ говорили: „Богъ заключилъ съ нами условіе, чтобы мы не имѣли вѣры ни въ какого посланника, пока онъ не совершитъ предъ ними какого-либо чуда, напр. жертвоприношенія, сведши огонь съ неба“. Въ отвѣтъ на это въ ал-коранѣ мы читаемъ: „Отвѣчай имъ: приходили къ вамъ прежде меня пророки и посланники съ чудными доказательствами и съ тѣмъ, чего вы требуете,—почему же вы убили ихъ. если вы правдивы? Если они подозрѣваютъ тебя въ обманѣ, то не думай объ этомъ,—они называли и прежде тебя бывшихъ посланниковъ обманщиками, хотя тѣ приходили къ нимъ съ доказательствами, законами и книгами священными (²)“.

Впрочемъ, Мухаммедъ невольно чувствовалъ, что чудеса необходимы для доказательства истинности вѣры. И такъ какъ онъ не могъ представить истинныхъ чудесъ, то принужденъ былъ прибѣгнуть къ обману и хитрости. Частые припадки эпилепсіи, которымъ онъ былъ подверженъ, помогли ему утвердить мнѣніе, будто онъ находится въ общеніи съ небомъ. Время своихъ припадковъ онъ выдавалъ за такое время, которое Всевышнимъ Существомъ назначалось для его пророческихъ восхищеній и небесныхъ наставленій, а судороги свои объяснялъ не инымъ чѣмъ, какъ живымъ ощущеніемъ близкаго присутствія Божія (³). Сверхъ

(¹) Сур. VI, 105.

(²) Сур. III, 182.

(³) Тогда-то будто Богъ говорилъ ему: «о ты свернувшійся, ты закрывшійся! встань на молитву, заповѣдай и величай Госпо-

сего Мухаммедъ, какъ на чудо, указывалъ на свои побѣды, чрезъ которыя онъ изъ простаго гражданина сдѣлался княземъ своего народа и которыя будто одержаны имъ при пособіи сонмовъ ангеловъ, сражавшихся вмѣстѣ съ его воинами. Но изъ всѣхъ чудесъ, кромѣ величайшаго и постояннаго чуда—корана, который выше всѣхъ чудесъ Моусеевыхъ и Христовыхъ и который одинъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько (шестидесять) тысячъ частнѣйшихъ чудесъ, изъ всѣхъ чудесъ Мухаммеда самое славное чудо,—это путешествіе его на небо ⁽¹⁾. Но еще современники съ насмѣшками

да твоего». Сюр. LXXIII и LXXIV. Это значитъ, что когда падающая болѣзнь свертывала или корчила Мухаммеда, то изъ опасенія обнаружить ее, онъ закрывался или своимъ плащомъ, или одеждами своихъ женъ, прежде Хадиджи, потомъ Айши.

⁽¹⁾ Въ одну ночь, когда Мухаммедъ спалъ подъ открытымъ небомъ, архангелъ Гавріиль открылъ ему сердце и, впечатлѣвъ на немъ черную точку, исполнилъ его вѣры и знанія. Потомъ летя на 70-ти равной величины крыльяхъ, онъ привелъ ему небесную лошадь аль-боракъ, на которой пророки ѣздили на божественныя посланничества: эта лошадь быстра какъ молнія, умна какъ человекъ, только лишена дара слова. Какъ скоро она узнала, что имѣющій ѣхать на ней есть посредникъ, ходатай, виновникъ ислама, тотчасъ смирилась и принявъ Мухаммеда на свой хребетъ, привнесла въ Іерусалимъ. Здѣсь во храмѣ онъ встрѣтился съ другими святыми, которые радостно приняли его и помогали молиться вмѣстѣ съ нимъ. Архангелъ Гавріиль и Мухаммедъ взошли потомъ на лѣстницу, которая тамъ находилась, и достигли такимъ образомъ до перваго неба—изъ чистаго серебра, гдѣ увидѣли они звѣзды, висящія на золотыхъ цѣпяхъ. Тамъ бодрствовали ангелы, чтобы демоны не приблизились къ раю. Ангелы имѣли форму животныхъ и каждый изъ нихъ молился за тотъ видъ животныхъ, форму которыхъ онъ имѣлъ. Величайшій между всѣми былъ бѣлый пѣтухъ, голова котораго касалась втораго неба, отстоящаго отъ перваго на 300 лѣтъ пути. Три голоса постоянно доходили до слуха Божія: голосъ вѣрнаго, который безпрестанно читалъ коранъ, голосъ грѣшника, каждое утро просившаго о прощеніи грѣховъ, и голосъ гигантскаго пѣтуха, пріятнѣйшій изъ всѣхъ голосовъ. Мухаммедъ въ этомъ жилищѣ принятъ былъ съ большими почестями, и Авраамъ привѣтствовалъ его, какъ величайшаго изъ сыновъ своихъ и пророковъ. «Небо, будто бы говорилъ праотецъ ему, да совершитъ же-

приняли нелѣзную сказку дикой фантазіи Мухаммеда объ этомъ лжечудѣ. Эта сказка оскорбила многихъ до того, что нѣкоторые даже изъ признавшихъ исламъ отреклись отъ него, и она едва не стоила жизни самому провидцу. Абу-бекеръ долженъ былъ клятвою подтвердить истину сказанія новаго пророка о путешествіи его по небесамъ. Потому и позднѣйшіе ученые мусульманскіе смотрятъ на это сказаніе различно. Впрочемъ

занія твои, о сынъ мой, о великій изъ пророковъ!» Потомъ въ самое короткое время, какъ только можно сказать слово, онъ достигъ втораго неба, желѣзнаго, гдѣ встрѣтилъ Ноя, Иисуса и Іоанна. На третьемъ небѣ изъ драгоценныхъ камней находился вѣрный Божій, ангелъ, который управлялъ сто тысячами другихъ ангеловъ; этотъ ангелъ столь великъ, что потребно 70 тысячъ дней, чтобы пройти пространство, отдѣляющее одинъ его глазъ отъ другаго. Предъ нимъ находилась доска, на которой онъ не переставалъ писать и стирать написанное. Это ангелъ смерти. Здѣсь имѣли жилище Давидъ, Соломонъ и Іосифъ. На четвертомъ небѣ—изъ изумруда—жилъ Енохъ, съ безчисленнымъ множествомъ ангеловъ. Одинъ изъ нихъ такъ великъ, что касался 5-го неба, отстоящаго отъ 4-го на 500 лѣтъ пути. Этотъ ангелъ безпрестанно стоналъ о грѣхахъ человѣческихъ. Пятое небо, жилище Аарона, состоитъ изъ чистаго золота. Тамъ хранится огонь гнѣва Божія на нераскаянныхъ грѣшниковъ. На шестомъ небѣ Моисей привѣтствовалъ Мухаммеда, какъ своего брата, но сокрушался при мысли, что послѣдній ввелъ болѣе мусульманъ на небо, чѣмъ онъ самъ ввелъ туда іудеевъ. На седьмомъ небѣ, состоящемъ изъ самаго чистаго свѣта, живетъ величайшее изъ твореній Божіихъ,—это ангелъ, имѣющій 70 тысячъ устъ и 70 тысячъ языковъ, изъ коихъ каждый говорилъ 70-ю тысячами нарѣчій для прославленія Бога. Мухаммедъ достигъ даже до дерева Лотосъ, доступъ къ которому закрытъ для самыхъ ангеловъ. Гавріилъ здѣсь оставилъ пророка, который Израфиломъ приведенъ былъ къ престолу Вѣчнаго чрезъ два моря свѣта и одно море тьмы, и услышалъ онъ тамъ голосъ, говорящій къ нему: «Мухаммедъ, приблизься, и Богъ всемогущій и славный приблизитъ тебя». Поступая впередъ, Мухаммедъ приблизился къ престолу Божію и прочиталъ на одной сторонѣ его: «вѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Мухаммедъ пророкъ Его» Богъ прикоснулся къ нему, проникши его душу священнымъ трепетомъ, и открылъ ему свои таинства. Возвращаясь назадъ, Мухаммедъ нашелъ архангела Гавріила, который препроводилъ его въ Іерусалимъ, откуда пророкъ на тойже лошади аль-боракъ отправился въ Мекку.

правовѣрные несомнѣнно убѣждены въ истинѣ сего лжечуда и повѣствованіе о немъ принимаютъ въ буквальный смыслъ. Такъ Д'оссонъ, излагая по Омаръ Нессефію члены мухаммеданской вѣры, подъ 28-мъ параграфомъ говоритъ ⁽¹⁾: „вознесеніе (میراج) миградъ) пророка несомнѣнно: по волѣ Предвѣчнаго, онъ поднялся съ плотію на самый верхъ неба“. Но нѣкоторые изъ мусульманъ и между ними Абульфеда ⁽²⁾, самый скромный панегиристъ своего пророка изъ арабскихъ писателей и сравнительно съ ними очень добросовѣстный, выражаютъ недоумѣніе:—было ли путешествіе сіе совершено съ тѣломъ, или это только видѣніе во снѣ ⁽³⁾.

Жаркіе поклонники Мухаммеда, изъ ревности къ его славѣ, пошли еще далѣе своего пророка въ вымыслахъ ложныхъ чудесъ. При обычной своей склонности къ чудесному, фантастическому и таинственному, они приписываютъ учителю своему неисчислимое множество разнаго рода чудесъ, повѣствованіемъ о которыхъ, по ихъ словамъ, можно бы наполнить цѣлыя книги. Такъ, Ахмель Эфендій, приводимый Д'оссономъ ⁽⁴⁾, подробно рассказываетъ о чудесахъ, которыя будто предваряли и сопровождали рожденіе, жизнь, апостольство и кончину Мухаммеда. Онъ упоминаетъ о предсказателяхъ и волхвахъ, предрекшихъ рожденіе Мухаммеда, о радостныхъ восклицаніяхъ всѣхъ легіоновъ духовъ и безплотныхъ существъ при рожденіи пророка, о свѣтѣ, коимъ пророкъ объятъ былъ при рожденіи и который распространившись по всей вселенной, освятилъ собою востокъ и западъ, о томъ, будто Мухаммедъ произошелъ на свѣтъ уже обрѣзаннымъ.

⁽¹⁾ Карп. От. Имп. т. 1. стр. 135.

⁽²⁾ Gagner—Vie de Moh. par Aboul-fedat, p. 25.

⁽³⁾ Есть преданіе, будто Айша говорила, что тѣло пророка въ то время было подлѣ нея и что одинъ духъ его совершилъ это ночное путешествіе на небо.

⁽⁴⁾ Карп. От. Имперіи том. 1. стр. 68.

Тотъ же писатель упоминаетъ о необыкновенной скорости возраста Мухаммеда, который по своему желанію тотчасъ же перешелъ изъ младенческаго возраста въ возрастъ мужа; о двухъ ангелахъ, покрывавшихъ всегда его своими крыльями во всѣхъ воинскихъ походахъ; о словахъ его, будто имѣвшихъ силу оживлять засохшія деревья и въ одно мгновеніе потомъ покрывать ихъ не только листьями, но и плодами; о томъ, что деревья выходили къ нему на встрѣчу, камни привѣтствовали его, источники истекали изъ-подъ его пальцевъ; о чудесномъ дѣйствіи молитвъ его при гробѣ матери Эмины, которая будто бы воскресла и увѣрилась въ апостольствѣ сына своего; о томъ, что предвидя послѣднее издыханіе пророка, ангелъ смерти только съ его согласія взялъ его душу и проч.

Но всѣ эти и подобныя чудеса, рассказываемыя мусульманскими писателями о своемъ пророкѣ, не имѣютъ ни малѣйшаго правдоподобія; они лишены всякаго историческаго значенія и собственною своею нелѣпостію совершенно опровергаютъ себя.

Прежде всего, при разсмотрѣніи подлинности приписываемыхъ Мухаммеду чудесъ, поражаетъ насъ ничѣмъ непримиримое противорѣчіе между собственными словами Мухаммеда и тѣмъ, что ему навязываютъ изъ слѣпой ревности его поклонники. Мухаммедъ никогда не ссылался на чудеса при опроверженіи своихъ противниковъ и, какъ мы сказали, нѣсколько разъ прямо говорилъ, что не имѣетъ дара чудесъ, что онъ не посланъ съ властію чудотворца. Какъ же, вопреки собственному отреченію Мухаммеда отъ чудесъ, послѣдователи его приписываютъ ему неисчислимое множество ихъ? Противъ этого послѣдніе говорятъ, что они лучше его знаютъ, сколько онъ совершилъ чудесъ. Онъ будто такъ окруженъ былъ чудесами и такъ присмотрѣлся къ нимъ, что какъ бы не замѣчалъ ихъ. Но, очевидно, такое объясненіе странно и нелѣпо до крайности.—Далѣе, рассматривая исторически чудеса, приписываемыя мусульманскими историками лжепророку, мы видимъ,

что они ни кѣмъ изъ современниковъ не были видимы, ни кѣмъ не засвидѣтельствованы и объявлены въ свѣтъ спустя цѣлыя столѣтія послѣ смерти мнимаго ихъ виновника. Изъ этаго по справедливости заключаемъ, что они составляютъ уже позднѣйшій вымыселъ. И сверхъ того, поклонники Мухаммеда, чтобы какъ-нибудь наполнить жизнь своего пророка чудесами, нерѣдко фантазировали о будущемъ передѣлывали на настоящее и выдавали за чудо, на примѣръ, разсѣченіе луны непреоборимымъ словомъ пророка, тогда какъ въ преданіи, усвоаемомъ Мухаммеду же, только говорится, что въ числѣ признаковъ будущаго общаго воскресенія будетъ, между прочимъ, и то, что луна разсѣчется на двое. И такъ всѣ чудеса, приписываемыя Мухаммеду его чтилителями, не болѣе какъ чистые вымыслы послѣднихъ,—и на это у нихъ была своя причина, именно—слѣпая ревность къ славѣ пророка и къ своей вѣрѣ, желаніе, за отсутствіемъ истинныхъ чудесъ, хотя ложныя противопоставить чудесамъ христіанства.

Чтоже касается внутренняго достоинства ложно усвоаемыхъ мухаммеданской вѣрѣ чудесъ, то они и съ этой стороны далеко не выдерживаютъ даже видимаго характера истинныхъ чудесъ, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ стоять на ряду съ послѣдними. Чудеса мухаммеданства не имѣютъ прежде всего надлежащихъ качествъ истинныхъ чудесъ: каждое чудо, какъ непосредственное дѣйствіе силы Божіей, должно быть всегда достойно Бога; какъ же послѣ сего можно признать за истинныя чудеса нелѣпыя и смѣшныя рассказы арабскихъ писателей, на примѣръ, о нисхожденіи солнца съ неба на дно Нила для осушки его грязи, при переходѣ черезъ него евреевъ, о проходѣ раздѣленной луны черезъ рукава Мухаммедова кафтанна, о помѣщеніи Богомъ всего міра въ уголокъ ореховой скорлупы, безъ уменьшенія величины міра и безъ увеличенія самой скорлупы и т. п. Чудеса мухаммеданства не имѣютъ и цѣли истинныхъ, божественныхъ чудесъ. Цѣль послѣднихъ, какъ дѣйствій осо-

бенныхъ, сверхъестественныхъ, должна быть также какая-либо особенная, благая, которая бы содѣйствовала роду человѣческому и частнымъ людямъ въ высокому дѣлу вѣры и нравственности. Чудеса же, ложно приписываемыя мухаммеданской вѣрѣ ея исповѣдниками, вовсе чужды этой цѣли. И вообще объ этихъ лжечудесахъ должно сказать, что они не могутъ выдержать и одного какого-либо признака истинныхъ чудесъ, а это достаточно даетъ видѣть ихъ ложность и мнимо-божественность.

Мухаммеданская вѣра не подтверждена также никакимъ истиннымъ пророчествомъ, — другимъ столькоже важнымъ, какъ и чудеса, знаменіемъ истинности свыше-откровенной вѣры. Въ свящ. писаніи нѣтъ ни одного пророчества, указывающаго на мекккаго пророка и его исламъ (истина не свидѣтельствуется о лжи), — и самъ Мухаммедъ не изрекъ ни одного предсказанія, которое бы въ точности исполнилось въ свое время.

Но не такъ думалъ самозванный пророкъ Аравіи и не такъ разсуждаютъ его послѣдователи.

Въ ал-коранѣ Мухаммедъ нерѣдко говоритъ, что за нѣсколько столѣтій до его явленія было предвозвѣщено о немъ въ Пятокнижии и Евангеліи, — и это говоритъ онъ съ такою увѣренностію, что просить послѣдователей своихъ, для полнѣйшаго убѣжденія, обратиться къ іудеямъ и христіанамъ и посовѣтоваться съ ними. По этому случаю онъ заставилъ Бога сказать ему: „если ты находишься въ сомнѣніи относительно того, что ниспослано тебѣ свыше: то спроси объ этомъ тѣхъ, которые еще прежде твоего явленія читали священныя книги; истина сошла на тебя отъ Господа; не будь изъ числа тѣхъ, которые сомнѣваются (1)“. Но когда отвѣты іудеевъ и христіанъ оказались совершенно не въ пользу Мухаммеда, то онъ тѣхъ и другихъ обвинилъ въ обманѣ. Мухаммедъ говорилъ, что они послѣ того, какъ

(1) Сюр. X. 93 и 94.

онъ явилоя, по своему нечестію и злобѣ, уничтожили или скрыли пророчества, которыя читались о немъ въ Пятокнижіи и Евангеліи и которыя поддерживали надежду вѣрныхъ на его пришествіе. По сему поводу мы читаемъ въ лжеоткровеніи самозваннаго пророка: „когда посланникъ Божій явился среди нихъ, утверждая ихъ священныя книги (т. е. предсказанія о немъ), часть изъ тѣхъ, которые получили писанія, бросили за спину книгу Божию (коранъ), какъ будто они и не знали о ней. Тѣ, которые получили писанія (іудеи и христіане), такъ знаютъ апостола, какъ знаютъ собственныхъ своихъ людей, но большая часть изъ нихъ скрываютъ то, что знаютъ (¹)“. И въ другомъ мѣстѣ: „послѣ того, какъ они получили отъ Бога книгу (коранъ), утверждающую ихъ (христіанъ и іудеевъ) писанія, ту книгу, которая предсказана была, они отреклись вѣрить ей. Проклятіе Божіе постигнетъ невѣрныхъ (²)“.—Нѣтъ; проклятіе Божіе не на тѣхъ, которые не вѣрують Мухаммеду, а на того, кто другихъ злонамѣренно вводитъ въ гибельный обманъ. Напрасно Мухаммедъ указывалъ на свящ. книги;—въ нихъ нѣтъ ни слова о немъ. Но лжепророкъ между тѣмъ не боится вымышлять ложь и выставлать ее на видъ. Онъ богохульно приписываетъ Богу слѣдующія пророческія о немъ слова: „Мое наказаніе падетъ на всякаго, на кого я хочу, Мое милосердіе объемлетъ всѣ вещи. Я опредѣляю его тѣмъ, кои Меня боятся, кои подають милостыню и кои вѣрятъ въ Мои знаменія, тѣмъ, кои послѣдуютъ пророку неученому, указанному въ ихъ (іудеевъ и христіанъ) книгахъ, въ Пятокнижіи и Евангеліи,—пророку, заповѣдующему имъ добро и запрещающему зло. снимающему съ нихъ тяжкое бремя и узы, которыми они связаны;—тѣ, которые увѣрують въ него,

(¹) Сюр. II, 171.

(²) Сюр. II, 85.

послѣдуютъ свѣту, съ нимъ сшедшему, и будутъ доставлять ему вспоможеніе, блаженны (¹)“.

Такого пророчества нигдѣ не встрѣчается въ свящ. книгахъ ветхаго и новаго завѣта; тамъ нѣтъ даже и подобнаго сему предсказанія. Остается прямое заключеніе, что Мухаммедъ самъ вымыслилъ его, съ цѣлію—обмануть легковѣрныхъ своихъ послѣдователей и поддержать святотатственно принятое имъ титуло небеснаго посланника.

Выше приведенныя мѣста изъ ал-корана, которыя Мухаммедъ выдаетъ за древнія пророчества о немъ, заключаютъ, очеvidно, одни только намеки на какія-то пророчества, или представляютъ какъ бы одну форму пророчествъ. Впрочемъ, кромѣ этихъ лжепророчествъ Мухаммедъ приводитъ и такія пророчества, содержаніе которыхъ, хотя только въ нѣкоторой степени, находится и въ Библии. Но и этаго рода пророчества ни одною своею стороною, никакимъ намекомъ не говорятъ о мекскомъ пророкѣ и его исламѣ. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоитъ только со вниманіемъ разсмотрѣть нѣкоторыя пророчества, болѣе другихъ замѣчательныя и, по видимому, болѣе другихъ благопріятствующія видамъ Мухаммеда, и мы увидимъ, что они вовсе не могутъ относиться къ Мухаммеду. Возьмемъ для примѣра по пророчеству изъ ветхаго и новаго завѣта.

Пророка отъ братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, того послушайте (Втор. 18, 15). Слова эти Мухаммедъ относитъ къ себѣ (²)—на томъ основаніи, что пророкомъ равнымъ Моисею не могъ быть никто изъ израильтянъ, ибо говорится во Второзаконіи (34, 10): *не воста никому пророкъ во Израиліи, яко Моисей, и ни кто изъ сыновъ Исавъ,*

(¹) Сюр. VII, 147 и слѣд.

(²) Сюр. VI, 20; VII, 158.

ибо, по признанію іудеевъ, эдомляне не имѣли пророка. Но, не смотря на то, и къ Мухаммеду всего менѣе можно отнести выше приведенное пророчество. Мухаммедъ не былъ отъ братіи народа израильскаго; да-дѣе, онъ явился не къ народу іудейскому, а къ народу арабскому; наконецъ, не былъ такимъ же пророкомъ, какимъ былъ Моисей: Мухаммедъ — пророкъ самозванный, лживый въ ученіи и нечистый въ жизни. Новозавѣтное писаніе, божественность котораго наравнѣ съ ветхозавѣтнымъ признаютъ и мухаммедане, показываетъ, что предвозвѣщенный и прообразованный Моисеемъ пророкъ есть Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, ходатай новаго завѣта, посланникъ исповѣданія христіанскаго. Слова: *не воста ктому пророкъ во Израили, яко Моисей* — надобно понимать такъ, что до явленія Мессіи, пророка великаго, предсказаннаго Моисеемъ, не возставалъ въ народѣ израильскомъ пророкъ, подобный Моисею.

Пророчество изъ новаго завѣта, на которое Мухаммедъ особенно указывалъ, какъ на относящееся именно къ его лицу, въ коранѣ приводится такъ: „вспомни, когда Іисусъ, сынъ Маріи, сказалъ израильтянамъ: сыны Израилевы! воистину я апостоль Божій, посланный для того къ вамъ, чтобы подтвердить законъ, прежде меня данный, и благовѣствовать вамъ о пришествіи другаго апостола, грядущаго послѣ меня, которому имя будетъ Ахмедъ (1)“. Можно ли такъ несправедливо и столь нечестиво вымыслить ложь на Бога, Который будто приглашаетъ этимъ пророчествомъ іудеевъ къ принятію ислама? И гдѣ находятся такія слова въ писаніи? Въ Евангеліи отъ Іоанна мы только читаемъ, что Господь, прощаясь съ своими учениками, сказалъ: *и Азъ умолю Отца, и много Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами во вѣкъ* (Іоан. 14, 10). Эти-то слова, извративши показаннымъ образомъ, самозванный пророкъ приспосабливаетъ къ себѣ или по отъ-

(1) Стр. LXI. 6.

явленной хитрости, или по очевидному невѣжеству. Какое же отношеніе Мухаммедъ могъ найти между симъ обѣтованіемъ Спасителя и своимъ посольствомъ? Вотъ какое: на греческомъ языкѣ Утѣшитель выражается словомъ *Παράκλητος*, а славный *περικλυτός*. Этимъ-то созвучіемъ Мухаммедъ, имя котораго значитъ „славный“, и воспользовался, чтобы отнести къ себѣ пророчество Христово о небесномъ Утѣшителѣ, объ *Упостасномъ Духѣ истины, иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26). Или какъ другіе объясняютъ это выдуманное кораномъ пророчество:—Мухаммедъ имѣлъ подъ руками апокрифическія книги новаго завѣта, и между прочимъ—Евангеліе отъ Варнавы, гдѣ, по свидѣтельству Кантю (¹), въ обѣтованіи Іисуса Христа ниспослать своимъ ученикамъ Св. Духа Утѣшителя вмѣсто слова *Παράκλητος* стоитъ *περικλυτός*—слово, отвѣчающее значеніемъ своимъ арабскому Ахмедъ.—Это пророчество Спасителя о ниспосланіи апостоламъ Утѣшителя ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ лицу Мухаммеда ни по внутреннему своему содержанію, ни по историческимъ обстоятельствамъ: Утѣшитель, по пророчеству Спасителя долженъ былъ явиться вскорѣ послѣ Его вознесенія, а Мухаммедъ явился почти спустя шесть сотъ лѣтъ; слѣдовательно Мухаммедъ не былъ и не могъ быть наставникомъ апостоловъ, а тѣмъ болѣе Духомъ истины, такъ какъ онъ не совершилъ, но извратилъ дѣло, начатое Іисусомъ Христомъ, касательно очищенія и возвышенія вѣры въ человѣческомъ родѣ. А между тѣмъ объ Утѣшителѣ, обѣщанномъ Спасителемъ, въ томъ же мѣстѣ говорится: *егда приидетъ Утѣшитель, Егоже Азъ пошлю отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствуемъ о Мнѣ* (Іоан. 15, 26).

Вотъ эти и еще немногіе другіе пророчества Мухаммедъ относилъ къ своему лицу. Но восторженные его читатели не по разуму, ревнуя о славѣ своего пророка и его вѣрѣ, приписываютъ ему неисчислимое мно-

(¹) Hist. Univ. tom. IV, p. 277.

жество пророчествъ, какъ и чудесъ. Въ этомъ отноше-
 шеніи замѣчательны слова тогоже ученаго арабскаго,
 приводимаго Доссономъ⁽¹⁾, т. е. Ахмедъ Эфендія. Онъ
 прямо указываетъ на многія пророчества ветхаго и но-
 ваго завѣта, будто бы относящіяся къ Мухаммеду. По
 словамъ этого писателя, рожденіе Мухаммеда и его по-
 сланничество въ міръ предвозвѣщено самыми явствен-
 ными чертами во всѣхъ книгахъ небесныхъ, и въ Биб-
 ліи, и въ Евангеліи. Такъ въ книгѣ Моусеевой чита-
 емъ слова Господни къ Аврааму: *о Измаиль же се
 послушахъ тебе: и се благословихъ его, и возвращу его,
 и умножу его зело; дванадцать языки родитъ, и
 дамъ его въ языкъ велий* (Быт. 17, 20). Но ясно, что
 въ этомъ пророчествѣ нѣтъ и намека на рожденіе и
 посланничество, величіе и славу арабскаго пророка.
 Тотъ же писатель еще приводитъ слѣдующее мѣсто
 изъ писанія, какъ пророчество будто о данномъ чрезъ
 Мухаммеда законѣ. И рече (Моусей): *Господь отъ Си-
 ная прииде, и явися отъ Сира намъ, и пристъ отъ
 горы Фарани* и пр. (Вт. 33, 2). По понятію Ахмедъ
 Эфендія, здѣсь указывается на Библию, врученную Моу-
 сею на горѣ Синайской, на Евангеліе, данное на горѣ
 Сирекой, и Коранъ, ниспосланный при горѣ Фаран-
 ской, что близъ Мекки. Но въ приведенныхъ словахъ
 совершенно говорится не о томъ, что предполагаетъ
 арабскій историкъ, — говорится не о будущемъ сбиро-
 дованіи новой вѣры, а напротивъ, исчисляются событія
 прошедшаго времени. Именно: Моусей, желая при-
 вести на память израильтянамъ чудный промыселъ Бо-
 жій, которымъ они были водимы и хранимы въ путе-
 шествіи своемъ изъ Египта, въ особенности упомина-
 етъ о трехъ славныхъ явленіяхъ Божіихъ — на горѣ
 Синаѣ, въ гористой странѣ Сирѣ и въ пустынѣ Фа-
 ранѣ (Втор. 2, 1. Числ. 10, 12). И вообще должно
 сказать, что слѣпая ревность ученыхъ арабскихъ, пи-
 савшихъ о Мухаммедѣ, простирается уже за предѣлы

(1) Карт. От. Имп. т. I. стр. 68.

всякой добросовѣстности и вѣроятности: они относятся къ нему всѣ пророчества, данныя Богомъ Аврааму о распространеніи его потомства, также большую часть пророчествъ мессіанскихъ и наконецъ все то, что въ новомъ заветѣ говорится о ниспосланіи Духа Святаго (¹).

Но на все это не иначе можно смотрѣть, какъ на недобросовѣстное и святотатственное присвоеніе поклонниками Мухаммеда того, на что они не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Грубая ложь сама себя выдаетъ и безъ особеннаго обнаруженія явственна для каждаго.

Какъ нѣтъ въ свящ. книгахъ ни одного предсказанія, которое бы точно возвѣщало о Мухаммедѣ и его вѣрѣ, такъ равнымъ образомъ и Мухаммедъ съ своей стороны не изрекъ ни одного пророчества, которое бы исполнилось въ свое время.

Мухаммедъ вообще не отваживался предсказывать будущія событія по той простой причинѣ, что не имѣлъ дара предвѣдѣнія; притомъ онъ соображалъ, что прибѣгать въ этомъ случаѣ къ обману неудобно. п. ч., въ случаѣ неисполненія его предсказаній, онъ могъ потерять всякую довѣренность у своихъ послѣдователей.

Впрочемъ, мы находимъ два предсказанія Мухаммеда, которыя, должно быть, неволью сорвались съ его языка. или были высказаны имъ въ пылу страсти: одно о личной своей безопасности въ битвахъ, а другое о неизмѣнномъ единодушіи своихъ послѣдователей; но то и другое предсказаніе рѣшительно опровергнута опытомъ, ибо Мухаммедъ на многихъ сраженіяхъ былъ раненъ и умеръ отъ яда, а послѣдователи его, вскорѣ послѣ его смерти, раздѣлились на многія секты...

При изслѣдованіи объ истинности и божественности свыше-откровенной вѣры, какъ было показано, надобно обращать вниманіе и на способъ ея распространенія, который между прочимъ служитъ также важнымъ ея

(¹) Всѣ эти пророчества, приводимыя мусульманами, подробно исчислены и достаточно опровергнуты трудолюбивымъ Маракчи. Сморг. Prodr. de refutat. Al-corani pars 1.

признакомъ. Мухаммеданская вѣра не имѣетъ и сего свойства богооткровенной вѣры. Способъ распространенія мухаммеданства явно показываетъ, что оно отъ міра сего и дѣло человѣческое.

Правда, мухаммеданская вѣра очень быстро распространилась: въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ она наполнила своими исповѣдниками Аравію, Палестину, Сирію, Арменію, Персію, Туркестанъ, всю сѣверную Африку и нѣкоторые острова Средиземнаго моря.

Но это быстрое распространеніе мухаммеданской вѣры было слѣдствіемъ причинъ естественныхъ и разныхъ принятыхъ Мухаммедомъ мѣръ, большею частию, впрочемъ, противозаконныхъ и неодобрительныхъ. — Укажемъ эти причины и мѣры.

Мухаммедъ происходилъ отъ благороднѣйшаго и знатнѣйшаго въ цѣлой Аравіи рода корейшитовъ. Прадѣдъ Мухаммеда спасъ Мекку отъ голода своею щедростію, пожертвовавъ огромнымъ богатствомъ на прокормленіе бѣдныхъ гражданъ, а дѣдъ спасъ ее отъ сильнаго врага мужествомъ, защитивъ отъ нападенія абиссинскаго царя Абраги. Отецъ Мухаммеда Абдалла былъ прекраснѣе и благороднѣе всѣхъ юношей арабскихъ. У этой же, столь знаменитой между арабами, фамилии находилось во власти управленіе Меккою и главное попеченіе о величайшей народной святынѣ — Каабѣ. — Знатное происхожденіе свое Мухаммедъ впоследствии подкрѣпилъ счастливымъ бракомъ съ Хадиджею, которая принесла ему огромныя богатства, чѣмъ онъ очень хорошо успѣлъ воспользоваться для пріобрѣтенія себѣ многочисленныхъ и преданныхъ друзей. Сверхъ всего этого, Мухаммедъ обладалъ рѣдкими тѣлесными и душевными качествами, что немало также могло содѣйствовать къ его популярности и возвышенію. Надѣленный прекрасною наружностію, величавою и привлекательною осанкою, внушавшею довѣріе и уваженіе, быстрымъ и проницательнымъ умомъ, вѣрною и обширною памятью, роскошнѣйшею фантазією, энергическою непреклонною волею, сильнымъ поэтическимъ талан-

томъ, въ высшей степени впечатлительнымъ, глубокимъ и пламеннымъ сердцемъ.—онъ легко и скоро могъ обратитъ на себя вниманіе своихъ согражданъ. Въ дѣйствительной жизни Мухаммедъ какъ нельзя болѣе обладалъ тактомъ сколько мысли, столько же и дѣла. Въ обхожденіи съ другими онъ всегда соблюдалъ важность и какую-то торжественную учтивость. Свобода его рѣчи была умѣряема и облагороживаема храненіемъ прилично-скромнаго и благовременнаго молчанія. Его почтительное поведеніе предъ богатыми и сильными пріобрѣтало особенное достоинство отъ привѣтливости его къ бѣднѣйшимъ согражданамъ и благотворительности къ нимъ, особенно когда онъ сдѣлался мужемъ богатѣйшей во всей Меккѣ вдовы.

Такимъ образомъ, и знатное положеніе въ обществѣ, и рѣдкіе дары природы, все это возвышало Мухаммеда между его согражданами и содѣйствовало къ исполненію задуманнаго имъ великаго предпріятія...

Посмотримъ теперь на историческія обстоятельства въ эпоху жизни Мухаммеда: не благопріятствовали-ли и они введенію новой вѣры?

Историческія обстоятельства, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Мухаммедъ, были такого рода, что не только возбуждали сильнѣйшую потребность въ религиозной реформѣ, но и въ высшей степени способствовали къ совершенію этой реформы. Это раскроется для насъ во всей ясности, если обратимъ вниманіе на религиозное, гражданское и умственное состояніе арабовъ. Во времена Мухаммеда Аравія представляла сборище почти всѣхъ восточныхъ вѣрованій. Съ самой глубокой древности господствовавшюю вѣрою тамъ было язычество. Оно состояло въ почитаніи солнца, луны и звѣздъ, самаго дребняго и сколько простаго, столько и обольстительнаго вида суевѣрія. Кромѣ язычества собственно принадлежавшаго арабамъ, язычества туземнаго, на ихъ почвѣ издавна утвердилось язычество, принесенное изъ Персіи Сабеями и Магами. Къ числу многочисленныхъ переселенцевъ въ Аравію принадлежали и

евреи, которые въ то время далеки уже были отъ чистоты богооткровеннаго ученія и преданы были раввинскимъ баснямъ. Тамъ были, наконецъ, и исповѣдники христіанской вѣры, но большею частію неправомыслящіе. Побораемые вселенскими и помѣстными соборами въ своемъ лжеученіи, а также строгими указами православныхъ императоровъ, издаваемыми противъ савелліанъ, аріанъ, несторіанъ, евтихіанъ, павликіанъ, пелагіанъ, монофелитовъ и монофизитовъ, они искали убѣжища въ Аравіи, какъ странѣ свободной. Сюда стекались обломки всѣхъ сектъ христіанскаго міра, каждая съ своимъ ученіемъ; своими толкованіями и, къ большому соблазну, съ своими поддѣльными книгами, поддѣльными евангеліями, которыя приписывали или апостоламъ, или святымъ мужамъ апостольскимъ. Въ этомъ-то хаосѣ вѣрованій и исповѣданій легко могла происходить мѣна религіозныхъ убѣжденій. А потому когда одни изъ арабовъ въ религіозной своей жизни переходили изъ грубаго идолопоклонства къ менѣе грубому—къ сабеизму и магизму, другіе къ іудейству, третьи къ христіанству; то послѣ этого имъ легко было перейти къ такому вѣрованію, которое совмѣщало въ себѣ, по возможности, всѣ другія, — а предложенная Мухаммедомъ вѣра и была такова... Гражданское состояніе народовъ Аравіи также не мало способствовало къ исполненію Мухаммедова намѣренія, т. е. преобразованія отечества. Гражданскій бытъ арабовъ былъ простой, запечатлѣнный характеромъ независимости, такъ что ихъ скорѣе можно было покорить даромъ слова, чѣмъ оружіемъ. Они жили коклами, состоявшими изъ нѣсколькихъ родовъ, кои подраздѣлялись еще на семейства. При такомъ политическомъ состояніи арабовъ, чуждомъ деспотической власти, которая бы ревниво и упорно держалась стараго образа правленія, опредѣленнаго образа жизни и отвергала всякое нововведеніе, при такомъ бытѣ, гдѣ каждый членъ лично свободенъ и можетъ поступать такъ, какъ ему угодно, стоило только явиться гениаль-

ному человеку, чтобы воспользоваться благоприятным положением дѣль для достиженія своихъ цѣлей. Такимъ точно и явился Мухаммедъ. Равно и умственное состояніе арабовъ не только не представляло никакихъ препятствій къ выполнению плановъ реформатора, напротивъ, весьма способствовало. Всѣ жители Аравіи, особенно природные, стояли на низшей степени просвѣщенія, занимались только торговлею и ремеслами. Такимъ образомъ состояніе тогдашней Аравіи въ высшей степени содѣйствовало планамъ самозваннаго пророка, и онъ не могъ не имѣть блестящаго успѣха, особенно дѣйствуя искусно и приспособляясь къ нравамъ и обычаямъ тѣхъ, на кого ему слѣдовало дѣйствовать.

А Мухаммедъ, какъ нельзя лучше, умѣлъ такъ дѣйствовать. Мухаммедъ весьма искусно принаровился къ духу и обстоятельствамъ времени; онъ соглашался со всѣми въ мнѣніяхъ, если послѣднія не противорѣчили его видамъ. И притомъ, всѣ свои нечистые и незаконные виды онъ прикрывалъ лицемѣріемъ и любовью къ истинѣ. Мухаммедъ въ дѣйствіяхъ своихъ не показывалъ иного намѣренія, какъ только возстановить вѣру Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса Христа и другихъ пророковъ и очистить ее отъ идолослуженія. Такое увѣреніе Мухаммеда благовиднымъ образомъ обманывало въ пользу его вѣры, и она не представлялась какимъ-либо нововведеніемъ, а казалась скорѣе приведеніемъ въ порядокъ древнихъ, праотеческихъ преданій. Въ частности, чтобъ расположить къ себѣ іудеевъ, Мухаммедъ всегда отзывался съ почтеніемъ и уваженіемъ о Моисеѣ и пятокнижїи, и чтобы болѣе привлечь ихъ на свою сторону, наполнилъ ал-коранъ баснями талмуда. Еще большее Мухаммедъ оказывалъ расположеніе къ христіанамъ, вѣроятно, потому, что они были сильнѣе іудеевъ. Но еслибы онъ усвоилъ себѣ взглядъ на вѣру чисто христіанскій и сталъ распространять его въ народѣ: въ такомъ слу-

чаѣ исповѣдники другихъ вѣрованій, особенно язычники, которые составляли сравнительно наибольшую часть народонаселенія Аравіи, оттолкнули бы его отъ себя вмѣстѣ съ проповѣдію, какъ слишкомъ возвышенною для нихъ. Потому-то Мухаммедъ удержалъ въ своей вѣрѣ многія языческія вѣрованія и обряды. Такъ, посвятивъ храмъ мекскій единому истинному Богу, онъ почтилъ его равнымъ съ идолопоклонниками почтеніемъ, допустивши всѣ басни о началѣ и высокой святости Каабы. Особенно обрядовая часть въ мухаммеданской вѣрѣ мало заключаетъ въ себѣ нововведеній и есть не иное что, какъ подтвержденіе старины и возведеніе на степень догматовъ разныхъ слабостей человѣческой природы. Такимъ образомъ Мухаммедъ старался соединить въ своемъ вѣроученіи, по возможности, всѣ вѣрованія различныхъ обитателей Аравіи, чтобы вѣра его всѣмъ могла нравиться и вездѣ находить себѣ послѣдователей. И точно, ученіе Мухаммеда болѣе или менѣе нравилось всѣмъ — и іудеямъ, и лже-христіанамъ, и язычникамъ, потому что каждый изъ нихъ находилъ въ немъ для себя нѣчто знакомое, близкое.

Далѣе, къ обращенію въ мухаммеданство весьма многихъ влекло и самое свойство Мухаммедова лжеученія. Оно было обольстительно для чувственности человѣка естественнаго, снисходительно къ плотоугодію и ко всѣмъ страстямъ человѣческимъ, даже обѣщало послѣдователямъ своимъ непрерывныя наслажденія за гробомъ, въ сладострастнѣйшемъ раю, гдѣ будто каждому вѣрному слугѣ Божію даны будутъ по 100 ситъ (человѣческихъ) на то, чтобы ѣсть и пить и не потребствовать отъ зари до зари...

И къ тому же эти прельщенія чувственными наслажденіями, равно какъ и всѣ свои догматы Мухаммедъ выражалъ цвѣтистымъ, витійственнымъ, восточно-фигурнымъ и сладкорѣчивымъ языкомъ, который для арабовъ и вообще для жителей востока казался высокимъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ и небеснымъ словомъ. И точно, Му-

хаммедъ всегда старался поддѣлываться подъ вкусъ арабовъ, привыкшихъ къ поэтическому выраженію мыслей и чувствованій; всегда сообщалъ свое ученіе въ изящнѣйшей формѣ, въ рѣчи сильной, одушевленной и гармонической. Самымъ баснямъ своимъ онъ умѣлъ придать занимательность и заманчивость. Оттого-то слова его для слушателей всегда были увлекательны.

Хотя Мухаммедъ самыми условіями жизни своей какъ бы нарочито былъ приготовляемъ къ преобразованію своихъ соотечественниковъ, хотя онъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ благопріятствовавшія обстоятельства историческія, и хотя, наконецъ, удачно и очень хитро приспособлялся къ нравамъ и склонностямъ разнородныхъ обитателей Аравіи: однакожь руководствуясь только этими средствами, онъ не могъ пріобрѣсть себѣ многихъ послѣдователей, доколѣ не употребилъ другихъ способовъ, болѣе дѣйствительныхъ — насилія и меча. Сдѣлавшись главою многочисленной толпы фанатиковъ, Мухаммедъ употребилъ эту страшную силу для подтвержденія своего лжепророческаго служенія. Онъ уже не убѣждалъ тогда, не доказывалъ, а угрозами повелѣвалъ вѣрить себѣ на-слово. Съ чашею удовольствій въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, онъ говорилъ каждому изъ идолопоклонниковъ: „вѣруй мнѣ или умри“, а іудеевъ и христіанъ, если они не хотѣли быть мусульманами, осуждалъ на вѣчное рабство. Вотъ какимъ образомъ подчинялось такое множество разнаго рода людей ученію и страстямъ краснорѣчиваго фанатика.

И притомъ, Мухаммедъ въ равной степени искусно владѣлъ и мечемъ и скипетромъ: онъ былъ не только завоеватель, но и хитрый политикъ. Мухаммедъ ничего не упускалъ что бы могло содѣйствовать его планамъ, не колебался ни предъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей и, когда нужно, умѣлъ сильно возбуждать любимыя страсти своихъ подчиненныхъ. Такъ, чтобы болѣе воодушевить арабовъ при распространеніи своей вѣры силою оружія, онъ указывалъ

имъ на побѣды, богатая корысти и славу, сверхъ того обѣщала высочайшія почести за мужество въ бояхъ въ семь мѣръ и будущемъ. Можно представить, до какой степени звѣрства Мухаммедъ воспламенялъ этимъ пылкія страсти своихъ воиновъ, и какая орда варваровъ, если можно такъ выразиться, спущена была съ привязи на родъ человѣческой. Особенно большою опорою успѣхамъ мухаммеданскаго оружія служило ученіе о предопредѣленіи: оно въ высшей степени внушало мусульманамъ рѣшимость на всякаго рода самоотверженіе. Оттого-то у нихъ доселѣ, при завоеваніи городовъ и областей, рѣзко обнаруживается безумный фанатизмъ, слѣпая преданность неизбѣжному року, бѣшенное мужество, отчаянная храбрость, холодное презрѣніе собственной жизни, безчеловѣчное пренебреженіе жизни другихъ и вообще ничтожное мнѣніе о всемъ земномъ существованіи. Мусульманинъ погибаетъ съ оружіемъ въ рукахъ въ твердой увѣренности на блаженство: ибо рай его, какъ говоритъ онъ въ пылу изступленія, находится подъ мечемъ.

Итакъ быстрое распространеніе мухаммеданства при самомъ основателѣ его не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго: оно было слѣдствіемъ причинъ естественныхъ и потомъ разныхъ мѣръ, большею частію неодобрительныхъ, незаконныхъ, насильственныхъ.

По утверженіи же мухаммеданской вѣры и основаніи сарацинской имперіи искусствомъ и побѣдами Мухаммеда, не трудно было Абу-бекеру, Омару, Осману, Моавіи, Валиду и другимъ калифамъ продолжать начатое такъ успѣшно дѣло лжепророка. — Сарацины были народъ многочисленный и притомъ свѣжій и бодрый, неослабленный роскошью, не изнуренный развращеніемъ. Мухаммедъ составилъ изъ него сильное войско, которое нѣсколько разъ самъ водилъ къ побѣдамъ и славѣ; и такое-то войско, уже обученное и закаленное въ битвахъ, имѣвшее искуснѣйшихъ полководцевъ, воодушевляемое фанатизмомъ, пророкъ-завоеватель оставилъ своимъ преемникамъ. Чтоже, напротивъ,

тогда представляли содредѣльныя Аравіи царства? Греческая имперія, одряхлѣвшая внутренно и обезсиленная отъ общаго поврежденія нравовъ, тревожимая безпрестанными набѣгами сѣверныхъ варваровъ, раздираемая партіями, волнуемая ересями, не походила болѣе на хорошо устроенное государство. Другая, знаменитая въ то время держава, — Персія также и внутри и внѣ была потрясена и медленно, но неудержимо клонилась къ паденію. Такая слабость Греческой имперіи и ея соперницы Персіи весьма много облегчала успѣхи мухаммеданства. Ибо что, при такомъ положеніи дѣлъ, греки и персы могли противопоставить, когда имя Мухаммеда и его коранъ проникали повсюду остріемъ меча и силою пламени?

Такимъ образомъ, быстрое распространеніе мухаммеданства по разнымъ странамъ послѣ смерти основателя его также не представляетъ ничего необыкновеннаго, а тѣмъ болѣе — чудеснаго. Вообще, вся проповѣдь мусульманской вѣры ясно свидѣтельствуетъ о человѣческомъ происхожденіи послѣдней. Ибо сколько было при семъ пролито невинной крови! Полчища мусульманскія производили во всѣхъ частяхъ свѣта, куда они только вводили вѣру лжепророка, неслыханныя жестокости: достойная проповѣдь этой ужасной вѣры! Они были подобны потоку, выступившему изъ береговъ и далеко распространившему свои опустошенія, или лучше — это были новыя, стольже страшныя орды новаго Атиллы, бича неба ⁽¹⁾.

Чтожь касается того, что мухаммеданство и доселѣ держится упорно въ тѣхъ странахъ, гдѣ впервые оно утвердилось, и, по видимому, еще весьма сильно и твердо, — для объясненія этого достаточно замѣтить: возникшее изъ нѣдръ невѣжества и послѣ всегда распространявшееся и утверждавшееся фанатическимъ невѣже-

(1) Кажется, сами мусульмане, какъ и гунны, чувствовали свое мстительное назначеніе. Между ними ходитъ пословица: «гдѣ конь султана всгалъ ногою, тамъ никакая трава не растетъ».

ствомъ, оно донынѣ преимущественно опирается на тоже невѣжество. Невѣжество—это, можно сказать, твердыня и крѣпостная стѣна, за которую держится все зданіе мухаммеданства.

Наконецъ, рассмотримъ еще одинъ и послѣдній признакъ истинно-божественной вѣры въ приложеніи къ мухаммеданской, именно: оказала ли послѣдняя какія-либо благотворныя дѣйствія въ отношеніи къ роду человѣческому, или, по крайней мѣрѣ, къ мухаммеданскому міру?

Прослѣдивъ исламъ отъ его колыбели до позднѣйшихъ временъ, нельзя не допустить, что въ нѣкоторой степени онъ принесъ пользу языческимъ народамъ Азіи и Африки. Онъ нѣсколько воодушевилъ и оживилъ, хотя на короткое время, массы людей, составлявшихъ населеніе распадавшихся государствъ востока; потомъ представивъ старыя языческія повѣрья въ новомъ „corpus doctrinae“, если не уничтожилъ, то, по крайней мѣрѣ, ослабилъ между народами Азіи и Африки разномысліе и привелъ къ познанію Единого Бога племена, утратившія его въ идолопоклонствѣ (сабеи) и въ поклоненіи огню (маги). Кроме того, онъ нѣсколько смягчилъ грубыя нравы дикихъ арабовъ и прекратилъ между ними нѣкоторые вредные, безчеловѣчные обычаи; такъ, напр. кровавыя жертвоприношенія людей замѣнилъ молитвами, постомъ и милостынею...

При всемъ томъ, мухаммеданство вообще принесло народамъ, его принявшимъ, гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Не упоминаемъ уже о томъ, что Мухаммедъ не указалъ ничего такого, что бы клонилось къ общему благу человечества; онъ даже не возсоздалъ надлежащимъ образомъ и тѣ народы, которые приняли его исламъ, не одушевилъ ихъ сознаниемъ нравственныхъ своихъ силъ. Возбужденные, правда, обаятельнымъ стихомъ корана къ жизни бурной и воинственной, мухаммедане сначала какъ будто хотѣли жить и дѣйствовать въ историческомъ мірѣ, хотѣли, повидимому,

сдѣлаться преемниками богатаго духовнаго наслѣдства, завѣщаннаго человѣчеству гениемъ Греціи: но то была, можно сказать, минутная вспышка... Вскорѣ исчезли и самыя слѣды этой образованности, и мухаммедане какъ бы заснули умственно и нравственно, и такимъ образомъ спятъ уже нѣсколько столѣтій, погружившись въ формализмъ своей вѣры и наслаждаясь умственнымъ покоемъ и фантастическими грезами о сладкомъ будущемъ... Такъ, исламъ задержалъ ходъ человѣческаго развитія въ большей части Азіи. Другаго и нельзя ожидать отъ него. Коранъ осуждаетъ своихъ послѣдователей на неисцѣльное невѣжество; онъ запрещаетъ всякія умственныя занятія и повелѣваетъ на-слово принимать все, что содержится въ немъ, а чего нѣтъ—то, по его взгляду, излишне, вредно и пагубно. Потому-то мы видимъ, что народы, исповѣдывавшіе христіанскую вѣру, послѣ обращенія своего въ мухаммеданство, всегда дѣлались варварами.

Политическая несостоятельность мухаммеданскаго міра въ продолженіи столькихъ столѣтій зависитъ, между прочимъ, отъ неопредѣленности и скудости законодательныхъ предписаній Мухаммеда, предписаній, весьма несложныхъ и оказавшихся только въ началѣ удовлетворительными для религіозно—воинскаго братства, въ которомъ все страсти сосредоточивались на угожденіи главѣ; но послѣ смерти Мухаммеда, когда заговорили личные интересы, скудость и несовершенство сихъ правилъ обнаружилась вполнѣ. Внутреннія волненія въ мухаммеданскомъ мірѣ были почти непрерывны какъ въ религіозной жизни мусульманъ, такъ и въ гражданской. Секты одна нѣмѣе другой быстро возникали; заговоры и убійства стѣлались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ; жертвы гибли даже въ храмахъ во время богослуженія. И вообще, вся послѣдующая исторія калифатства доказываетъ непрочность постановленій корана.

Если въ заслугу Мухаммеду ставятъ то, что онъ соединилъ тѣсными узами вѣры разъединенныя, кочующія племена Аравіи и нѣкоторыхъ другихъ странъ

востока; то не онъ ли же такъ рѣзко очертилъ мусульманина, оттолкнувъ его отъ ближайшаго соприкосновенія съ другими народами. Онъ сообщилъ своимъ послѣдователямъ нестерпимую гордость и надмѣнность, два качества, препятствующія единенію народовъ.

Сверхъ всего этого, мухаммеданская вѣра во многихъ отношеніяхъ положительно вредна. Напримѣръ, ученіемъ своимъ о безусловномъ предопредѣленіи она хотя съ одной стороны укрѣпляетъ человѣка противъ бѣдствій, но за то съ другой совершенно ослабляетъ самобытность характера, сообщая послѣдователямъ своимъ какую-то безнечность въ дѣйствіяхъ. Ибо все случающееся съ человѣкомъ, по ея взгляду, нисколько не зависитъ отъ личныхъ его побужденій, а отъ тяготящей надъ нимъ судьбы, которой всѣ должны покоряться безусловно. Оттого-то мусульманинъ, видя имущество свое гибнущимъ въ огнѣ, видя человѣка, умирающаго отъ заразы, мореходца, поглощаемаго волнами по неискусству кормчаго, больнаго, жестоко страдающаго отъ невѣжества врача, — на все это смотритъ самымъ холоднымъ и равнодушнымъ образомъ, восклицая только: „великъ Аллахъ“!

Еще гибельнѣе и вреднѣе ученіе корана о многоженствѣ. Отсюда-то происходитъ у народовъ, исповѣдающихъ исламъ, развращеніе обоихъ половъ и особенно — постоянное униженіе и угнетеніе женскаго пола, т. е. цѣлой половины человѣческаго рода, которая повергнута у нихъ въ жалкій позоръ и крайнее бѣдствіе. Женщина, по смыслу корана, не болѣе какъ вещь, сотворенная и назначенная мужу только для чувственныхъ наслажденій. Какой низкій и недостойный взглядъ на жену, созданную Богомъ быть помощницею мужу! И сколько отъ сего бываетъ безпорядковъ и неуройствъ въ семействахъ мухаммеданскихъ!

Послѣ сего не удивительно предложить вопросъ: дѣлаетъ ли сколько-нибудь и въ какомъ-либо отношеніи лучше мухаммеданская вѣра своихъ послѣдовате-

лей? Отвѣтъ, кажется, долженъ быть отрицательный: ибо чѣмъ крѣпче они держатся ея правилъ, чѣмъ строже исполняютъ ея предписанія, тѣмъ становятся грубѣе, изувѣрнѣе. Мухаммеданская вѣра подавляетъ въ ревностнѣйшихъ своихъ исповѣдникахъ почти всѣ добрыя свойства и чисто-человѣческія чувства. И этаго она, къ сожалѣнію, очень легко можетъ достигать: она наложила тяжелую печать свою на весь бытъ мусульманъ, — на духовный и вещественный, внутренній и внѣшній.

Но что всего пагубнѣе для исповѣдниковъ исламизма, — это то, что мухаммеданская вѣра, сама не принося имъ никакой существенной пользы, запрещаетъ въ то же время все то, чѣмъ бы могли они воспользоваться во благо и счастье себѣ. Мало того, внушая послѣдователямъ своимъ совершенное равнодушіе къ высшимъ потребностямъ духа, которыя рано или поздно, но непременно ведутъ къ свѣту истины, она тѣмъ удалила и удаляетъ заблуждающихся своихъ поклонниковъ отъ истиннаго божественнаго откровенія.

Изъ всего нашего изслѣдованія о мухаммеданской вѣрѣ открывается, что она, дѣйствительно, представляетъ собою полное отсутствіе признаковъ истинно-божественной вѣры, не имѣетъ ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ признаковъ послѣдней. Всѣ доказательства мухаммеданства основываются только на личныхъ увѣреніяхъ его основателя, на силѣ меча и слѣдующемъ изреченіи: „вѣруй мнѣ или умри“.

Всѣ, съ надлежащею внимательностію разсматривавшіе исламъ, согласно признаютъ его вѣрою ложною, изобрѣтеніемъ человѣческимъ, и то крайне недостаточнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, а основателя исламизма, не смотря на всѣ его притязанія на названіе пророка и посланника Божія, — энтузіастомъ до самопрезрѣнія и обманщикомъ, обольщающимъ другихъ до фанатизма.

Такимъ образомъ, обозрѣвъ прямымъ и безпристрастнымъ взоромъ вѣру православно-христіанскую и вѣроученіе мухаммеданское, обсудивъ высокое достоинство первой и недостатки послѣдней, разумно усматриваемъ, что первая несомнѣнно есть истинно-божественная вѣра, а послѣдняя стольже несомнѣнно—вѣрованіе ложное.

Преклонимъ съ св. апостоломъ Павломъ колѣна наши предъ Отцемъ Господа нашего Іисуса Христа, *изъ Него же всяко отечество на небесахъ и на земли именуется, да дастъ Онъ всѣмъ намъ и также заблуждающимъ поклонникамъ Мухаммеда, по богатству славы Своея, силою Духа Его утвердиться въ божественной христіанской вѣрѣ, вселиться Самому Христу въ рою въ сердца наша, вкорениться въ любви къ Нему во времени и въ вѣчности, да возможемъ разумѣти со всеми святыми широту и долготу, глубину и высоту—разумѣти же превышающую всякое разумѣніе любовь Христову къ роду человѣческому, и тако да исполнимся во всяко исполненіе Божіе. Могущему же ниче вся творити по избыточеству, иже просимъ или разумѣемъ, по силѣ дѣйствующей въ насъ, Тому слава въ церкви о Христѣ Іисусѣ, во вся роды вѣка вѣковъ. Еф. 3, 14—21.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>стр.</i>
Предисловіе.	5—7.
I <i>О признакахъ истинно-божественной вѣры:</i>	
А. О внутреннихъ признакахъ истинно-божественной вѣры	8—28.
Б. О вѣшнихъ признакахъ истинно-божественной вѣры.	29—47.
II <i>Объ истинности и божественности вѣры православно-христіанской:</i>	
А. Внутренніе признаки православно-христіанской вѣры.	49—86.
Б. Вѣшніе признаки православно-христіанской вѣры.	86—136.
III <i>О лживости и мнимо-божественности мухаммеданской вѣры:</i>	
Предварительныя замѣчанія о мухаммеданскомъ вѣроученіи.	138—142.
А. Недостатокъ внутреннихъ признаковъ истинно-божественной вѣры въ мухаммеданской вѣрѣ	142—192.
Б. Недостатокъ вѣшнихъ признаковъ истинно-божественной вѣры въ мухаммеданской вѣрѣ	192—224.
Заключеніе	224—225.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Нужно:</i>
8.	2.	Себѣ	Себе
40.	26.	Предположивъ	Предположимъ
44.	14.	сполнилось	исполнилось
45.	17.	наблюденія,	наблюденія.
49.	31.	вѣрѣ	вѣрѣ.
• 85.	6.	(1 Кор. 13,12),	(1 Кор. 13,12).
—	11.	поколенія	поколѣнія
89.	28.	святая,	святая.
96.	2.	верьте	вѣрьте
97.	14.	человѣкъ	человѣкъ,
101.	33,34.	виноградаряхъ	виноградаряхъ
120.	35.	цер. imperatores	ad imperatores
—	36.	ad исторіи	цер. исторіи
132.	37.	Арказ.	Арзакію.
135.	37.	чудесами,	чудесами.
164.	12.	разгнѣванной	разгнѣванной
173.	36.	опасенія	спасенія
180.	23.	опущеніе	опущеніе

У СВЯЩЕННИКА БОГОЯВЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ Г. КАЗАНИ ЕВФІМІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЛОВА ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ МИССИОНЕРСКАГО ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКАГО ХАРАКТЕРА:

1) Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ. Выпускъ первый, въ которомъ помѣщены: а) Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при казанской духовной академіи; б) Методъ миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ. соч. *Е. Виноградова* и в) Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ, соч. *В. Петрова*. Казань. 1873 г. Цѣн. 1 р.

2) Выпускъ второй, въ которомъ помѣщенъ «Опытъ изложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ», соч. *А. Леопольдова*. Казань 1873 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Выпускъ третій, въ которомъ помѣщены: а) соч. *Н. Ильина*—«Доказательства неповрежденности книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта противъ мухаммеданъ» и б) соч. *А. Филимонова* «Доказательства неповрежденности священныхъ книгъ новаго завѣта противъ мухаммеданъ». Казань 1874 г. 1 р. 30 к.

4) Выпускъ четвертый, въ которомъ помѣщено соч. *Н. Остроумова*—«Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ». Казань. 1874 г. Ц. 1 р. 30 к.

5) Выпускъ пятый, въ которомъ помѣщено соч. *А. Хрусталева*—«Очеркъ распространенія христіанства между пновѣрцами казанскаго края». Казань. 1874. Въ продажѣ уже нѣтъ.

6) Выпускъ шестой, въ которомъ помѣщено: соч. *Ө. Д. Кудъевскаго*—«Главныя мысли и духъ Корана» и соч. Вейля—«Историко-критическое введеніе въ Коранъ», переводъ съ нѣмецкаго *Е. Малова*. Казань. 1875 г. Цѣна 1 р. 30 к.

7) Выпускъ седьмой, въ которомъ помѣщены: а) соч. *А. Заборовскаго*—«Мысли алькорана, заимствованныя изъ христіанства»; б) соч. *Я. Фортунатова*—«Мѣста Корана благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство»; в) въ приложеніи—переводъ съ англійскаго: «Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства». Казань. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к.

8) Выпускъ восьмой, въ которомъ помѣщено: а) соч. священника *А. Свѣтлакова*—«Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана»; в) въ приложеніи—переводъ съ англійскаго: «Что заимствовалъ Мухаммедъ изъ іудейства». Казань. 1875 г. Ц. 1 р. 30 к.

9) Выпускъ девятый, въ которомъ помѣщено соч. *П. Раева*: «Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства». Казань. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к.

См. на обор.

10) Сличеніе мухаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ. Составилъ *Г. Саблуковъ*. Казань. 1873 г. Ц. 2 р.

11) Статистическія свѣдѣнія о крещеныхъ татарахъ казанской и пѣкоторыхъ другихъ епархій. *Е. Малова*. Казань. 1866 г. Ц. 20 к.

12) Очеркъ религіознаго состоянія крещеныхъ татаръ, подвергшихся вліянію мухаммеданства (миссіонерскій дневникъ). Ц. 50 к.

13) Религіозно-правственное состояніе крещеныхъ татаръ казанской губерніи мамадышскаго уѣзда. *М. Машанова*. Цѣна 50 к.

14) Православная противомусульманская миссія въ казанскомъ краѣ въ связи съ исторіею мусульманства въ первой половинѣ XIX вѣка. Ц. 50 к.

15) Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мухаммеданъ, соч. *Н. Красносельцева*. Казань. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к.

16) Матеріалы для изученія и обличенія мухаммеданства. Вып. 1. «Первоначально-богооткровенная истина Единоства Божія въ древней до-мухаммеданской религіи аравитянъ». *Е. Воронецъ*. Казань. 1873 г. Ц. 1 р.

17) Письма о магометанствѣ *А. Н. Муравьева*. Изд. 2-е. Казань. 1875 г. Ц. 50 к.

18) О превосходствѣ христіанства предъ мухаммеданствомъ. Епископа *Викторина*. Ц. 20 к.

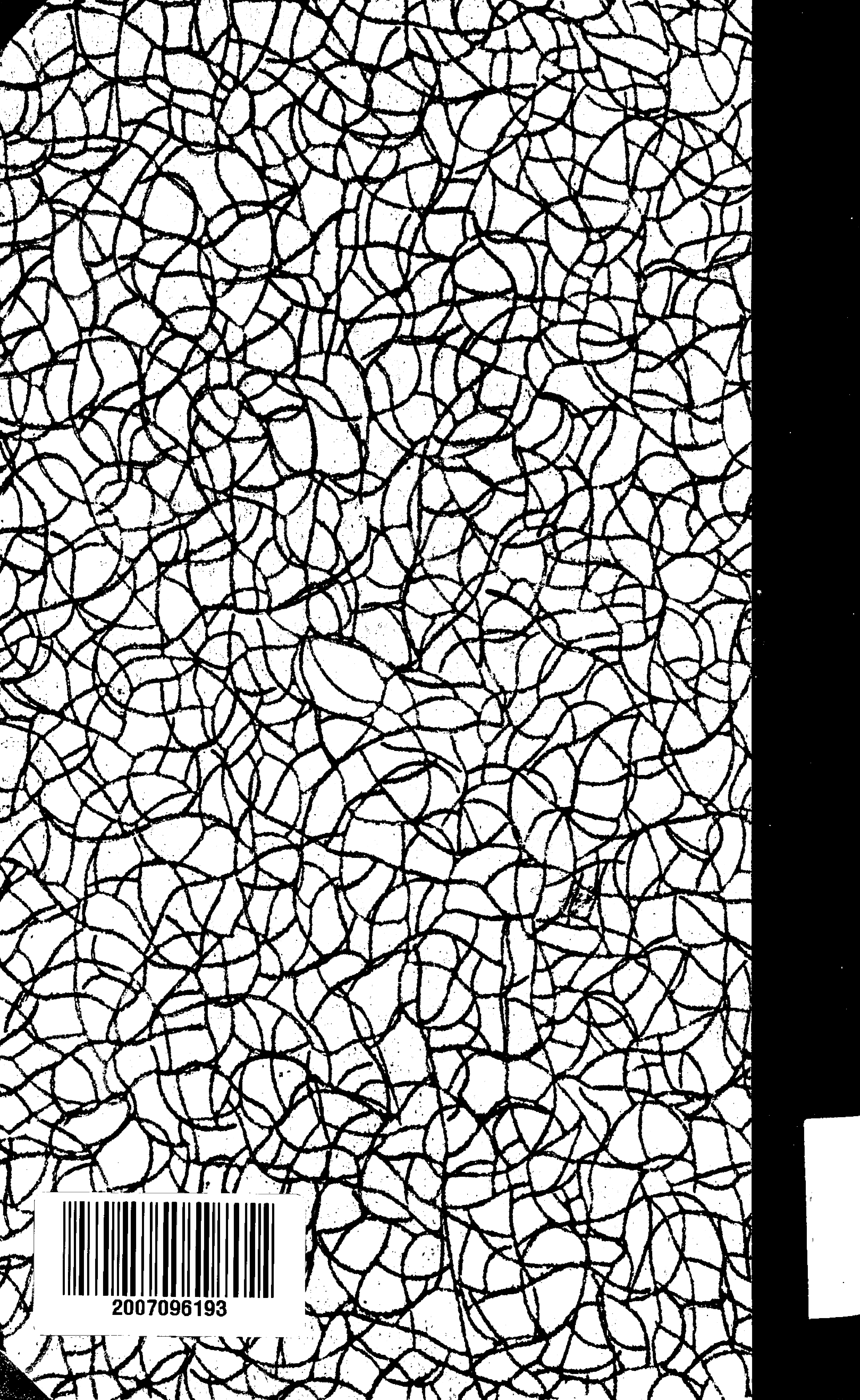
19) Понятія о женщинѣ и бытъ ея у мухаммеданъ и у христіанъ. Рѣчь Епископа *Викторина*, сказанная въ крещено-татарской школѣ въ Казани. 1874 г. Ц. 12 к.

20) Мухаммеданскій постъ-Рамазанъ. Ц. 10 к.

21) Характеръ и вліяніе ислама. Перев. съ англійскаго. Ц. 10 к.

22) Библия и Коранъ. Перев. съ англійскаго. Ц. 10.

23) Публичныя лекціи: а) церковныя братства въ виду современныхъ потребностей православной церкви и общества, *И. Бердникова*; б) объ австрійскомъ священствѣ, *Н. Ивановскаго* и в) о новокрещенскихъ школахъ въ XVIII в. *Е. Малова*),—читанныя въ пользу братства св. Гурія наставниками казанской д. академіи. Ц. 50 к.

2007096193